

ОГОНЁК

№ 35 АВГУСТ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

КОСМОС! ЖДИ В ГОСТИ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА!

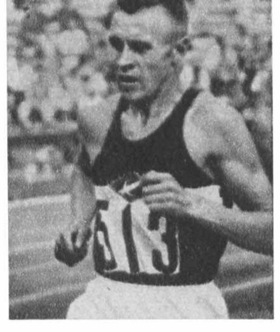
Одиннадцать картин И. И. Левитана

Почему плакал маленький американец?

ОТ КЕНГ

Ватерполиот В. Куренной.

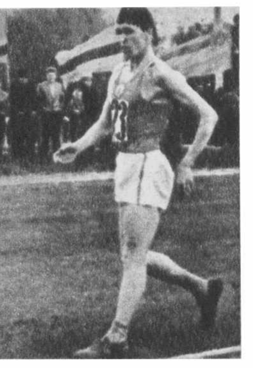
Бегун П. Болотников.

Прыгун Я. Красовскис.

Десятиборец В. Кузнецов.

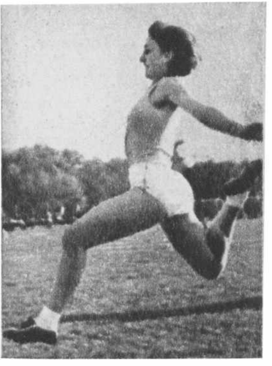
Скороход А. Ведяков.

Боксер А. Абрамов.

Пятиборец Н. Татаринов.

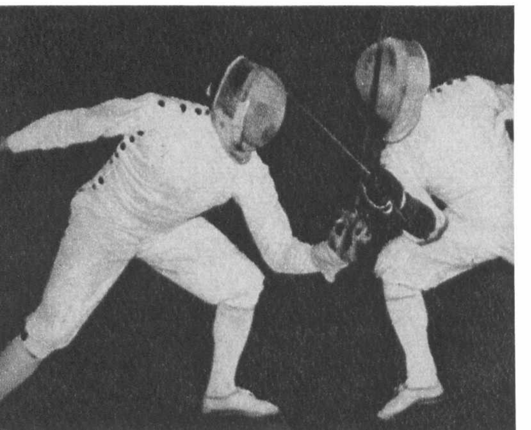
Легкоатлетка В. Шапрунова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 35 (1732)
28 АВГУСТА 1960
38-й год издания
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Фехтовальщик Я. Рыльский (слева).

УРУ — К ВОЛЧИЦЕ

Лев КАССИЛЬ

О...ни шли в общей сводной колонне олимпийцев — лучшие спортсмены всех пяти континентов. Среди них были и австралийцы, не только равноправные участники всемирного форума атлетов, но и радушные хозяева, принимавшие под своим небом, под своим кровом, под своим звездным флагом гостей и друзей со всех концов мира. И на их галстуках над традиционной пятицветной цепочкой красовался кенгуру, австралийский кенгуру, наклонно устремляющийся вперед в упругом скачке, динамический принцип которого уже несколько десятилетий применяется спринтерами на старте.

Это было четыре года назад, 8 декабря 1956 года, на церемониале закрытия XVI Олимпийских игр. Только что погасли буквы и цифры на демонстрационном щите, возвестившем о заключительной победе советских футболистов в финале, и на щите вспыхнули слова: «Олимпийская дистанция 1956 года пройдена. Пусть все, кто присутствовал здесь, возвращаются к себе на родину и пусть олимпийский дух сопутствует им. Мельбурн, олимпийский город, шлет вам прощальный привет, желает счастливого путешествия и удач в Риме, в 1960 году».

И вот сегодня, когда на календаре у нас первый год новой Олимпиады, то есть начальный год нового олимпийского четырехлетия, волнующие события, разыгравшиеся, как сказали бы астрологи, «под знаком кенгуру», уже ушли в историю спорта. Сегодня все живут «под знаком волчицы». Много месяцев назад во всех спортивных журналах света появился этот знак XVII Олимпийских игр — римская волчица, к сосцам которой тянутся два жизнерадостных младенца — Ромул и Рем. На спортивных стягах, на значках, на эмблемах, на бесчисленных сувенирах, на программках, альбомах, плакатах и афишах — всюду сегодня встретишь эту легендарную волчицу с двумя вскормленными ею легендарными близнецами, один из которых, по преданию, и основал «вечный город».

Если не произойдет чего-нибудь из ряда вон выходящего, то к тому времени, когда эти строки дойдут до читателей, священный огонь, зажженный скрещенными в фокусе вогнутого зеркала солнечными лучами в Олимпии, уже завершит свой почетный путь и будет пылать над Римским олимпийским стадионом. И слова доброго, дружеского напутствия, прозвучавшие четыре года назад «под знаком кенгуру», найдут продолжение в традиционной клятве олимпийцев, которую повторят съехавшиеся со всех частей света спортсмены, собравшиеся «под знак древней волчицы», ныне готовой принять не двух, а тысячи и тысячи братьев-спортсменов.

Когда-то в древности в Греции на время Олимпийских игр во имя дружбы, братства и товарищества молодых сердец, исполненных гордой веры в свои силы и великодушного уважения к сопернику, назначалось специальное «олимпийское перемирие», прекращались распри и войны. Душа спорта, огонь здравого, молодого соперничества царили над всем. Факел XVII Олимпийских игр в Риме зажегся в те дни, когда кое-кто пытается размахивать факелом отнюдь не олимпийским. Кое-где еще вынашиваются бредовые планы нападения на маленькую героическую Кубу, делаются попытки задушить интервенцией свободолюбивый, сбросивший наконец со своих плеч ярмо колониального гнета конголезский народ. Увы, не только олимпийский факел — вестник чудесной, молодой дружбы — пересекает ныне границы стран. Еще летают «локхиды» и бомбардировщики, попирающие неприкосновенность чужого неба.

Но силы спортивной дружбы, питаемые волей миллионов людей, желающих жить в мире друг с другом, не дадут погасить олимпийский огонь, огонь дружбы, который ныне прибыл в Рим, заставив заново помолодеть этот город с памятью, вмещающей тысячелетия.

Не впервые приходится спортсменам преодолевать враждебные миру и дружбе силы. В недавно вышедшей очень своевременно и добротно изданной книге П. Соболева «Олимпия — Афины — Рим» среди многих интересных материалов из истории всех предшествующих Олимпийских игр есть примечательные страницы, рассказывающие о том, какую душевную стойкость порой приходилось проявлять некоторым спортсменам — участникам XVI Олимпийских игр в Мельбурне...

Человеконенавистники, люди, живущие еще надеждой на то, что насилием можно остановить историю, грозили расправой спортсменам, стремящимся в Мельбурн на праздник международного спорта и всемирной дружбы.

«Стыд и позор,— говорил перед играми Джесси Оуэнс, знаменитый негритянский спортсмен, завоевавший на Олимпийских играх 1936 года 4 золотых медали,— что некоторые страны запретили юношам и девушкам ехать в Мельбурн. Мы живем в напряженной обстановке, но я уверен, что победят трезвые головы. Как спортсмен, я надеюсь, что Олимпийские игры в Мельбурне послужат делу доброй воли, что так теперь необходимо».

Как известно, проявления «обезьяньей злости» не смогли закоптить светлое, озаренное олимпийским огнем небо Австралии во время XVI Олимпийских игр. И надо полагать, что и сегодня ничто не затмит сияния олимпийского факела под горячим небом Рима.

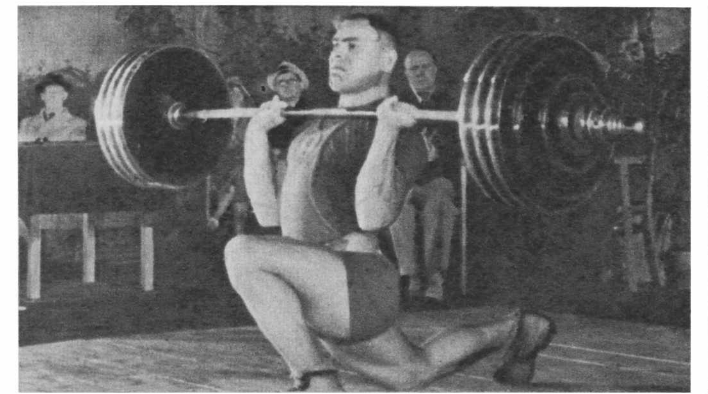
Законы олимпийской дружбы, тяга молодежи к взаимосближению, товариществу неодолимы. Славная, чистая, солнечная атмосфера международной дружбы, которая царила четыре года назад,

Окончание на стр. 8.

Дорогие друзья советские спортсмены! Хотим видеть вас на олимпийской вершине!

Борис Шахлин четыре года назад вернулся из Мельбурна с XVI Олимпийских игр с золотой медалью. И снова старт. На этот раз в Риме.

Фото А. Бочинина, Л. Бородулина, Б. Светланова.

Штангист Т. Ломакин.

Пловец В. Кузьмин.

Фото Ю. Кривоносова.

А. ГОЛИКОВ, И. СМИРНОВ

Специальные корреспонденты «Огонька»

Вот они — первые межзвездные путешественники, благополучно возвратившиеся на Землю, — говорит врач-экспериментатор.

Две маленькие собачки — Стрелка и Белка — лежат под деревом, высунув от жары красные языки и часто поводя боками. Слава удачливых космонавтов, совершивших небывалое в истории Земли путешествие, не вскружила им голов. Собаки охотно дают себя погладить, с благодарностью грызут предложенный сахар, халву — словом, ведут себя, как самые обыкновенные собаки.

И все же мы смотрим на них с удивлением, восторгом, как на чудо. Трудно поверить, что эти животные летали вокруг нашей планеты на корабле-спутнике, что после всего этого они остались живы и здоровы. Мы просим рассказать все об этих животных, о том, как их готовили к полету.

— Прежде всего, — говорит врач, — пришлось затратить много времени и труда, чтобы отобрать животных, подходящих для полета на корабле-спутнике. Мы искали маленьких собачек, но сильных, выносливых и, конечно, абсолютно здоровых. Они должны быть также сообразительны, послушны, хорошо поддаваться тренировке. Для лучшей передачи изображения собак по телевидению они должны обладать, что называется, «фотогеничной мастью».

После долгих поисков мы нашли в одном извивариев маленькую белую собачку с умной мордочкой и веселым, ласковым нравом. Так Белка была первой зачислена в «экипаж» корабля-спутника. В подруги ей подобрали собаку Стрелку, получившую такую кличку за резвый нрав. Затем начались обучение и тренировка «экипажа». Тут нам хорошо помог опыт, полученный еще при полете Лайки — первой межзвездной путешественницы. Как оказалось тогда, полет спутника — от старта до выхода на орбиту — животное перенесло вполне удовлетворительно.

Для Белки и Стрелки были сшиты специальные костюмы, отличные от тех, в которых летают «собаки-ракетчицы». Одежда предоставляла межзвездным путешественникам некоторую свободу движений. Она проволоками крепилась к лотку, но вместе с тем позволяла подниматься на ноги, шагнуть вперед, к кормушке, вернуться назад, подвинуться в сторону.

Более надежно крепились электроды-датчики для изучения биотоков сердца. Собакам, поднимающимся на ракетах, электроды накладывались на лапы, Белке и Стрелке мы вживили электроды в грудные мышцы.

Врач-экспериментатор проводит нас в высокую светлую комнату, посредине которой стоит большая герметическая камера с кабиной.

— Это кабина малого объема, — объясняет врач. — В ней созданы условия, близкие к орбитальному полету на корабле-спутнике. С помощью химических соединений, которые поглощают углекислоту и в достаточном количестве выделяют кислород, восстанавливается качество воздуха для дыхания. Специальное устройство поддерживает в кабине определенную температуру. Здесь царит абсолютная тишина, отсутствуют какие бы то ни было внешние раздражители. В такой кабине малого объема Белка и Стрелка жили по нескольку суток.

— А как животных кормили? — спрашиваем мы.

— Так же, как на корабле-спутнике. Автомат два раза в сутки подавал им пищу в чашечках.

— Ну, а как животные пили?

— Вода входила в состав пищи, приготовленной по особому рецепту, включающему все необходимое для жизни животного.

Для отправления других физиологических функций на животных надевался специальный резиновый костюм со шлангом.

В кабине малого объема собаки вели себя по-разному. Белка, быстро поняв, что от нее требуется, немного поскулила и успокоилась. А Стрелка никак не могла примириться с тишиной и теснотой. Она сердито лаяла, перекусывала проводники, пытаясь освободиться.

Но так было лишь первое время. Затем постепенно привыкла и Стрелка. Собак тренировали также в термобарокамере, где они привыкали переносить то жару, то холод.

На вибростенде они привыкали к вибрации в момент запуска ракеты. На центрифуге учились переносить огромные перегрузки. Под воздействием центрифуги Белка и Стрелка находились значительно дольше, чем те собаки, которых поднимали на ракетах.

— А вот аппараты, на которых из всех подопытных животных проходили тренировку только Белка и Стрелка.

Врач показывает нам катапультную установку — подвижное пилотское кресло, укрепленное на вертикальном рельсе.

Четвероногих космонавтов сажали на пилотское кресло, и пороховой заряд выстреливал их на семиметровую высоту.

Затем тренировку животных перенесли из лаборатории на ракетодром, постепенно приучая их к виду ракетных установок, к мощному гулу ракетных двигателей.

День, когда запускали корабль-спутник с двумя четвероногими пассажирами, выдался ясный.

Когда на собак надевали «полетную одежду», они себя вели спокойно. Но они стали повизгивать, лизать руки при посадке на корабль.

Как известно, вместе с собаками на борту космического корабля находились крысы и белые мыши, а также мухи, семена некоторых растений, грибки. Растения были посажены в землю. Этой земной почве первой было суждено побывать в космосе.

Наконец радио ракетодрома объявило: «До запуска корабля-спутника остается пять минут». Затем последовала команда «пуск». Нижнюю часть гигантского корабля охватило пламя, и он, вздрогнув, плавно отделился от пусковой платформы, с ревом устремился в зенит. Через несколько секунд корабль-спутник исчез из глаз, словно растаял в небе.

Но связь его с Землей не прекращалась ни на минуту. Врачи и ученые склонились к экранам телеметрических приборов, чтобы следить за состоянием подопытных животных. На экране телевизора они видели, как ведут себя животные в полете. Одновременно киноаппарат фиксировал телеизображения, получаемые на экране. Каждый кадр этого фильма был точно увязан по времени с информацией, которую передавала телеметрическая аппаратура. Таким образом, ученые получили возможность сравнивать то, что «увидела» телекамера, с тем, что зафиксировали приборы.

Врач показывает нам некоторые кадры, заснятые таким образом при полете корабля.

Первые мгновения, когда запускались ракетные двигатели, собаки лежали спокойно, лишь тревожно поводили ушами. Но когда сила ускорения стала давить на них, Белка опустила голову на вытянутые лапы, а Стрелка попыталась подняться на ноги, поднять голову. Но сила ускорения сковывала ее, придавив к полу кабины.

А вот первый кадр, заснятый в состоянии невесомости. Собаки лежат неподвижно, беспомощно вытянув лапы, словно мертвые.

— Они без сознания? — спрашиваем мы.

— Нет, просто отдыхают после перенесенной перегрузки, — отвечает врач.

И Белка и Стрелка оправились от пережитых треволнений быстро, с аппетитом позавтракали. В дальнейшем, находясь в полете, они питались регулярно.

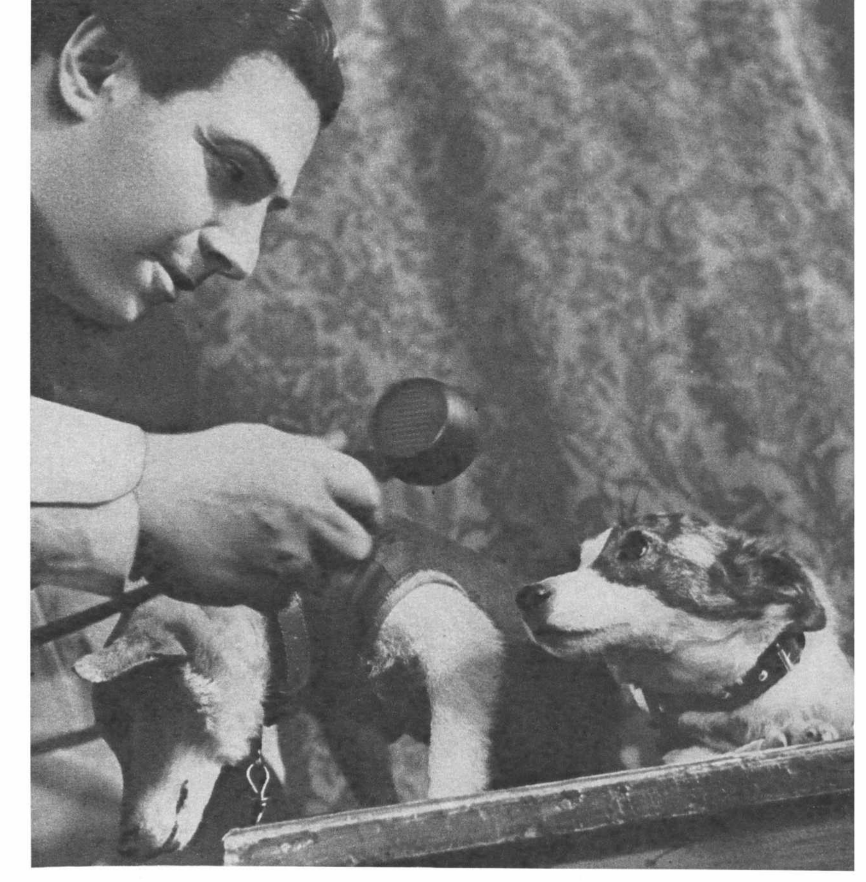
— А сколько времени животные пробыли в состоянии невесомости?

— Около суток.

— А как себя чувствовали животные при спуске?

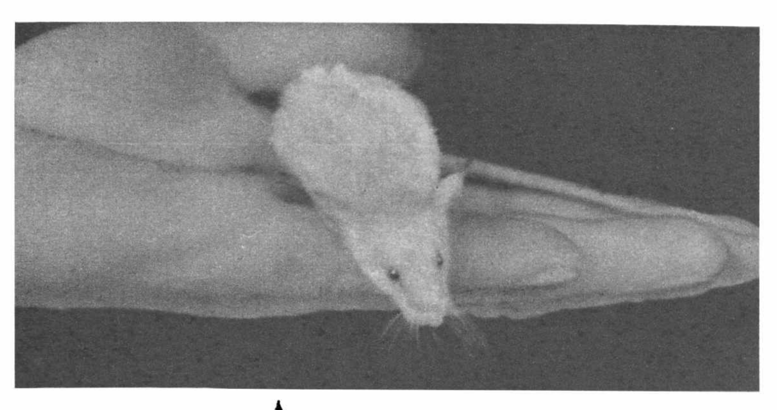
— Есть уже все основания утверждать, что перегрузки, испытанные животными, они перенесли нормально.

Сейчас Белка и Стрелка находятся под медицинским наблюдением. Но уже ясно, что космический полет на корабле-спутнике не повредил их здоровью.

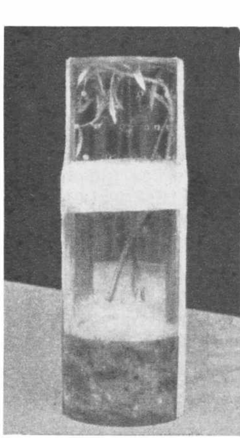

Их голоса зазвучат в эфире. Белка и Стрелка «дают интервью» для радио.

МЕЖЗВЕЗДН

↑ Приятно отдохнуть после долгого и необычного путешествия.

← Выход за пределы земной атмосферы, видимо, не повредил этим растениям.

Первые космические мухи. →

Отважная: — Будьте дисциплинированны, слушайтесь аппаратуру.

Осторожно, там собаки!

Сердцебиение Земли

Мечту
стрелою заострили,
В цехах
в броню
отлили мысль,
Из молний
выковали крылья,—
И вот взвилась жар-птица ввысь.

Как песнь,
Как искра звезд московских,
Она пульсирует вдали.
И ловит лунным ухом
космос
Сердцебиение Земли!

Иван АНДЕНКО

Фото Ю. Кривоносова, Ю. Абрамочкина и В. Николаенко.

Самые знаменитые собаки на земном шаре.

ЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

В час рассвета

Созвездия блуждали
в вечной мгле,
Казалось, им безмерный
счет потерян...
Мы первые сумели
на Земле
Открыть вселенной
запертые двери.

За облаками в светлом
серебре
Торжественно приходит
час рассвета...
Теперь я знаю — на любой
заре
Каемка знамени моей
Страны Советов.

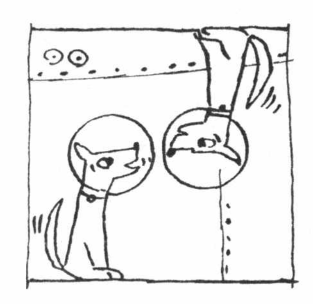
Михаил СВЕТЛОВ

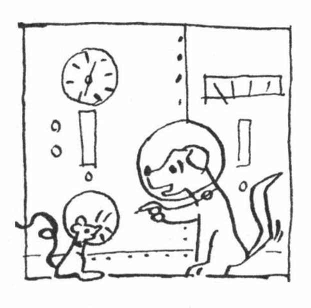
Белка: — Мне в космосе понравилось.

— Вот так я тренируюсь ежедневно.
Рис. Б. Семакова.

— Как себя чувствуешь, Стрелка?
— Легче, чем на Земле!

— Учти, нас могут встречать и кошки!

Возвращение с победой.

Теплая встреча.

Рисунки В. Сигачева.

РАССКАЗЫ О НОВЫХ НАУКАХ

«ЗЕМЛЯ—ОРБИТ

А. НИКОЛАЕВ,
кандидат медицинских наук

Самая древняя и самая юная. Первые космические пациенты. Врачи остаются на Земле

ыло время, когда люди мечтали узнать, какова обратная сторона Земли. Они совершали кругосветные путешествия, открывали новые части света.

Эти годы давно минули. Теперь человека занимает мысль: что представляют собой другие планеты, другие миры?

И в этом дерзновенном стремлении впереди идет советский человек. Именно он показал всему миру, что скрывается на обратной стороне Луны, именно он первым послал в космос живые существа. На борту второго искусственного спутника Земли находилось живое существо — собака Лайка. Это был уникальный научный эксперимент. А 19 августа с Земли взял старт второй космический корабль, несущий в герметической кабине различных подопытных животных, которые благополучно вернулись на Землю. И самое удивительное, пожалуй, то, что за их здоровьем и поведением медики наблюдали с Земли. Для этого на борту корабля-спутника была установлена специальная радиотелевизионная система.

Так в освоение космического пространства включаются не только физики, инженеры, математики и астрономы, но и биологи и врачи. При слиянии двух древнейших наук, астрономии и медицины, родилась самая юная наука XX века — космическая медицина.

Вес равен нулю. Выдержит ли сердце? Сила становится слабостью

«Тюфяки и подушки служат на земле для того, чтобы давление человеческого тела от тяжести не было сосредоточено на одну или несколько его точек, но чтобы оно распространялось на возможно большую поверхность тела. В свободном пространстве, очевидно, не нужны ни подушки, ни тюфяки, всякое место его служит нежнейшей периной... Также не нужны были бы и столы, этажерки и прочее, потому что все предметы могли бы свободно держаться в пространстве, без опоры, или без соприкосновения с другими телами... Там я могу стоять на острие штыка так же спокойно, как на ровном полу»,— писал в 1883 году Константин Эдуардович Циолковский.

Загадка невесомости издавна интересовала людей, порождая различные теории, а иногда и самые фантастические предположения. Еще и сейчас некоторые ученые утверждают, что при полном отсутствии силы тяжести жизнь может продолжаться всего несколько минут. По их представлению кровь, потеряв вес, не будет оказывать давления на стенки сосудов, где расположены специальные нервные окончания. А отсутствие давления в полостях сердца приведет к нарушению его деятельности.

Так ли это? Опыты советских ученых доказывают, что дело обстоит иначе. Лайка вполне удовлетворительно чувствовала себя при взлете и выходе спутника на орбиту, а главное, довольно долго жила в условиях полной невесомости. Каких-либо существенных нарушений работы сердца не было обнаружено.

И все же в условиях невесомости могут возникнуть нарушения жизнедеятельности организма. Дело в том, что при отсутствии земного притяжения центральная нервная система не будет получать правильных сигналов от органов чувств. Ведь основную роль при координации движений в пространстве играют органы зрения, равновесия и мышечного чувства, так называемая «триада ориентировки».

Только зрение не зависит от силы тяжести. В условиях невесомости человек будет видеть так же хорошо, как и на Земле. Но зато простые и обычные движения — ходьба, способность брать и удерживать предметы, писать, рисовать — могут превратиться в проблему. Сила человека станет его слабостью. Нетренированные люди будут при движении рукой допускать промахи. Ведь сила мышц останется прежней, а рука потеряет вес, и при движении ей придется преодолевать только силу инерции. Рассчитано, что, например, на Луне, где притяжение в шесть раз меньше земного, человек легко сможет перепрыгнуть через здание, равное по высоте Большому театру.

В условиях потери веса органы равновесия — отолиты, расположенные во внутреннем ухе, станут подавать ряд противоречивых и ложных сигналов. Делали такие опыты. У одной черепахи не функционировал орган равновесия — лабиринт, расположенный во внутреннем ухе. В естественных условиях, на Земле, этой черепахе не удавалось самой схватить пищу. Зато в состоянии невесомости она хватала корм с поразительной точностью. И наоборот, здоровые черепахи в состоянии невесомости не могли брать еду. Однако после 20—30 таких полетов и у здоровых черепах вырабатывалось приспособление, и они быстро захватывали пищу. При этом их движения стали мало отличаться от движений в обычной обстановке.

Особый интерес представляют исследования влияния невесомости на организм человека. Эти эксперименты позволяют в условиях кратковременной невесомости изучить не только характер изменения физиологических реакций организма, но и оценить все разнообразие внутренних переживаний и ярких эмоциональных ощущений человека.

На втором советском космическом корабле-спутнике отрабатывались системы, обеспечивающие жизнедеятельность человека в мировом пространстве. Кабина корабля была оборудована всем необходимым для будущего безопасного полета человека в космос и возвращения его на Землю.

Глубокие корни. Как дышать? Чем питаться?

История космической медицины уходит своими корнями к исследованиям отца русской физиологии И. М. Сеченова, великого химика Д. И. Менделеева, калужского мечтателя К. Э. Циолковского.

В шестидесятых годах прошлого столетия на аэростате «Зенит» трагически погибли два французских аэронавта. Казалось, в аэростате было все спокойно: он поднялся на высоту 8 тысяч метров, а потом благополучно приземлился недалеко от Парижа. Но в самом аэростате было далеко не все благополучно. Один из аэронавтов находился в глубоком обмороке, два других были мертвы. Почему они погибли? Это заинтересовало ученых всего мира. Но только Иван Михайлович Сеченов отгадал и научно обосновал причину их смерти. На высоте 8 тысяч метров над Землей им просто нечем было дышать. Ведь на этой высоте парциальное давление кислорода ничтожно.

Как же человеку сохранить жизнь на больших высотах? Человек в течение многих тысячелетий приспособился к существованию на своей гостеприимной планете — Земле. Земля окружена атмосферным воздухом, представляющим собой физическую смесь газов: кислорода, углерода, азота — и около одного процента редких газов (аргона, неона, гелия, водорода и др.).

Известно, что все живое, за исключением небольшой группы бактерий, не может сохраниться в среде, лишенной доступа воздуха. Энергия, необходимая для течения сложных биохимических процессов, может пополняться лишь за счет реакции окисления при дыхании клеток организма кислородом. При подъеме до высоты 3—4 тысяч метров здоровому человеку еще достаточно кислорода. Но при дальнейшем подъеме начинается кислородное голодание.

Вскоре после трагической гибели экипажа аэростата «Зенит» Д. И. Менделеев высказал идею создания герметической кабины, в которой человек может безопасно подниматься на большие высоты. Эта идея, высказанная почти сто лет назад, сейчас успешно применяется и в авиации, и на ракетах, и в космических кораблях. В своей работе Менделеев писал: «Для большей безопасности наблюдатель должен будет поместиться в лодку, герметически закрытую и постоянно наполненную воздухом под обычным давлением».

Особое место в создании космической медицины принадлежит Константину Эдуардовичу Циолковскому, творцу фундаментальной теории реактивного движения и межпланетных сообщений. В его трудах значительное место занимали медико-биологические проблемы, возникающие в связи с полетом человека в космос. Еще в 1876—1878 годах Циолковский проводит опыты с животными и насекомыми.

Космические полеты можно разделить по их продолжительности на три степени. Например, полет на Луну или вокруг Земли займет от одного до пяти дней, полет на Марс или Венеру — до нескольких месяцев, и, наконец, длительные полеты, продолжающиеся, возможно, в течение жизни нескольких поколений. (Это, конечно, «по земному времени».)

Особенно важно при полетах человека на другие планеты обеспечить экипаж космического корабля пищей, водой и кислородом.

При кратковременных космических полетах можно пользоваться запасами кислорода, взятыми с Земли, а угольную кислоту, вредную для организма, будут «съедать» химические вещества, например, щелочи. При длительных межпланетных полетах К. Э. Циолковский предлагал создать на космическом корабле маленький растительный мирок. В своей работе «Теория реактивного движения» он писал: «Для продолжительного пребывания вне атмосферы могут оказаться полезными специально подобранные растения, обильно подающие кислород и пищу. Для этого очевидна необходимость прозрачных окон и солнечного света. Недостатка в солнечных лучах не будет, так как облаков, воздуха и тумана за атмосферой нет».

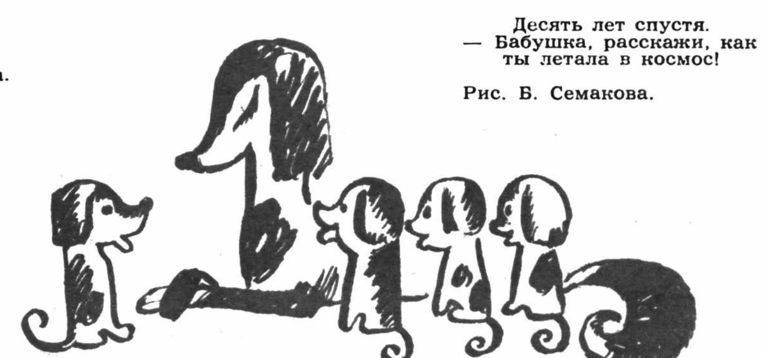
Сейчас многих ученых особенно занимает морская водоросль хлорелла, которую пытаются использовать для этой цели.

Ну, а как питаться во время межпланетных путешествий?

Первая личная ракета.

Рис. А. Бахвалова.

Десять лет спустя.
— Бабушка, расскажи, как ты летала в космос!

Рис. Б. Семакова.

...А МАРСА»

Учеными подсчитано, что человек поглощает в год около двух тонн пищи, воды и кислорода. Минимальные потребности человека в воде составляют один литр в сутки, а при пользовании концентрированными, частично обезвоженными продуктами еще больше: два-три литра. Предположим, что полет на Луну и обратно с учетом пребывания там займет месяц. Вы знаете, сколько пищи, воды и кислорода надо взять с собой, даже если в экипаже будет всего три—пять человек? Около тонны!

Но оказывается, всего несколько десятков килограммов водорослей обеспечат весь космический экипаж кислородом и дадут необходимое количество пищи. К тому же сами водоросли смогут утилизировать продукты жизнедеятельности человека.

Невидимые враги. А если будет жарко! Новый наряд космонавта

При разработке вопросов, связанных с полетом человека в мировое пространство, надо учесть, что вокруг космонавта не будет земной атмосферы. А ведь именно атмосфера защищает нас от действия космического излучения.

Защита от этих невидимых «врагов» очень сложна. Например, ядра железа обладают такой энергией, что пробивают пластины свинца толщиной в 30 сантиметров. А ведь при поражении космическими лучами жизненно важных тканей организма могут возникнуть серьезные нарушения его деятельности. Для изучения влияния космических лучей на организм животные поднимались на такие высоты, где интенсивность первичного космического излучения достаточно велика. Уникальный эксперимент проводился и на втором советском космическом корабле.

Многие зарубежные ученые настойчиво утверждают, что космическое излучение представляет непреодолимую опасность для будущих межпланетных полетов. Но исследования советских физиков лауреатов Ленинской премии С. Н. Вернова, А. Е. Чудакова, Н. В. Пушкова и Ш. Ш. Долгинова, которые открыли и исследовали внешний радиационный пояс Земли, магнитные поля Земли и Луны, опровергают эти высказывания. Ученые предполагают, что внешний радиационный пояс Земли можно обогнуть и выбрать маршрут для космического корабля с таким расчетом, чтобы обойти зоны интенсивной космической радиации в мировом пространстве.

Безусловно, для космонавта нужна специальная одежда. Еще Циолковский предлагал использовать для этой цели скафандр. В этой специальной одежде при снижении барометрического давления в окружающем пространстве автоматически создается необходимое давление вокруг тела астронавта. Под шлем скафандра поступает кислород.

Развитие высотной авиации привело к необходимости разработки таких костюмов и для летчиков.

Но при больших скоростях космического полета должна возникнуть очень высокая температура. Эксперименты, проведенные за рубежом, показали, что при влажности воздуха 30% температура в 100°С переносится лишь в течение тридцати минут; 125°С — двадцати минут и 200°С — в течение трех минут. При дальнейшем увеличении температуры возникают ожоги открытых участков кожи и особенно глаз.

Как же защитить космических путешественников от этой страшной жары?

Борьба с перегреванием с помощью специальной системы охлаждения или не пропускающих тепла прокладок бортов вряд ли окажется эффективной. При этом значительно возрастет вес космического корабля. Как указывают крупнейшие зарубежные специалисты, идеальным решением этого вопроса явится соединение вентилируемого комбинезона и высотного компенсирующего костюма. В последнее время был создан многослойный высотный костюм-скафандр, который весит около шести килограммов и состоит из пяти частей: верхней алюминированной одежды для защиты от повреждений перегревания, устройства для вентиляции, сетки из водонепроницаемого нейлона, противоперегрузочного устройства и, наконец, нижнего белья, защищающего тело летчика или космонавта от первого охлаждения. Этот костюм-скафандр прошел испытания в барокамере на высотах до 150 километров.

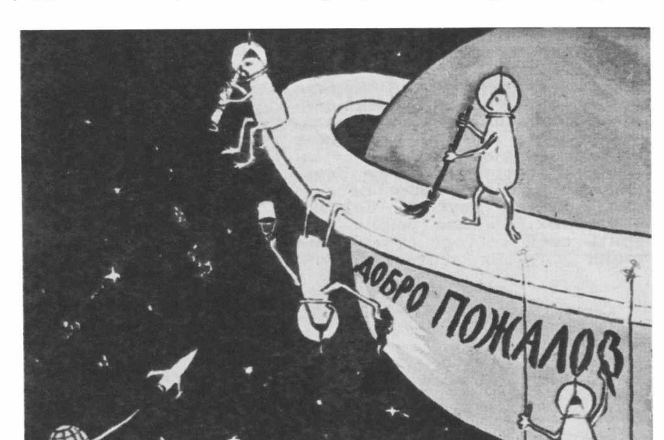
Много еще нужно сделать ученым, чтобы подготовить человеку условия полета на Луну или на другие планеты. Над этим успешно работают солдаты новой науки — космической медицины.

Эти строки пишутся, когда впервые в истории живые существа благополучно возвратились из космоса на Землю... Второй космический корабль-спутник был оборудован всем необходимым и для будущего полета человека.

Мечты претворяются в жизнь. Именно сейчас с особой силой звучат слова К. Э. Циолковского: «Герои и смельчаки проложат новые воздушные трассы... Земля—орбита Луны, Земля — орбита Марса».

На пороге больших высот...

Фото Дм Бальтерманца.

Нас ждут и на Сатурне.

Рис. В. Савченко и Ю. Гаврилина.

Катанга — пирог с начинкой

Публикуемый отрывок из путевых заметок прогрессивного бельгийского журналиста Алена Гирбранта вошел в его книгу «Черное и белое Конго». Книга была написана до того, как бельгийская колония стала независимым государством. То, о чем рассказывает автор, проливает свет на причины темных махинаций империалистов Бельгии и других стран, стремящихся оторвать Катангу от молодой Конголезской Республики.

Ален ГИРБРАНТ

Час дня. С неба сквозь разрывы облаков на город изливается жара, подобная раскаленной лаве. Она размягчает коньки цинковых крыш, сползает вниз, коварно пробирается через полузакрытые двери.

Я покидаю Жадовиль. Моя голова и тетради наполнены цифрами, справками. Мелькают слова: «промышленные алмазы», «медь», «кобальт», «цинк», «олово», «золото»...

Катанга!.. Кладовая несметных богатств Бельгийского Конго. Обширное плоскогорье, величиной с Францию, на которое устремлены взоры бирж и военных заводов всего мира.

Пятьсот тысяч квадратных километров от Танганьики до Анголы, от бассейна реки Конго до бассейна Замбези — таковы границы и размеры этого «пирога», начиненного самыми ценными минералами. И все это в руках одной промышленной компании «Юнион Миньер», прибыли которой под заботливой охраной короны, банков и церкви Бельгии. Трудно еще найти пример сосредоточения таких богатств под единой властью

Я видел гранулированный кобальт. Видел тяжелые крупинки золота, розовые полосы меди, выходившие из электрических печей, как красавицы из ванны.

Мне казалось, что я перелистываю альбом «чудес природы», в котором каждый новый день открывает новые страницы. Местные геологи рассказывали мне, что о подземных кладах минералов они узнают, вглядываясь в ландшафт, в цвета растительности, в окраску животных. «Цвет меди — голубой,— говорили они,— кобальта — лиловато-красный, уран... тоже имеет свой цвет». На этом разговор оборвался, ибо все, что относится к урану,— это «табу». В Бельгийском Конго называть U-металл своим именем — своего рода святотатство. «Специальный металл» — можно услышать в кафе, на шахтах, прочесть в официальных документах. Сведений о добыче урана в Конго не найти, ни в одной статистической сводке, ни в одном цифровом отчете.

Накануне второй мировой войны рудник Шинколобве давал в год шестьдесят граммов радия, при этом в отходы шло сто восемьдесят тонн урановой руды. А теперь выбрасывают радий, что «логично» с точки зрения материальных выгод промышленной компании, но едва ли отвечает интересам борьбы человечества с болезнями.

Открытие урановой руды в Катанге относится к тысяча девятьсот пятнадцатому году. «Маали — богатство»,— сказал один туземец, указывая англичанину Шарку на слой желтоватого цвета, покрывавший скалы. Жители округа Базанга употребляли урановую руду для лечения ран.

После окончания первой мировой войны, когда надежда на длительный мир пронеслась над человечеством, коммерческие дела в Катанге шли настолько плохо, что в Брюсселе стали подумывать: не стоит ли избавиться от этого благоприобретения короля Леопольда II и не выгоднее ли дать независимость Конго? Но акции Катанги пошли снова вверх, как только разгорелся пожар второй мировой войны.

Один инженер показал мне поставленные в ряд бочонки со свежевыведенной надписью: «Гранулированный кобальт. Производство Бельгийского Конго».

— Каждый бочонок стоит два миллиона франков,— сказал он.— Мы экспортируем пятнадцать тысяч тонн в год, это составляет восемьдесят процентов мировой продукции.

— Кобальт? — удивился я.— Неужели нужно столько синей краски?

— Нет, конечно. Ведь это все для бомбы. Для головки — уран, для корпуса — кобальт. Кроме того, кобальт идет на изготовление специальных сортов стали, а их требуется все больше для реактивной авиации. Правда, здесь все заметнее становится конкуренция тантала и вольфрама. Поэтому мы решили открыть танталовые и вольфрамовые рудники поблизости отсюда.

Один американский ученый, побывавший в Катанге, сказал в шутку: «Это какой-то геологический скандал!» Но только ли геологический? «Не скрывается ли тут скандал другого порядка»,— думал я. Знаменитый «прогресс», о котором так любят кричать европейцы, их «цивилизаторская миссия» — все это может существовать лишь рядом с войной, с помощью войны.

Война! Какой соблазн, какие сказочные горизонты для владельцев промышленных компаний!

Незнание Африки и нежелание знать ее, полное непонимание того, что скрывается за темным покровом кожи ее жителей, доходит у «цивилизованных» колонизаторов до ужасающих размеров.

— Лучше придерживаться того принципа, что народ банту не имеет философии,— толковал мне в Конго один здешний миссионер,— это гораздо удобнее. Да что говорить о философии! Я встретил чиновника, прожившего более десяти лет в Бельгийском Конго. По его словам, здесь обитают «одни дикари».

— Но у них есть, например, народные танцы?

— Да, у них были какие-то ритуальные танцы и пляски,— небрежно бросил мой собеседник.— Мы их запретили: они были непристойны!

— А их национальная музыка?

— Музыка! Ну, как вы можете называть это музыкой! Я же сказал вам, что они дикари!

— Но ведь они танцуют, поют.

— Да, у них есть барабаны и еще какие-то инструменты... Но, право, у меня не было времени этим интересоваться.

— А их изобразительное искусство?

— У них нет искусства.

— А маски?

— Да, масок много... Но ведь это все — нечто древнее. Сейчас открываются новые рудники, находят новые россыпи золота. Наша фирма богата, она как-нибудь займется их цивилизацией.

На том и кончился наш разговор с этим представителем цивилизованной Европы.

Восемнадцать тысяч рабочих-конголезцев работают на предприятиях «Юнион Миньер». Полторы тысячи белых распоряжаются ими.

Большой американский журнал в специальном номере, посвященном Африке, поместил пространные описания рабочих поселков компании «Юнион Миньер». Он восхвалял построенные там больницы, дома, патетически рассказывал о всяких других «благах» для рабочих. Журнал решил подкрепить свой восторг обычными в таких случаях фотоснимками: черные мальчуганы повисли на ветвях большого дерева, а родители расположились за буфетной стойкой с бутылками пива. Полная идиллия.

«Но что скрывается за этими картинками?» — думал я, пока мы катили между рядами домиков рабочего поселка. Большинство рабочих «Юнион Миньер» не являются уроженцами Катанги. Их доставляют сюда из долины Касаи или с гор Руанды. Они проходят, если можно так выразиться, три стадии перевоплощения. Сначала филиал компании «Юнион Миньер» преподносит им основы «цивилизации» в ужасных оловянных рудниках Казумбы. Затем их доставляют в Элизабетвиль. Здесь они работают в открытых рудниках — привыкают к «режиму». Наконец, наступает момент переброски в подземные рудники Кипуши с их совершенно каторжными условиями труда. С этого времени, очевидно, африканцы и становятся «современными людьми»...

Каждый бочонок кобальта стоит два миллиона франков.

Мерцающие тусклым блеском слитки олова — тоже продукция Катанги.

Я видел этих конголезских горняков. Внешне «цивилизация» сделала свое дело: они кое в чем похожи на наших бельгийских горняков из Боринажа. Так же, как те, пьют пиво, и так же, как те, через какое-то время начинают сгибаться вдвое, кашлять и плевать кровью, награжденные тяжелыми легочными болезнями. На этом «цивилизация» и кончается.

Один из администраторов компании «Юнион Миньер» в разговоре со мной начал «жаловаться»:

— В силу неизжитых еще предрассудков черные отказываются от ношения предохранительных масок. Из-за этого приходится каждые полгода убирать заболевших. С ними вообще масса всякой возни...

Сколько раз доводилось мне слышать здесь от подобных же администраторов такие фразы: «Взгляните на работающих у нас черных. Начиная от мальчишки-подручного до обученного рабочего — они способны лишь по-обезьяньи подражать европейцам. Это неполноценные люди...»

Такова уж природа колонизаторов, зачинщиков войн! Но что думают об этом восемнадцать тысяч рабочих, работающих в рудниках «Юнион Миньер»?

Не раз задавал я себе этот вопрос, сидя по вечерам в баре, наблюдая за ожесточенными сражениями в карты инженеров и других служащих компании. О том же я думал и по утрам, глядя на теннисную площадку, где играли белокурые женщины, а черные мальчуганы подносили им мячи. Думал все дни и ночи, проведенные в Катанге.

Перед грозой всегда наступает какая-то особая тишина. Не слишком ли уверена в этой тишине наша легкомысленная Европа?

Сидя в автомобиле, который увозил меня в Элизабетвиль, я решил для себя, что Африка ищет и найдет свой путь без всех этих «цивилизаторов», похожих более на погонщиков.

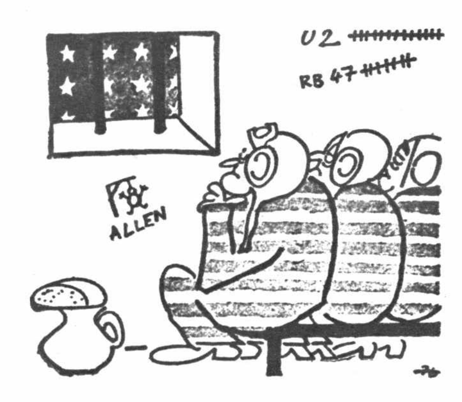
Живой организм Африки рано или поздно выбросит вон это инородное тело. И она даст тогда волю своим песням и гению своих народов!

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ ТРЕНИРОВКА НИКСОНА.

Фото из американской газеты «Нэшнл гардиан»

ПОДСУДИМЫЙ И ОБВИНЯЕМЫЕ

Новый вариант звездно-полосатого флага.
Карикатура из журнала «Дикобраз» (Прага)

Три дня в Колонном зале Дома союзов шел суд над американским шпионом Френсисом Гарри Пауэрсом. Справедливый приговор одобрили все честные люди.

Френсис Гарри Пауэрс в своем заключительном слове просил судить его не как врага, а как человека. Попробуем разобраться, что же превратило американца Френсиса Гарри Пауэрса в человека, который не задумываясь мог бы сбросить атомную бомбу на мирный город.

...Старик Оливер Пауэрс, быстро перебежав улицу, влетел в магазинчик Соломона Кёри. Сын сбит под Свердловском — об этом заявил сам Хрущев! Тренированный нюх торговца Кёри мгновенно уловил бизнес в этом деле. Он быстро договорился с отцом летчика-шпиона о том, чтобы тот без него никому не давал никаких интервью, не предпринимал бы никаких шагов. На всем этом можно заработать! Деньги... Деньги... «Деньги — они говорят» — так гласит американская пословица. Вот что они говорят.

Френсис Гарри Пауэрс работал в плавательном бассейне. Это мало денег. Френсис Гарри Пауэрс добровольно идет в авиацию. Там больше платят. Через некоторое время он продается Центральному разведывательному управлению. Грязная работа, но ведь платят гораздо больше — две с половиной тысячи долларов. Надо идти ноздря в ноздрю с соседями, иначе тебя перестанут уважать, ты станешь «человеком второго сорта».

В семье Пауэрсов горе. Это горе принесло в семью американское правительство, его агрессивная политика. Но доллары остаются долларами. Их надо делать, иначе какой же ты американец! И Оливер Пауэрс при содействии мистера Кёри ищет, кому бы подороже продать свои переживания, пока не сторговывается с журналом «Лайф», которому он теперь обязан поставлять записки по возвращении из Москвы.

Барбара — жена Френсиса Пауэрса — тоже делает свой бизнес. Письма мужа, адресованные лично ей, она продает журналу «Ньюсуик». Письма идут по хорошей цене.

Френсис Гарри Пауэрс писал жене из Москвы:

«...У меня было достаточно времени, чтобы подумать, с тех пор как я нахожусь здесь, и много времени, чтобы пожалеть о моих прошлых ошибках... Я живу так хорошо, как можно себе это представить. Много ем и много сплю. И много читаю. Со мной обращаются гораздо лучше, чем я предполагал. В первую неделю у меня совсем не было аппетита, но теперь все в порядке...»

«...Я читаю сейчас «Гонимые ветром»,— пишет он жене,— книга мне очень понравилась. Не знаю, почему я никогда не читал ее прежде». Итак, Пауэрсу нужно было попасть в тюрьму, чтобы прочесть одну из популярнейших американских книг. Вот он — результат идеологической обработки, но не той, о которой так много трезвонила западная пресса. Эта обработка Пауэрса велась не на следствии, она велась у него в семье, в колледже, в армии. Она превратила этого американца в человека, знающего лишь одну цель в жизни — деньги. За деньги он готов пойти на все, в том числе и на бандитский полет. Он и сейчас, из тюремной камеры, писал:

«...Теперь ты предоставлена самой себе, и я не знаю, на сколько времени. Будь осторожна, и, может быть, мы все-таки сможем когда-нибудь купить собственный дом. Приятно думать, что мы когда-нибудь сможем владеть собственным домом...»

— Думали ли вы перед полетом,— спрашивал прокурор Руденко шпиона,— что этот полет может сорвать совещание в верхах?

— Мне было не до этого.

— Думали ли вы, что ваш полет может вызвать военное столкновение?

Пауэрс отвечает:

— Пусть об этом думают те, кто меня посылал.

Что-то очень знакомое звучит в этом ответе. Ну да, лет двадцать тому назад так же говорили гитлеровские молодчики: «За нас думает фюрер».

Конверт одного из писем Пауэрса, опубликованных журналом «Ньюсуик».

...«Встать! Суд идет!»— раздается в Колонном зале.

Перед советским судом стоит подсудимый Френсис Гарри Пауэрс, американский шпион. Но пусть встанут и другие обвиняемые, чьи имена фигурируют на процессе. Пусть встанут те, кто послал шпиона в воздушное пространство Советского Союза.

Это был суд не только над шпионом Пауэрсом, но и над системой, возведшей доллар в божество, шпионаж — в государственную политику. Согласно советским законам, подсудимого Пауэрса защищал советский адвокат, но нет и не может быть честных защитников у подлой системы американского империализма. И поэтому из кожи лезли вон западные журналисты, чтобы извратить суть процесса, принизить его значение.

За несколько дней до начала суда известный американский журналист Сульцбергер разразился «сенсационной» статьей: все, что будет говорить Пауэрс на процессе,— все ложь, все продиктовано ему коммунистами, а сам Пауэрс обработан при помощи «рефлексов Павлова».

Мы спросили членов семьи Пауэрса, которые все три дня присутствовали на процессе и имели свидание с подсудимым, длившееся больше часа, о писаниях Сульцбергера. Сестра Пауэрса ответила нам:

— Гарри был совершенно нормален. Он был самим собой. Просто он говорил правду...

Когда в первый день Пауэрса ввели в зал суда, все увидели на его левой щеке красное пятно. Западные журналисты радостно зашушукались: не это ли следы обработки «рефлексами»?

— Это пятно у меня от рождения,— сказал Пауэрс, отвечая на один из вопросов.

Не удалось опорочить процесс — начали играть на другом. «Ах, какой жестокий приговор! Ах, как бессердечны русские!»—вопят некоторые американские газеты, подпевая госдепартаменту.

Вечером, после объявления приговора, два адвоката, приехавшие вместе с семьей Пауэрса, устроили в гостинице пресс-конференцию. Они оба сказали, что ожидали более мягкого приговора.

Мы спросили, какого именно приговора ожидали они для шпиона.

Адвокат Роджерс ответил:

— Я не могу вам сказать точно, но я надеялся на более мягкий.

— Скажите, мистер Роджерс,— задали мы еще один вопрос,— какой приговор вынес бы американский суд иностранному воздушному шпиону, сбитому, например, над Чикаго?

Роджерс несколько минут растерянно молчал. Потом натянуто засмеялся. И в заключение сказал:

— На этот вопрос очень трудно ответить.

...В один из дней процесса, когда суд объявил перерыв и зал опустел, семья Пауэрса подошла к стендам с вещественными доказательствами.

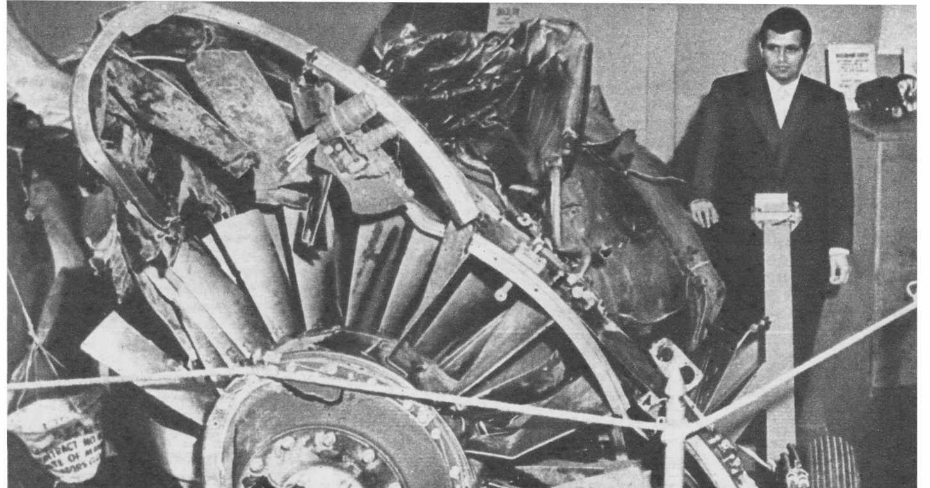
Оливер Пауэрс взвешивает на руке тяжелый шлем, в котором летал его сын-шпион. Барбара смотрит на золотые кольца и деньги, лежащие под стеклом, на доллары, франки, золотые монеты. Вот они, деньги!

— Это все? — тихо спрашивает она.

— Нет. Вот еще.— Ей показывают пистолет, патроны, зажигательные ампулы, булавку с ядом, которая была вставлена в серебряный доллар. «Всесильный» доллар, несущий смерть тому, кто ему поклоняется...

Аплодисментами встретил зал приговор над Пауэрсом. Справедливый приговор благородного и самого объективного в мире суда. Подсудимый получил по заслугам. Стоит задуматься над этим тем обвиняемым, которые не сидели, но должны были бы сидеть рядом с Пауэрсом.

Андрей НОВИКОВ

Френсис Гарри Пауэрс у обломков самолета «У-2» на выставке в ЦПКиО имени Горького в Москве.

Идет допрос...

ОТ КЕНГУРУ — К ВОЛЧИЦЕ

Окончание.

сперва на склонах Доломитовых Альп в Кортина д'Ампеццо, и на австралийском стадионе «Крикет-граунд», и в Олимпийской деревне в Мельбурне, в Долине индианок в Калифорнии, несомненно, будет овевать и спортсменов, съехавшихся из десятков стран на берега Тибра.

Олимпийские игры длятся обычно не больше 15—18 дней. Так и на этот раз, на XVII Олимпийских играх в Риме церемониал открытия был назначен на 25 августа, а погаснет олимпийский огонь 11 сентября. Все еще впереди. Много волнующих событий развернется в ближайшие дни, о многих героях Рима узнаем и мы, присутствующие на играх, и миллионы любителей спорта, следящие взволнованно и пристально за вестями, летящими из Италии. С особым интересом будем мы все приглядываться и прислушиваться к результатам, показанным советскими спортсменами. И это естественно. СССР давно стал великой спортивной державой. Внушительны победы, одержанные советскими спортсменами в Хельсинки, в Кортина д'Ампеццо, в Мельбурне и недавно в Скво Вэлли. Это заставляет всех ждать многого от нашей олимпийской команды.

Я не любитель заранее подсчитывать очки и пускаться в дебри прогнозов. Всегда могут быть неожиданности, которые спутают карты, как бы хорошо заранее ни перетасовать их. Сейчас можно говорить лишь о тех больших ожиданиях, которые мы вправе считать реальными.

Вряд ли, скажем, можно ждать многих успехов от наших бегунов на короткие дистанции. Феноменальный результат немецкого бегуна Хари, недавно показавшего на стометровке ровно 10 секунд, успехи негритянских бегунов Америки, уже не раз пробегавших стометровку за 10,1 секунды, оставляют мало надежд на эту дистанцию и нашим спортсменам и бегунам других стран. Трудно рассчитывать на победы и в прыжках в высоту после того, как американский атлет Томас преодолел планку на головокружительной высоте—2 метра 22,9 сантиметра. У нас сейчас немало прыгунов, уверенно берущих планку намного выше двух метров, но все же тут придется, видимо, уступить первенство. Зато, скажем, в тройном прыжке, в состязаниях по штанге, на ковре, на ринге, в бассейне для водного поло, в гимнастических залах, на линии огня перед стрелковыми мишенями, в метании молота и в десятиборье, в беге на 3 000 метров с препятствиями, в ходьбе на 50 километров да и, пожалуй, в прыжках в длину и в прыжках с шестом мы без излишнего оптимизма можем рассчитывать на призовые места, а кое в чем и на золотые медали. Мы имеем веские основания ждать многих побед и от наших спортсменок.

В самые ближайшие дни станет ясно, точны или ошибочны наши предположения. Но и сегодня можно сказать уверенно об одном: путь, который передовой международный спорт прошел от «австралийского кенгуру» до «римской волчицы», был путем крепнущей дружбы, международной солидарности молодежи.

НЕВОЗМУТИ

А. ГОМЕЛЬСКИЙ,
заслуженный тренер СССР

Наконец в баскетбольный коллектив рижских армейцев пришло хорошее молодое пополнение. Не хватало только одного: высокого, центрового. Но где его взять?

Как-то в мае мы приехали в небольшой городок Цесис, чтобы сыграть с местным «Спартаком». Направляясь на стадион, мы заметили на главной улице необычного велосипедиста. Голова его возвышалась над кузовами проезжавших мимо грузовиков. И вращал он педали как-то странно, расставляя коленки в стороны.

Сначала мы даже не поняли, что привлекло наше внимание, но потом кто-то из ребят ахнул:

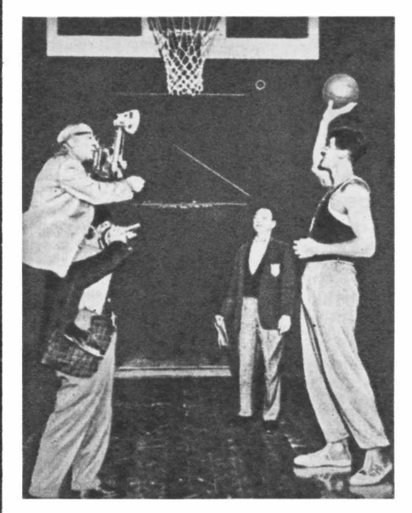
— Да это же великан! Вот бы нам такого!

— Эй, надо его остановить!

Но парня уже и след простыл.

...Приходим на площадку. Пока баскетболисты готовятся, рассеянно всматриваюсь в окружающую публику. Что такое? Не может быть! В заднем ряду возвышается тот самый велосипедист-великан.

Всю игру я на него посматривал, боялся прозевать. Должен признаться, отошел я от площадки, не дожидаясь конца игры. Подобрался поближе к парню, рассматриваю. В самом деле гигант. Одет просто, аккуратно. На ногах — огромные, тяжелые башмаки.

Не так-то просто снять Яниса Круминьша. В этом убедились фотокорреспонденты нью-йоркских газет.

Я заговорил с ним, спросил, как зовут.

— Янис Круминьш,— последовал ответ.

Я напрямик задал второй вопрос:

— Слушай, Янис, хочешь заниматься спортом? В нашей команде играть в баскетбол?

Он отвечает:

— Вы ведь в Риге живете, а я уезжать из Цесиса не собираюсь, у меня неплохая специальность и хорошая работа. За приглашение, конечно, спасибо...

Между прочим, он работал лесником, а не лесорубом, как неправильно писали во многих газетных статьях.

После игры к нам подошли все ребята, познакомились с Янисом. Тоже уговаривали его заняться баскетболом. Круминьш улыбался, смущенно кивал головой. Но ничего определенного так и не сказал.

...Пока мы, вернувшись домой, обсуждали и советовались, как привлечь Яниса в команду, нас «обошли на вираже». Узнав о Круминьше, рижские легкоатлеты послали за ним тренера и уговорили съездить на тренировочный сбор в Нальчик.

Там Круминьш провел весь свой отпуск. Занимался он под руководством знаменитого ленинградского тренера Виктора Ильича Алексеева, давшего путевку в большой спорт многим замечательным метателям, прыгунам, многоборцам. Но легкоатлет из Яниса не получился, и он вернулся домой.

Между прочим, выяснилось, что еще раньше боксеры предлагали ему попробовать себя на ринге. Из этого тоже ничего не вышло. Слишком мягкий и добрый у Яниса оказался характер. По той же причине он и борцом не стал — на ковре Круминьш не решался провести силовой прием: а вдруг это не понравится противнику?

Должен сказать откровенно: скромность и деликатность Яниса до сих пор мешают ему в спорте. Объехав уже почти весь мир, завоевав несколько золотых медалей в первенствах страны и чемпионате Европы, он по-прежнему такой же стеснительный и обходительный парень, каким был в первые дни наших совместных тренировок.

До сих пор, получив мяч под щитом, Янис порой медлит с броском в корзину, потому что боится наступить сопернику на ногу, причинить ему боль. Я очень часто пытался сделать Яниса более «злым», агрессивным во время соревнований. Но это удавалось редко: он не умеет злиться «по заказу». Зато лучше не сердить его по-настоящему...

Однажды Янис ехал в трамвае на стадион. Как обычно, он стоял на площадке, так как в вагоне ему тесновато. На одной остановке в вагон забрался пьяный. Он был настроен воинственно, приставал к кондукторше, к пассажирам. Затем узрел Яниса и переключился на него:

— И отку-да ты, такой верзила, появился, а? Чем тебя м-ма-ма в детстве кормила? Каким-таким особым м-молочком? — хихикал пьянчужка и дергал Яниса за рукав.

Тот сначала молчал. Потом вежливо попросил приставалу угомониться. Но хороших слов пьяница уже не понимал. Тогда, на очередной остановке, Круминьш взял «героя» за шиворот, поднял его одной рукой и опустил на землю. Вагон тронулся, а пьяница так и остался на остановке с открытым ртом...

После неудачных тренировок в Нальчике Янис легкоатлетом хоть и не стал, но любовью к спорту все же заразился. Поэтому, вернувшись в Ригу, он согласился тренироваться в нашей команде, и мы подыскали ему работу. В гостинице Дома офицеров для новичка соорудили трехметровый топчан. Заказали ему баскетбольную обувь — кеды 54-го размера.

Через несколько дней Круминьш пошел посмотреть нашу игру с баскетболистами «Динамо». И армейцы и динамовцы играли с подъемом, в бурном темпе, словно щеголяя друг перед другом высокими прыжками, смелыми бросками, тонкими, неожиданными передачами. После матча Круминьш заскучал.

— Так мне никогда не научиться играть,— сказал он. — Не стоит и браться за это дело. Лучше я поеду в Цесис, к своим лесникам.

Вот тебе и раз! А мы-то думали, наконец и у нас появился настоящий центровой.

— Уеду я! — еще раз повторил Янис, когда его окружили ребята и каждый на свой лад стал уговаривать.

Один наш игрок, Айвар Леончик, стоял в стороне, наблюдая эту сцену. Потом он подошел к Янису и сказал:

— Если я тебя буду уговаривать, что из тебя получится хороший баскетболист, ты мне все равно не поверишь, потому что ты этого сейчас не можешь еще понять. Но вот что, Ян,— добавил он не с укором, а скорее с неподдельным удивлением,— мне казалось, что ты человек слова. Как сказал, так и будет. Ты же согласился попробовать. А теперь что?

Круминьш ничего не сказал, только долгим грустным взглядом посмотрел на Леончика — и остался.

Тренироваться будущему центровому было нелегко... Летом мы занимались не в зале, а на стадио-

ОЛИМПИЙСКИЕ ФАКТЫ

Н. ИВАНОВ

Только через 52 года

Итальянские спортивные организации впервые получили согласие Международного олимпийского комитета на проведение Олимпиады 1908 года. Казалось, что подготовка к ней шла благополучно, но вдруг в 1907 году итальянский организационный комитет из-за материальных трудностей отказался от проведения игр! Это было подобно грому средь ясного дня. Игры находились под угрозой срыва. В конце концов они состоялись не в Риме, а в Лондоне.

Лишь через 52 года итальянцам удалось получить право на проведение XVII Олимпийских игр. Сейчас Рим принял гостей из 87 стран.

Отец и сын

Готовясь к V Олимпийским играм, шведы построили в Стокгольме один из крупнейших в то время стадионов, на котором и по сей день проводятся все крупнейшие международные соревнования. Стадион строился по проекту шведского архитектора Торбена Грута, отмеченного за строительство памятной олимпийской медалью. Через тридцать шесть лет сын знаменитого архитектора Вильям Грут, участвуя в XIV Олимпийских играх в Лондоне, завоевал золотую медаль олимпийского чемпионата в современном пятиборье.

Финалист без медали

В финальном матче тяжеловесов на XV Олимпийских играх в Хельсинки встретились американский негр Э. Сандерс и шведский боксер И. Юханссон. Американец — рослый и могучий атлет — оказался почти на голову выше своего соперника. Швед, увидев перед собой такую громаду, струсил и не принял боя. Весь первый раунд он, как заяц, под смех и улюлюканье зрителей бегал по рингу и получил

МЫЙ ЯН

не. А там всегда было достаточно любопытных, готовых часами глазеть на необычайно рослого человека. Эти взгляды, насмешливые реплики кого угодно могли бы смутить, а ведь Круминьша надо было учить ходить и бегать, да, да, учить передвигаться так, как это делают баскетболисты. Янис в обыденной жизни никогда не бегал и не прыгал (и это нетрудно понять, учитывая его рост — 2 метра 18 сантиметров и вес — 140 килограммов). Ходил он медленно, вразвалку, очень сутулясь и сгибая колени: все это для того, чтобы казаться ниже ростом и поменьше привлекать к себе внимание. А как трудно избавиться от многолетней привычки сутулиться, от выработанной годами походки!

Яну в его 24 года пришлось не только впервые заняться спортом. Он, в сущности, начинал совершенно новую жизнь. Приходилось целые часы посвящать такой, например, нехитрой науке, как правильное передвижение на носках. Был выработан специальный комплекс гимнастических упражнений, которые должны были развить у него ловкость, гибкость и правильную координацию движений.

А Янис, как всякий начинающий спортсмен, двигался напряженно, скованно, мышцы его были «закрепощены». Все он делал с максимальным, хотя в данном случае совершенно ненужным усилием. Например, двухкилограммовые гантели выжимал, словно штангу весом в 100 килограммов. Мяч в свои большие, мозолистые руки брал так крепко, что тот, казалось, вот-вот лопнет.

Нелегко было научить нашего исполина правильно соразмерять усилия с поставленной задачей. Но время шло, сил становилось больше, и применять их Круминьш научился правильнее.

Вот он впервые пробежал без передышки всю 400-метровую гаревую дорожку. Вот забросил без промаха пять штрафных мячей подряд. Научился точно ловить и передавать мяч. В первый раз сумел перехватить его под щитом и мгновенно направить в корзину.

С первых дней тренировки меня приятно поразило в Янисе исключительное трудолюбие. Это была не исполнительность добросовестного служаки, а неуемное желание любой ценой преодолеть трудности, добиться своего Подчас он сильно уставал, пот струйками лился по щекам, по спине. Однако сам он никогда не прекращал тренироваться, и если я говорил: «Ян, этот бросок нужно повторить двести раз»,— можно было не сомневаться, что он не позволит себе сделать упражнений хоть на разок меньше.

И чем больше баскетбольных премудростей удавалось Янису, тем становился он оживленнее, разговорчивее.

Из месяца в месяц росло и крепло мастерство Яниса Круминьша. Вскоре он был удостоен большой чести — играть в сборной команде СССР, в которой выступали лучшие баскетболисты Москвы и Ленинграда, Украины, Латвии, Грузии. Вместе с Виктором Зубковым, Михаилом Семеновым, Майгонисом Валдманисом, Гурамом Минашвили и другими Круминьш успешно выступал в Австралии и Чили, Венгрии и Италии, в Бельгии и США. Вспоминается решающая встреча последнего чемпионата Европы в Стамбуле. Наши соперники — французы — выставили своего нового центрового — гиганта Лефевра (ростом, как и Янис, 2 метра 18 сантиметров), который два года обучался в США у американских тренеров.

Это были последние дни чемпионата, и встреча складывалась для нас очень напряженно. Первый тайм закончился с результатом 37:30. Это было кое-что, но далеко еще не победа. А когда начался второй тайм, важную роль сыграла одна психологическая деталь. Янис Круминьш, наш невозмутимый Ян, которому в некоторых играх так не хватало темперамента, спортивной злости, теперь буквально преобразился. Два желания воодушевляли его: как можно лучше сыграть ответственнейшую встречу, доказать, что он, Круминьш, все-таки как игрок сильнее французского гиганта Лефевра со всей его американской выучкой.

Наш дорогой «кормилец», так мы назвали Круминьша за то, что он питает команду игровыми очками, передвигался по площадке так быстро, играл так мощно и красиво, так точно забрасывал мяч в корзину, как никогда раньше.

Напрасно французские болельщики, подкрепленные экипажами военных кораблей, кричали: «Вперед, Лефевр! Вперед, Гранж! Вперед, Франция!» Зубков и Торбан, Валдманис и Муйжниекс, понимая друг друга почти без слов и жестов, взаимодействовали с точностью электронной машины, а Круминьш превзошел самого себя: он дал команде 32 очка за одну игру!

С финальным свистком «остановилось» время и замерли цифры на указателях счета. Это были внушительные и очень приятные для нас цифры — 88 : 72. Мы выиграли первенство Европы.

И снова мы встречаем «кормильца» в составе сборной команды СССР. Снова вместе со своими спортивными друзьями защищает Янис Круминьш честь Советского Союза. На сей раз — в Риме.

Атакует Янис Круминьш!

Фото А. Бочинина.

два предупреждения за неведение боя. Не принес изменения и второй раунд. Сандерс все время догонял Юханссона, а тот убегал от него. В конце концов судейская коллегия вынуждена была дисквалифицировать шведа за трусость и лишить его серебряной медали.

Прошло семь лет, и мы снова услышали о незадачливом претенденте на титул олимпийского чемпиона. На сей раз Юханссон, став профессионалом, оспаривал у американского негра Флойда Паттерсона титул чемпиона мира. Каково же было удивление тех, кто помнил о выступлении шведа в Хельсинки, когда он в шестом раунде одержал чистую победу! Но недолго продолжался триумф Юханссона. Недавно Паттерсон взял убедительный реванш, нокаутировав своего соперника вскоре после начала боя.

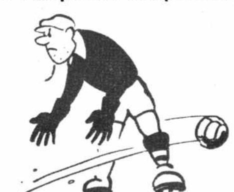
Вопреки рекламе

О выступлении на XV Олимпийских играх футбольной команды США много писала зарубежная пресса. Американские тренеры заявили во всеуслышание о том, что их команда составлена из сильнейших игроков и находится в блестящей спортивной форме. И вот на поле встретились новоявленные футбольные корифеи и футболисты Италии.

...По свистку английского судьи на поле появилась прославленная американская команда, возглавляемая сухопарым вратарем необычайно высокого роста. Мяч введен в игру. Итальянские футболисты, видимо, напуганные газетной шумихой, в первые минуты встречи растерянно прижались к своим воротам. Американцы наступают, но забить гола не могут, а итальянцы неожиданно для самих себя легко проводят мяч ударом с 25 метров.

Первая половина закончилась со счетом 3 : 0, а в первые же минуты после перерыва количество голов возросло до шести. С трибун в адрес незадачливых футболистов США неслись насмешливые реплики, улюлюканье, свист, но ничто не могло поколебать их величия.

В критический момент на помощь американским футболистам пришел итальянский тренер. Он что-то сказал своему капитану, и игра в одни ворота прекратилась. Но все же итальянцам не «удалось» сохранить прежнего счета. Два несильно пробитых мяча вновь оказались в воротах американцев.

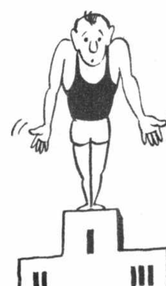

После финиша

В финальном заплыве на 400 метров вольным стилем на XV Олимпиаде в Хельсинки встретились прославленный американский пловец Форд Конно и француз Жан Буатье. До половины дистанции ни одному из пловцов не удалось достичь преимущества, хотя заплыв проходил в очень высоком темпе, но затем Буатье начал понемногу наращивать скорость. После трех четвертей дистанции он был впереди. Конно сделал попытку достать лидера, но тщетно. Первым коснулся стенки бассейна Жан Буатье. И в тот момент, когда стадион стоя приветствовал победителя, в воду бросился пожилой человек. Стремительный старт! Несколько взмахов рук, и победитель в его объятиях. Это был отец Жана Буатье.

Победитель стартовал один...

В финальном забеге на 400 метров на Лондонской олимпиаде 1908 года развернулась упорная борьба за золотую медаль между американцем Дж. Карпентером, показавшим в полуфинале высокий результат — 47,8 секунды, и англичанином У. Халсуэллом. На финишной прямой американец пытался помешать выйти вперед своему сопернику и был дисквалифицирован. Судейская коллегия назначила перебежку. В знак протеста два других участника финала, американцы У. Робинс и Д. Тейлор, отказались выйти на старт. Однако финал состоялся. У. Халсуэлл стартовал один, пробежал круг за 50 секунд и стал олимпийским чемпионом.

Я покидал Артек...

Почему плакал американский мальчик?

Бойскаут Брайан Кан в Артеке

Брайан Кан, тринадцатилетний американский школьник, сын известного публициста Альберта Кана, провел вместе с родителями несколько месяцев в Советском Союзе, в том числе три недели — в пионерском лагере Артек.

Из дневника

11 июня

Мы летели из Москвы в Симферополь недолго, я не заметил, как прошло время. В Симферополе в аэропорте нас ждал автобус из Артека. Сначала мы ехали по стране, которая немного напоминала мне Калифорнию. Такие же холмы, дорога идет то вверх, то вниз. Потом начались горы, и скоро я увидел далеко под нами Черное море. Это было очень красиво!

Через два часа мы приехали в Артек. Я думаю, что мало есть на свете таких живописных мест. Лагерь расположен на самом берегу, а сзади полукругом горы, и кажется, что ты на дне огромного котла. А если повернуться к морю, то слева видна Медведь-гора. Очень похоже: лежит медведь и пьет воду из моря.

Лагерь большой, вокруг густые парки, и очень много цветов. Но я удивился, когда увидел Артек. Я думал, что он совсем другой. Я ожидал, что приеду в лесной лагерь, где живут в палатках среди дикой природы. Артек — это целый курорт. Я сказал об этом Тамаре, которая привезла меня из Москвы.

Ко мне сбежались советские пионеры, они принесли мне розы и подарили книжечки об Артеке. Они очень хорошо приняли меня. Но скоро я почувствовал, что мне как-то не по себе, не знаю почему. Может быть, потому, что никто из пионеров не понимал по-английски, а я по-русски знал всего несколько слов? Или потому, что тут не было моих друзей, к которым я уже привык в Москве? Но скорее всего мне было грустно, что мамми и дэдди [1] далеко, и мне очень хотелось к ним.

За обедом у меня не было аппетита. Я встал из-за стола и пошел бродить по парку. Тамара вышла вслед за мной и что-то говорила мне, но я не отвечал, и она села в сторонке на скамью. Потом из столовой вышел молодой джентльмен, это был вожатый нашей группы. Его зовут Геннадий Петрович. Он стал ходить рядом со мной и не говорил ни слова, просто гулял со мной вместе. Так мы бродили часа два. Потом я устал и опустился на землю. Геннадий Петрович тоже уселся и сказал: «Может быть, поговорим?» Я ответил: «Хорошо».

Тамара переводила. Геннадий Петрович сказал, что во время нашей прогулки он все думал, как ему начать разговор со мной. Может быть, я сам ему помогу?

Геннадий Петрович спросил, как я себя чувствую и почему у меня грустный вид. Он рассказал мне об Артеке и о том, что делают пионеры, а потом стал расспрашивать, чем я особенно интересуюсь. Я не знаю, как Геннадий Петрович сделал это, но мне стало немного легче на душе.

Я сейчас лежу в постели. Завтра позвоню мамми и дэдди и скажу им, думаю я здесь оставаться или нет. Они хотели, чтобы я прожил в Артеке три недели. А я, может быть, пробуду только несколько дней.

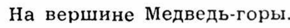
12 июня

Утром мне было опять грустно. Геннадий Петрович заметил это. Он подошел ко мне и сказал, что после завтрака меня будут торжественно принимать в пионерский отряд. Я обрадовался. Он быстро собрал ребят. Мне подарили пионерский значок, несколько открыток с видами Артека и повязали на шею галстук. Тамара перевела мне обещание, которое произносят пионеры. Обещание мне очень понравилось, я его понял так: «Все за одного, один за всех». Теперь я увидел, что у меня

[1] Мать и отец.

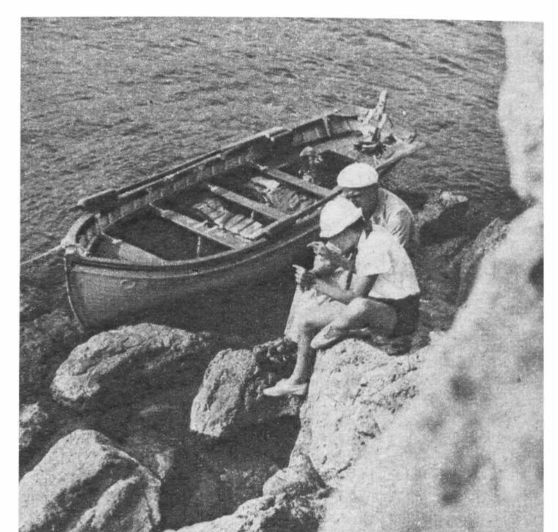

Лекция об американских скаутах.

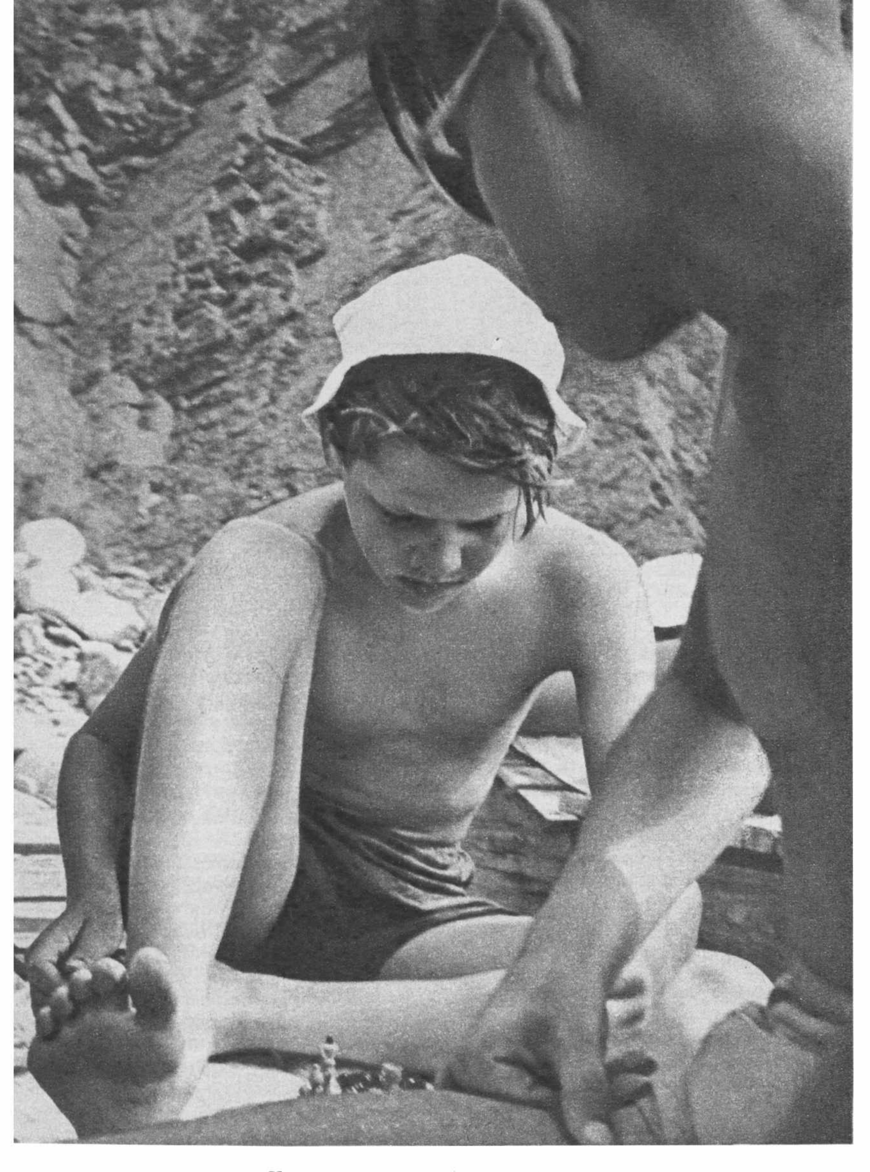

На вершине Медведь-горы.

Объясняться приходится с помощью пальцев.

Неужели моя позиция безнадежна?

Ответственная работа в столовой.

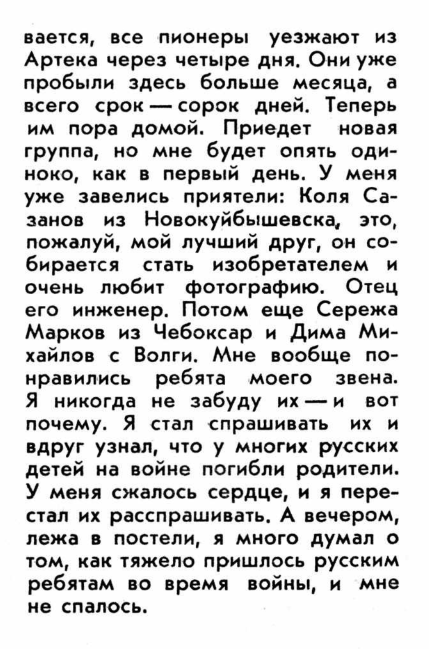
будет здесь много друзей. И мне стало совсем хорошо.

Мы принялись разговаривать о скаутах и пионерах. Когда я собирался в Россию, я взял с собой свой скаутский костюм. Ребята задавали мне вопросы об американских скаутах, о значках и всяких наших правилах. Я подумал и ответил, что оставлю книжечки об американских скаутах для международного клуба в Артеке, а из дома пришлю еще. Я сказал, что американским школьникам надо переписываться с советскими и дружить с ними.

Вечером Тамара уехала в Москву. Перед ее отъездом я звонил родителям и сообщил им, что чувствую себя хорошо и решил остаться в Артеке на две недели.

13 июня

Сегодня я узнал одну вещь, которая меня расстроила. Оказы-

вается, все пионеры уезжают из Артека через четыре дня. Они уже пробыли здесь больше месяца, а всего срок — сорок дней. Теперь им пора домой. Приедет новая группа, но мне будет опять одиноко, как в первый день. У меня уже завелись приятели: Коля Саланов из Новокуйбышевска, это, пожалуй, мой лучший друг, он собирается стать изобретателем и очень любит фотографию. Отец его инженер. Потом еще Сережа Марков из Чебоксар и Дима Михайлов с Волги. Мне вообще понравились ребята моего звена. Я никогда не забуду их — и вот почему. Я стал спрашивать их и вдруг узнал, что у многих русских детей на войне погибли родители. У меня сжалось сердце, и я перестал их расспрашивать. А вечером, лежа в постели, я много думал о том, как тяжело пришлось русским ребятам во время войны, и мне не спалось.

15 июня

Сегодня у меня был очень хороший день. Во-первых, я все время играл в теннис. А во-вторых, один мальчик подарил мне книгу о Сталинграде. Я даже не знал его по имени, мы только играли с ним в теннис. И вот он обошелся со мной как лучший друг. Все советские пионеры — очень хорошие ребята. Я сделал это открытие и решил его запомнить.

А второе открытие было еще важнее. Я думаю — самое важное с тех пор, как я приехал в Советский Союз. Вечером наш вожатый Геннадий Петрович читал нам свой дневник, который он начал с того дня, как приехал в Артек наш отряд. Я мало понимал из того, что он читал, поэтому я просто сидел и смотрел на ребят. Не знаю, как это объяснить, но мне вдруг почему-то подумалось: «Вот я в Советском Союзе, живу среди советских школьников, вижу их». Это ведь впервые за всю мою жизнь! За четыре дня, что я здесь, я все больше их узнавал, какие они, пионеры и комсомольцы. Мне никогда не приходилось видеть таких умных и образованных ребят и таких верных в дружбе. Здесь очень много пионеров, но нет ни одного, который бы мне не понравился. И ни одного, с которым я не хотел бы дружить. Никогда за всю жизнь у меня не было столько друзей, и за такое короткое время!

Мне говорили, что в Советском Союзе около пятнадцати миллионов пионеров.

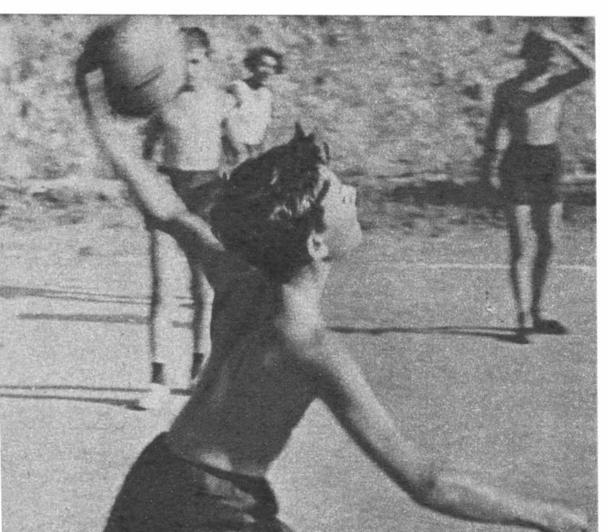
16 июня

Сегодня все они уехали. Были здесь, а теперь их нет. Автобусы уже пропали из виду, но в горах еще играют пионерские горны. Некоторые ребята заплакали, когда прощались с Артеком. Я за-

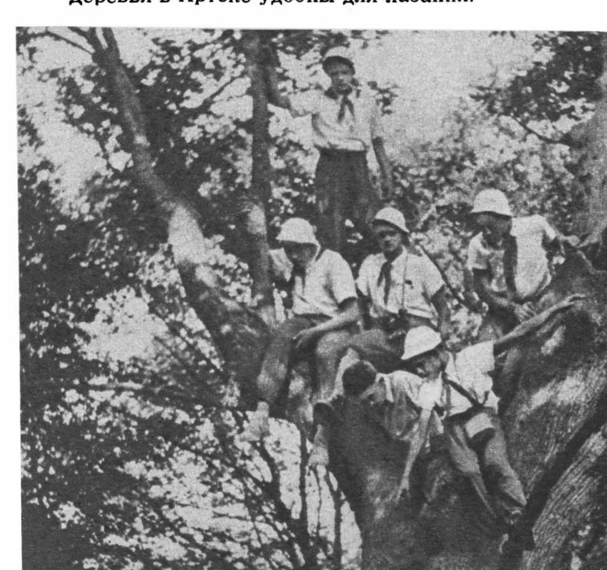
Техника интересует всех.

Решающий удар.

Деревья в Артеке удобны для лазания.

Мой лучший друг Коля. ←

В походе.

плакал тоже. Я не помню, чтобы я когда-нибудь плакал, а теперь мои друзья уезжали, и я не мог удержаться от слез.

Я попрощался с ними и убежал в палатку, чтобы не видеть, как они садятся в автобус. Мой друг Коля пришел в палатку. Он сказал: «Плакать не надо, это ни к чему». Мы обнялись. И я увидел, когда он уходил, что у него тоже были слезы на глазах.

18 июня

Теперь я работаю с вожатыми, мы готовим лагерь к приезду новых ребят. Мы проработали целый день, а потом пошли удить рыбу. Вожатые очень добры ко мне, они стараются меня развеселить и очень заботятся обо мне. Они взяли меня с собой купаться, играли со мной в пинг-понг, волейбол, баскетбол и шахматы. Я ем и сплю с ними в одной палатке, и мы вместе проводим все время.

В то утро, когда пионеры уехали, кухня у нас в лагере № 4 не работала. Было решено, что мы позавтракаем в доме директора лагеря. И мы пошли в соседний городок Гурзуф покупать продукты. Купили сосиски, компот, мексиканские ананасы, яйца, хлеб, масло, сыр, какао и шоколад. Все это мы притащили в лагерь. Вот был завтрак! Мы ели, пели песни и разговаривали об очень интересных вещах.

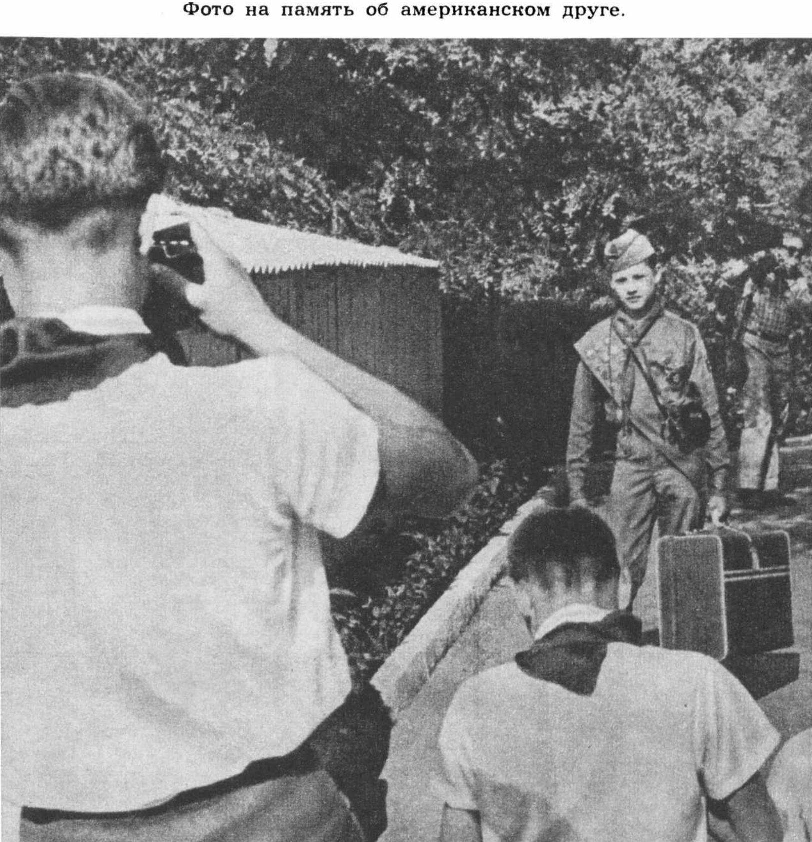
Во время завтрака с пионервожатыми я подумал вот о чем. Мы очень веселились и много шутили, но я все время чувствовал уважение к ним, потому что они мои руководители.

Я хочу описать Геннадия Петровича, потому что думаю, что он такой, каким должен быть хороший руководитель пионеров. Сначала он мне показался старше, чем на самом деле. Ему двадцать один год. Он учится в институте и будет учителем. Он просто замечательно обращается с ребятами. Геннадий Петрович строго следит за тем, чтобы пионеры соблюдали «мертвый час» после обеда. Ребята много спорили об этом, я говорил им, что «мертвый час» должен продолжаться не два часа, а один, а во второй час ребятам можно было бы читать, лежа на кроватях, таково мое мнение. Геннадий Петрович строг и во всем другом, что касается распорядка дня и лагерных правил. Но он так терпелив и ласков! Я ни разу не слышал, чтобы он поднял голос и закричал на кого-либо. Когда пионеры позавчера уезжали, я видел, что и Геннадий Петрович готов заплакать.

20 июня

Сегодня приехали новые пионеры. Вокруг автобусов был большой шум, все были очень возбуждены. Ребят встречали и приветствовали вожатые и разводили их

Фото на память об американском друге.

Я даю интервью американским студентам.

Хорошо у пионерского костра!

по палаткам. Я остался с Геннадием Петровичем в его новом отряде. Большинство ребят в отряде старше меня, некоторым по четырнадцать и пятнадцать лет, а есть даже и по семнадцать. Но это ничего: мы все вместе и все равны. Я уже завел несколько хороших друзей. Но Колю и тех других ребят я все-таки забыть не могу.

С русским языком у меня все лучше и лучше. Я уже почти все понимаю, что говорят ребята и вожатые. Я решил: пробуду здесь все три недели.

25 июня

Теперь я твердо уверен, что нигде в мире нет такого лагеря, как Артек. Его открыли после первой мировой войны, когда в России была революция и гражданская война. Тогда многим русским детям жилось плохо, они голодали, была масса сирот. Советское государство позаботилось о них. В Артеке с каждым годом жило все больше детей. Во время второй мировой войны нацисты разрушили пионерский лагерь, но Советское правительство его потом опять отстроило. Геннадий Петрович сказал мне, что в Артеке живет сразу 1 500 пионеров, это составляет около 8 тысяч ребят в год. А скоро Артек еще расширят, и одновременно в нем будет жить 4 тысячи пионеров!

Все здесь устроено очень здорово. Столько ребят, а лагерь не кажется переполненным. Много всяких зданий, спортивных площадок. Я насчитал больше тридцати лодок, моторных и парусных... Пионеры приезжают сюда не только из СССР, но и из других стран — кажется, из двадцати двух или даже больше. Геннадий Петрович сказал, что у них встречаются и дружат дети всего мира. Я думаю, что это очень хорошо.

Мне говорили, что в Советском Союзе сотни других пионерских лагерей, только не таких больших, как Артек... Мне кажется, было бы чудесно, если бы побольше американских мальчиков и девочек могли приезжать в Артек и другие лагеря; а советские дети пусть ездят к нам. Мы очень много узнаем друг о друге и вместе будем мирно жить.

27 июня

Двое американских ребят приехали в Артек! Одному — десять лет, другому — тринадцать. Это сыновья американского писателя Виктора Перло. И вот что удивительно. Они приехали из городка Кротон на Гудзоне, штат Нью-Йорк, где наша семья жила до того, как мы пять лет назад переехали в Калифорнию, в Лунную Долину. Там когда-то жил Джек Лондон.

Геннадий Петрович говорил мне, что я первый американский школьник, который приехал в Артек за двадцать лет. А теперь нас уже трое! Я думаю, что будет еще больше.

28 июня

Дни проходят так быстро, что я просто не успеваю считать. Сегодня дэдди звонил из Москвы по телефону и сказал, что будет встречать меня, когда я прилечу отсюда. Я его сначала не понял: неужели так мало времени осталось мне быть в Артеке?

Моего лучшего друга зовут тоже Коля, как и Колю Сазанова. Его фамилия Сергеев, он из Ленинграда. Еще одна удивительная вещь. Он сын известного артиста балета Сергеева. Мой отец пишет книгу о Галине Улановой, и он летал в Ленинград, чтобы сфотографировать ее, когда она танцует. Оказывается, с ней танцевал отец Коли Сергеева!

29 июня

Сегодня мы поднимались на Медведь-гору. Геннадий Петрович руководил нами. Мы вышли из лагеря в три часа и вернулись в семь. На горе мы ели хлеб с луком и очень весело провели время. Я был очень счастлив. Как это замечательно — смотреть сверху на Черное море и видеть Артек далеко, далеко внизу!

30 июня

Я готовлюсь к отъезду. Я очень волнуюсь, думаю о том, что скоро уеду с родителями в Калифорнию, но просто не знаю, как же я расстанусь с Артеком.

2 июля

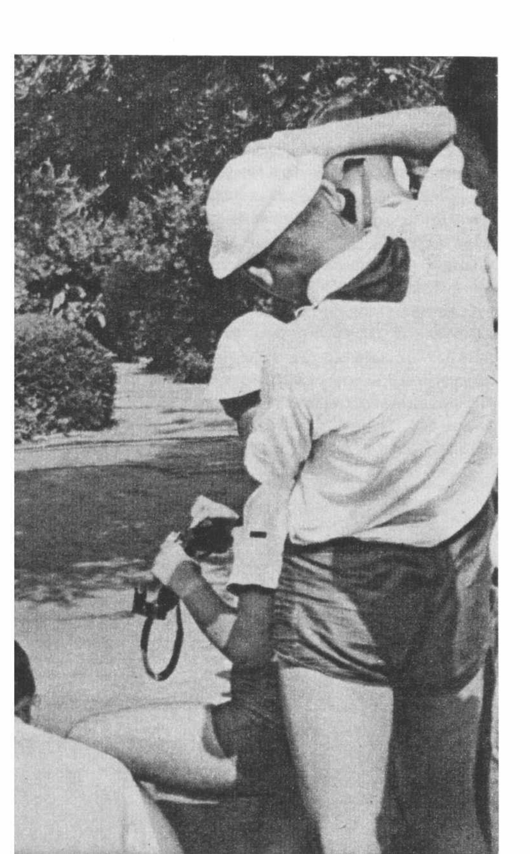
Утром я уехал из Артека. Я пишу в самолете, он летит в Москву.

Было девять часов утра. День в лагере начался, как обычно. На утренней линейке объявили, что я покидаю Артек. Мне поднесли цветы, много значков и фотографии. Я был очень растроган, и мне очень не хотелось расставаться с Артеком. После завтрака мы все вышли ждать автобуса, провожали меня все ребята. Я едва удержался, чтобы не заплакать, и мои друзья тоже. Пришли попрощаться вожатые. Наконец я не выдержал и заплакал, во второй раз после приезда в Артек. Коля сел рядом со мной на скамейку и старался утешить меня. Ребята затянули песню, чтобы мне было веселее, но мне стало еще горше, и они перестали петь.

Пришел автобус, и я сел. Мои вожатые, Геннадий Петрович и Лидия Николаевна, протянули мне через окно куклу-матрешку. Все пожимали мне руки и кричали «до свидания». Я целовался с друзьями и руководителями, а когда автобус тронулся, они все бежали за ним и пожимали мне руку.

Я всегда буду помнить моих друзей из Артека и все, что я узнал там. Как будет хорошо, если мы встретимся там снова!

До нового свидания в Артеке!

Евгений НОСОВ Рассказ

Горяч и звонок стоял степной полдень в Засеймье. Над полями струилось добела расплавленное небо. Спелые хлеба по обе стороны проселка дышали в лицо печной духотой, и хотелось приподняться на цыпочки, чтобы глотнуть свежего ветерка.

У края лесистого оврага, на расчищенной и укатанной стерне, табором раскинулся временный бригадный ток: старенький приводной «Харьковец», зернопульт, сортировки. Над теплым ворохом зерна плавал парной ситный запах, и лошадь, запряженная в водовозную бочку, раздувала ноздри и, дергая недоуздок, тянулась к пшенице.

В холодке под орешником обедали девчата — команда тока. На ветках висели косынки, блузки и даже платья — все, что можно было снять, не церемонясь, в присутствии Федьки-водовоза. Загорелые златоплечие девчата налегали на арбузы: жарко!

Сегодня на току заминка: почему-то не пришла за очищенным зерном машина. Зерна насортировали уйму, и заведующая током тетя Варя, единственная пожилая женщина во всей команде, ушла на центральную усадьбу выяснить, в чем дело.

— Федька-а! — крикнула весовщица Ксения и запустила в лошадь арбузной коркой.— Привяжи покороче мерина! Опять зерно слюнявит!

В овраге зашуршали листья, захрустел сушняк. Показалась рыжая, добродушная, исцарапанная ветками Федькина физиономия. Федька большеголов, узкоплеч и по причине своего неказистого вида все еще ходит в подростках. Ему предписано возить воду к комбайнам. Отсюда видно, как самоход, мелькая планками жатки, стрижет наголо соседний косогор. И до той поры, пока на соломокопнителе не появится красная майка, подвешенная к шесту,— что означало: «Федька, воды!» — Федька околачивался на току.

— Девки, орехи поспели! — Федька похлопал по оттопыренным карманам коротких обтрепанных штанов.— Ядреные!

— Угощай!

Федька достал горсть орехов, уже зарумянившихся и звонких, и стал сыпать в подол рубашки Ксении.

— Еще!— говорила Ксения, глядя на Федьку снизу сощуренными карими глазами.

Ксения была первая на селе красавица: чернявая, белозубая, статная. Она знала, что хороша собой, была бойка и остра на язык. Ксения сидела на траве, чуть откинувшись, поджав под себя ноги и опираясь на руки за спиной. Из-под краешка натянутой рубашки выступали округлые, в ямочках колени. Федька косился на них и бросал орехи в подол не торопясь, по одному, ухмыляясь.

— Еще!

Федька с готовностью достал новую горсть.

— Ну, хватит ей! Давай и нам! — К Федьке потянулась перепачканная мазутом рука Ольги.

Ольга обучилась запускать приводной трактор, обслуживала зернопульт и была на току за механика.

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

— Не цап! — шаркнул ногой Федька.— Не пачкай брюки!

— У, черт конопатый!

— Сыпь еще! — приказала Ксения.— Все сыпь!

— А себе што? — насторожился Федька.

— Сыпь добром!

Федька на всякий случай отступил подальше.

— Хватай его, девчата!

Федька отскочил, завяз в зерне, повалился. Рассыпая с подола орехи, Ксения одним прыжком настигла Федьку, схватила за босую ногу. Федька глубоко запустил руки в пшеницу, силясь удержаться, но опора была зыбкая, и он пополз вниз, загребая зерно задранной на спине рубахой.

— Пусти! — орал он, стараясь свободной ногой плеснуть в лицо Ксении пшеницей.— Пусти, говорю! А то расскажу, как с комбайнером обнималась!

— Когда? — ошарашенно остановилась Ксения.— Побреши мне!..

— Девчата, машина едет! — вдруг крикнула сортировщица Настя.

В пшенице замелькала кабина грузовика. Вслед за ней над хлебами, лениво клубясь, поднималась пыльная завеса.

— Ой, да это не наша! В колхозе таких нет! — всплеснула руками Настя и первая побежала к орешнику.

Пока девушки сдергивали с кустов одежду, надевали блузки и кофты, второпях не попадая в рукава, четырехтонный «ЗИЛ» подкатил к самым весам и, зашипев, остановился. Из кабины вышли озабоченная тетя Варя и шофер — долговязый, узколицый и чернобровый парень в ковбойке с закатанными рукавами и в синих лыжных брюках, делавших его еще более долговязым.

— Вот пригнала другую машину,— сказала тетя Варя, утирая потное лицо концом косынки.— Ну, девчата, живо!

Какое-то мгновение сгрудившиеся девчата стояли неподвижно. Каждая, таясь от другой, бегло, как бы невзначай, оглядывала незнакомого парня, и вышло так, что, когда шофер бросил взгляд в их сторону, он застал врасплох все глаза: черные прищуренные Ксенины, боязливо моргающие под белым козырьком косынки Настины, добродушно-веселые трактористки Ольги и еще другие,— смутил их, смутился сам, нахмурил брови и спросил:

— Машину развернуть?

Ватага девчат тотчас рассыпалась по току. На мешки навалились дружно, будто в чем провинились. Грузили быстро, привычно, не глядя больше на долговязого водителя. Парень попытался помочь, но одному ему мешок было не поднять, а в пару с ним никто не становился, девчата обходили его, не замечая, молчаливо и азартно хватали с весов мешки — одна за хохолок, другая за углы — и, раскачав, забрасывали в открытый кузов.

Машина покатила.

— Это чей же такой?— нараспев спросила тетю Варю Ксения.

— С автобазы. Прислали на подмогу.

— Сразу видно, городской.

— Это почему же видно?

— Интеллигентный... губки бантиком...

— Чистюля...

— И мешков боится.

— Тетя Варя, а как зовут его?

— Говорит, Вадим.

— Вадим-нелюдим.

Парня тут же разобрали по косточкам. По какому-то молчаливому уговору находили в нем только смешное, и когда рослая, большерукая Настя, молчавшая до той поры, вдруг сказала: «А мне, когда борт помогала закрывать, спасибо сказал»,— все обернулись к ней.

— Спасибо сказал — она уже и растаяла!

— Ай понравился?

— Вот выдумали!.. — отмахивалась Настя. Глаза ее влажно заблестели.— Нельзя и сказать!.. Ну что тут такого?

— Парень как парень,— примирительно сказала тетя Варя.

— Стиляга! — хихикнул Федька.— Штаны дудочкой.

— Посмотри лучше на свои! — бросила Ксения.

Девчата грохнули. Федька конфузливо оглядел свои куцые недомерки.

— Ну, хватит, девчата! — объявила тетя Варя.— Ольга, запускай трактор!

Ольга покопалась в брюхе трактора, крутнула ручку. «Харьковец» по-стариковски закашлял, затрясся, чадя едкой керосиновой гарью. Из зернопульта выметнулась струя пшеницы и, набрав силу, повисла над током живой, пляшущей дугой. У этого пульсирующего фонтана, что с веселым плеском разбивался о ворох зерна, был свой стремительный ритм, подчиняясь которому застучали ситами сортировки, замелькали совки и отполированные зерном до воскового глянца деревянные лопаты. Было что-то красивое в этих размеренных, сильных и гибких движениях загорелых девичьих рук, от прикосновения которых оживало и начинало ходить это хлебное море, заплескивая босые ноги теплыми пахучими волнами.

Так работали час-другой, потом кто-нибудь втыкал в зерно лопату или бросал совок, выпрямлялся, прогибая рукой затекшую поясницу, и пьяным шагом шел к бочке с водой.

До вечера успели еще дважды отправить машину. Каждый раз грузили сами, вынуждая водителя брать отвертку и поднимать для видимости капот над мотором. Потом пришел сторож дед Севастьян, и тетя Варя объявила отбой. Девушки плескались у бочки, когда в посеревшем поле в четвертый раз показался грузовик.

— Понравилось,— усмехнулась Ксения.— А может, тонна-километры выжимает? Мы не железные.

Грузовик подкатил к площадке. Хлопнула дверца. Шофер остановился перед опустевшим током, достал папироску, закурил.

— Скажи, что домой уходим,— толкнула Ксению Ольга.

Ксения подошла к шоферу. Она только что умылась, и лицо ее просвечивало ровным румянцем. В тяжелых волосах, распущенных по голубой косынке, блестели брызги.

— А мы уходим. Зря машину гнали...

Она достала из кармашка сарафана гребень и плавными, неторопливыми движениями принялась расчесывать волосы, сбивая водяные капли на косынку.

— Я не за зерном,— сказал шофер, принуждая себя взглянуть в лицо Ксении.

— Что-нибудь забыли?

— Приехал за вами. До деревни ведь далеко...

— Вот как! Спасибо! — растягивая слова, сказала Ксения.

В сумерках таяли остатки зари. Над оврагом поднялся туман, скрыл под собой кусты лещины, и овраг стал похож на огромное бездонное озеро. Оттуда тянуло сырой лесной прохладой, пахло папоротниками, изрытой кротами землей.

— Нравится у нас?

— Да, у вас хорошо.

К машине несмело подтянулись остальные девчата. Парень оказался неразговорчивым, но его молчание не отпугивало, и они стояли и мучались тем, что и сами не могли придумать, о чем говорить.

— Ксенька! Что же ты молчишь? Выручай!

Но с Ксенией тоже что-то случилось. Испортилась какая-то пружинка в ее веселом, бойком языке.

— На орешка,— просто, по-свойски предложил Федька.— Ядреные! У нас тут орехов тьма-тьмущая. Ложись на брюхо под кустом и загребай. Завтра пойдем, если хочешь.

Сте

— ты и девушек угости,— улыбнулся Вадим.

— Они уже наелись. Я им давал,— соврал Федька и тут же, кем-то ущипнутый, скривил такую рожу, что все расхохотались.

Неловкость была сломлена, девушки оживились, всем вдруг захотелось говорить. Рассказывали почему-то о Федьке, какой он у них непутевый парень. Федька блаженствовал.

Когда садились в машину, опять вышла заминка.

— В кабине место свободное, кто хочет, садитесь,— сказал Вадим и украдкой взглянул на Ксению.

Девушки, уже давно признавшие за Ксенией право выбирать, услужливо подбадривали:

— Садись, Ксень. Ну чего ты?

Ксения рассердилась и полезла в кузов. Подошла тетя Варя, и вопрос решился сам собой.

— Что вы меня все время сватаете? — уже на ходу вычитывала подруг Ксения.

Но говорила она без злости, с тайным удовольствием.

Утро следующего дня было такое же погожее. Над освеженными росой холмами поднялось дымное малиновое солнце. В хлебах перекликались молодые перепела. Было приятно ступать босиком по прохладной полевой дороге.

На хуторском развилке Ольгу и Ксению нагнала Настя. На ней была новая синяя блузка в белый горошек. Поймав на себе любопытные взгляды подруг, Настя, как всегда, не выдержала, покраснела. Ее полнокровное, с пухлыми детскими щеками простоватое лицо стало обиженным и несчастным: «Все-то они видят! А сами вон тоже понапудрились... Думают, я не замечаю». И, оправляя блузку, которая была ей чуть тесновата, пояснила:

— Старая совсем порвалась, а чинить было некогда.

— Да где уж было чинить! — усмехнулась Ксения. Она никогда не упускала случая подшутить над незадачливой Настей.— Небось, с кавалером простояла. Тихоня!

— Такое скажешь! — обиделась Настя.— Как до хутора довез, сразу и пошла домой. Я уж ему говорю: «Узнает председатель — ругать будет». «За что?» — спрашивает. «Да как же? Если всех по домам развозить, пережог горючего получится». А он: «За это ругать не будет: людям,— говорит,— отдохнуть надо; бензин я завтра в рейсах сберегу». Так до самой хаты и довез.

Все три пришли на ток первыми. Машина была уже там. Неподалеку от весов Вадим и Федька копали какую-то яму.

Возле кучки свежей земли стоял дед Севастьян. Девушки поздоровались.

— Вместо утренней разминки,— сказал Вадим, откидывая со лба волосы.

— Это что же такое будет? — поинтересовались девчата.

— Что, что! — передразнил дед.— Загонит сюда машину — и нагружай. Сколько дней животы мешками рвете, а не докумекали.

— Для вас, черти, стараемся! — сказал Федька.

Тем временем на ток подошли все остальные. Ольга стала заправлять трактор, со вчерашнего зерна стянули набрякший влагой, негнущийся брезент. Застучали сортировки, работа пошла своим чередом, захватывая торопливым бегом, прогоняя остатки ломоты в пояснице. И вот уже выпачканы мазутом щеки доморощенного механика Ольги, которые она с таким старанием припудривала в утреннем полусвете избы, промокла между лопатками вылинявшая Настина блузка, и набилась полова в Ксенин смоляной вихор на лбу, который она почему-то сегодня не захотела спрятать под голубую косынку.

Подчищая лопатой закраины тока, Настя заметила, как в зерне мелькнуло что-то синее. Это была записная книжка, старенькая, потертая, в черных масляных пятнах.

— Девчонки! Кто потерял блокнот? — спросила Настя и потрясла над головой книжкой.

Блокнот пошел по рукам.

— Чей же это? Какие-то цифры...

— Смотрите, стихи!

— Ну-ка? Правда, стихи...

— Давайте почитаем? Ну-ка, Ксень!

Высоко над долиной
Слышен плач журавлиный:
Птицы лето уносят на крыльях своих.
Затуманились нивы,
И лесок говорливый
За околицей вдруг погрустнел и притих.

Девчата помолчали.

— Это правда,— вздохнула Настя.— Так бывает... когда улетают журавли...

После третьего рейса объявили перерыв на обед. Девчата потянулись в тень под орешник. Развязали узелки и котомки. Оказалось, что все прихватили лишнего.

— Или именины у кого? — спросила тетя Варя, оглядывая неизвестно откуда появившуюся скатерть. На ней живописно пестрели помидоры, яйца, цыплячьи ножки, арбузы, яблоки.

Девчата чуточку смешались.

— Кого за уши трепать будем?

— Уж кого же еще? Ксеньку нашу.

— Да ну вас! — дернула плечами Ксения. Она нарезала ломти ситного хлеба.— Давайте лучше Вадима позовем обедать.

И хотя это молчаливо и давно было решено каждой и вся эта еда была потому и принесена в таком изобилии, девушки обрадованно подхватили:

— В самом деле, что ж это мы?!

— Покормить надо,— сказала тетя Варя.— Парень старается...

— Вы уж, Варвара Петровна, сами позовите...

Обед получился на славу. Под шумок пристроился и Федька.

— Да вы ешьте, не стесняйтесь! — угощала Вадима Ксения. Она была оживлена, разговорчива и командовала обедом, будто и в самом деле была именинницей. Впрочем, как знать?.. Сидела она рядом с Вадимом.— Какой-то вы... несмелый... мечтательный!

— Будешь мечты разводить — пропадешь! — поучал Федька, хватая третье яйцо.— Какой должен быть настоящий водитель? Не знаешь? А я тебе скажу. Подколол левака — и в чайную. Кругом тебя официанты: «Что вам угодно? Отбивного или судачка в коробочке?» Вот это жисть!

— Тоже водитель! Шел бы лучше своего мерина запрягать,— сказала Ольга.— Видишь, на комбайне майку вывесили?

— Это мы мигом! — шмыгнул носом Федька и потащил четвертое яйцо.

— Вадим, это не вы потеряли? — спросила Ксения и достала из кармана записную книжку.

Вадим смутился.

— Мы прочитали,— простодушно созналась Настя.— Неужели сами сочинили?

Федька перестал жевать, уставился на Вадима, будто увидел впервые.

— Это так... балуюсь,— сказал Вадим.— Едешь, а навстречу бежит дорога... Ну, и плетешь... Так, для себя.

— А нам нравится. Можно переписать?

Страдные дни бежали незаметно. Надо было вставать чуть свет и потом весь день под знойным солнцем ворошить зерно, таскать мешки, однообразно и бесконечно крутить ручки окутанных тучей половы сортировок. Но шли девчата на ток с какой-то ревностно запрятанной радостью и все чего-то ждали, будто должно произойти что-то хорошее.

Но шли дни, и ничего не происходило. А потом пришла с поля тетя Варя и объявила, что больше зерна не будет.

— Разве уже все убрали? — обступили ее девчата.

Тетя Варя переводила взгляд то на одну, то на другую и не понимала, почему так затуманились глаза у девчат.

Перед вечером грузили машину в последний рейс. Руки не слушались, мешки казались невподъем. Куда-то запропастилась гирька от весов!

Не поднимая головы, медленно, будто разыскивала иголку, подбирала лопатой остатки зерна Настя. Ее новая кофточка выгорела и полиняла на спине.

Но вот захлопнут борт машины, заброшены брезент и дорожная лопата. Вадим оглядел ток. Больше класть нечего. Погружено все до последнего зерна.

Вадим обходил девчат, молчаливых и присмиревших, и пожимал им руки.

— До свидания! До свидания, девушки!

— До свидания,— отвечали сдержанно девчата.

— До свидания, Варвара Петровна.

— Всего хорошего! Спасибо тебе, Вадим! Помог нам управиться. Напишу отзыв в автобазу.

— Вот и конец! — сказала Ксения, кусая кончик своей голубой косынки. Она взглянула в нахмуренное лицо Вадима, и, может быть, впервые улыбка получилась не Ксенина — чужая, виноватая...— А книжечку свою возьмите.— Она вынула из кармана блокнот и протянула Вадиму. Из блокнота выпало несколько пшеничных зерен.— «Птицы лето уносят на крыльях своих...»

Заревел мотор. Машина рывком выскочила из погрузочной траншеи и покатила, грузно переваливаясь на затоптанных бороздах.

На опустевшем, выметенном току тесной кучкой стояли девчата и глядели вслед грузовику.

пное лето

Три стихотворения

Л. ТАТЬЯНИЧЕВА

Осторожно, цветы!

На газонах,
В новом нашем парке,
Высятся фанерные щиты
С надписью заботливой
И яркой:
«Осторожнее, друзья,—
Цветы!»

Чернозем от сытости лоснится.
Сквозь его живительный покров
К солнышку торопятся пробиться
Пальчики младенческих ростков.

Я иду,
Ступая осторожно,
Чтоб не потревожить зеленя.
Отчего ж вдруг сделалось
тревожно
И темно на сердце у меня?

...Не забыть мне
Сгорбленные спины
Малышей,
Бредущих на восток,
И как окрик:
«Осторожно — мины!» —
На полях,
Вдоль взорванных дорог...

Современнику

Воркуют голуби на крыше
В хрустальной утренней тиши.
Открой же окна,
Погляди же,
Как эти птицы хороши!

А в небе голубь,
Словно лира.
Певуч его спокойный лет.
Но белый голубь —
Символ мира —
Нам в клюве мир не принесет!

Ты знаешь:
Шар земной — не глобус.
Война —
Не детская игра.
Не дай, чтоб бомбой
раскололась
Земли зеленая кора!

У костра

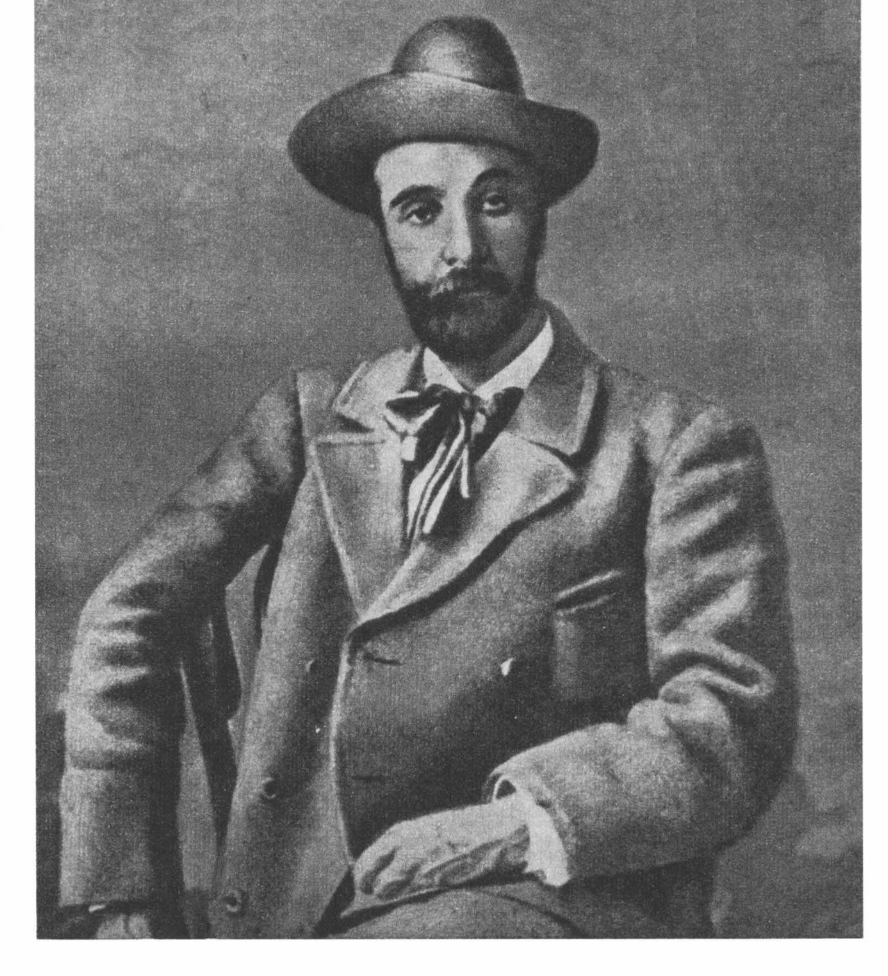
Эта просека лучевая,
Как в густых волосах пробор.
Жизнь суровая, кочевая.
Спор с тайгою —
Нелегкий спор.

Изыскатели, лесорубы,
Подмастерья да мастера,
Осветляя улыбкой зубы,
К ночи сходятся у костра.

И за кружкой густого чая
Делят радость
И делят грусть.
Маяковского вслух читают
С упоением,
Наизусть.

А мечта их
Насущней хлеба,
Хоть и дерзок ее размах:
Сделать все,
Чтоб земля и небо
Были в добрых людских руках.

У костров,
Средь лесов косматых,
Размышляют о том не зря
Братья будущих космонавтов,
Продолжатели Октября.

КАРТИНЫ ИЗ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕИ.

СТОЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. И. ЛЕВИТАНА

ПОКОРЯЮЩЕЕ ИСКУССТВО

«Воображаю, какая прелесть теперь у нас на Руси, реки разлились, оживает все... Нет лучше страны, чем Россия!..» — так писал в одном из писем вдохновенный поэт русской природы Исаак Ильич Левитан.

«Левитан показал нам то скромное и сокровенное, что таится в каждом русском пейзаже,— его душу, его очарование»,— вспоминает о своем друге другой певец русского пейзажа, М. В. Нестеров.

И. И. Левитан принадлежит к московской школе живописи, давшей искусству выдающихся художников. Он занимает, бесспорно, первое место среди русских пейзажистов. Изображая природу, Левитан понимал ее так, как понимает, чувствует и любит ее народ; он открывал в ней самое сокровенное — глубокую связь с человеком. В его произведениях высокий строй переживаний, вдохновляющих и очищающих человека, облагораживающих и обогащающих его внутренний мир.

Художник, покоривший своим искусством современников и потомков, прожил короткую жизнь.

Он родился в 1860 году неподалеку от станции Вержболово, Ковенской губернии, в бедной еврейской семье. Загоревшееся в мальчике с ранних лет желание стать художником встретило тяжкие жизненные препятствия. Но это не помешало ему в двенадцать лет самостоятельно подать прошение в училище живописи, ваяния и зодчества и быть принятым. В училище продолжалась голодная и бездомная жизнь. Мальчик зачастую ночевал в пустых классах да питался на пятачок в день. Но талант Левитана признали сразу и педагоги и товарищи. Уже на ученических выставках отмечают его картины. О шестнадцатилетнем художнике говорят, что он умеет чувствовать природу и верно передавать свои впечатления.

Занятия Левитана проходили в годы подлинного расцвета училища, тесно связанного с движением передвижников. Здесь преподавали Перов, Саврасов, Прянишников, Сорокин, Маковский. Учителем Левитана в пейзажном классе был Саврасов, сумевший пробудить в своих учениках пылкую любовь к природе. В его мастерской работали с энтузиазмом, особенно когда выезжали весной писать за город. В ранних этюдах Левитана несомненно влияние Саврасова, автора замечательной картины «Грачи прилетели», и другого его педагога — Поленова. Но очень скоро молодой художник находит свой путь. Картины Левитана никогда не спутаешь с работами других художников. Его живопись отличается своеобразием широкого и свободного мазка, воздушностью, светоносностью, удивительной легкостью и пластичностью приемов.

Всю свою творческую жизнь Левитан постоянно, неизменно, восторженно писал с натуры, никогда не повторяя ее. Он искал темы своих картин в самом сердце России: на Волге, под Звенигородом, в Останкине, в Бабкине, где он жил вместе с близкими своими друзьями — семьей А. П. Чехова, на озере Удомли под Вышним Волочком. Природа чужих стран оставляла Левитана равнодушным.

Некоторые его картины написаны прямо с натуры, другие по этюдам и многие по памяти (а художественная память была у него необычайная), но и они явились обобщением этюдов с натуры. Так возникла прославленная картина художника «Вечерний звон», патетически приподнятая в своей светлой гармонии голубизны вод и неба, умиротворенная и ясная, слаженная и цельная, как русская задушевная песня. Картина «Над вечным покоем» проникнута чувством элегической грусти и сосредоточенных раздумий, но небо здесь тревожное, бурное, с серыми несущимися обрывками туч.

Совсем другим творческим путем возникла «Владимирка». Живя летом во Владимирской губернии, Левитан, возвращаясь с охоты, вышел на Владимирский тракт и, долго всматриваясь в эту пустынную дорогу, вспомнил, что по ней по царскому велению шли в Сибирь ссыльные, закованные в кандалы. В сером, печальном небе, в дороге, бесконечно тянувшейся вдаль, настроение тоски и горя, рожденное воспоминаниями. Левитан писал этот пейзаж прямо с натуры на большой холст, создав большую тематическую картину.

Раньше было принято рассматривать творчество Левитана как выражение грусти, неудовлетворенности, затаенной печали. Многие его картины действительно проникнуты таким настроением. Но в картинах Левитана, как в народном творчестве того времени: в песнях, прикладном искусстве,— утверждалась вера в будущее! Сколько бодрости, радости в его «Свежем ветре» с расписными баржами, интенсивной синей водой; будто чувствуешь свежий и упругий волжский ветер! А праздник его «Золотой осени», торжественная симфония облаков, отражающихся в воде в «Озере», а счастливая, пробуждающаяся жизнь природы в картинах «Весна. Большая вода», «Март»! Всемогущее солнце рождает синие тени на подтаивающем мартовском снегу, заставляет нестерпимо гореть желтую деревянную стенку дома и трепетать вершины тонких березок. Настороженность и таинственность русской сказки «У омута» так же свойственны таланту Левитана, как пронизанная светом «Березовая роща».

Левитан был дружен с Чеховым. Их роднили душевная тревога, неудовлетворенные искания и стремления, проницательное постижение всего окружающего и светлая уверенность в победе нового, прекрасного в человеке и на земле.

Сто лет со дня рождения И. И. Левитана отмечается в нашей стране как народный праздник, как выдающееся событие в истории русской советской культуры.

Сергей ГЕРАСИМОВ,
народный художник СССР

ОСЕННИЙ ДЕНЬ. СОКОЛЬНИКИ. 1879 г.
→

СВЕЖИЙ ВЕТЕР. ВОЛГА. 1895 г.

БЕРЕЗОВАЯ РОЩА. 1889 г.

ВЛАДИМИРКА. 1892 г.

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН. 1892 г.

На обороте: У ОМУТА. 1892 г.

НАД ВЕЧНЫМ ПОКОЕМ. 1894 г.

СУМЕРКИ. СТОГА. 1899 г.

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ. 1895 г.

МАРТ. 1895 г.

ВЕСНА — БОЛЬШАЯ ВОДА. 1897 г.

Разговор за чаем

Борис АГАПОВ

В обществе, куда я попал, были начисто исключены покер и разговоры о взаимоотношениях. Здесь не подлежало обсуждению, кто у кого увел жену и кто необыкновенно вовремя перешел из одного ведомства в другое... За чайным столом люди разговаривали всерьез о серьезных вещах, так что в первые полчаса мне показалось, что я попал к мальчишкам, загримированным под почтенных дядей, или, наоборот, что это взрослые играют в мальчишек. Но все было вполне настоящим, и вскоре я понял, что это и есть нормальная беседа обыкновенных культурных людей. У одного сценариста, к которому я когда-то изредка хаживал, если и говорили об Антарктиде, то только о том, что там будто бы нет кислорода; если вспоминали о целине, то только потому, что там произошла какая-то неприятность... О кибернетике же последний раз я слышал там в связи с якобы непристойным поведением какого-то робота.

Разговор моих новых знакомых легко перескакивал с предмета на предмет, так что в записи его мне не удастся добиться строгой последовательности. И все же я решаюсь предложить ее вниманию более широкого круга, чем был тогда у Птахина.

Наш хозяин, всегда скромно именующий себя репортером, хотя я уверен, что именно по его книжкам будущие историки будут восстанавливать живую картину современности, сказал:

— Сегодня я видел такую мебель, что унес бы ее под полой, если бы не боялся милиции.

— Хорошая горка для хрусталя? — спросил кто-то.

Все засмеялись нелепости такого предположения.

— Это,— продолжал Птахин,— сервант, в котором висят папки...

— Зачем вам папки? Почему висят? — посыпались вопросы.

— Папки мне нужны по роду моей деятельности: я ежевечерне сортирую много вырезок и раскладываю их по темам. А вот «почему висят?» — в этом все и дело. Они висят корешками вниз, слегка раскрытые, над каждой — наименование темы. Вам не надо их ни перебирать, ни вытаскивать, ни раскрывать, ни вталкивать обратно. Вы просто бросаете в их раскрытые «рты» разобранные уже документы, и ваше делопроизводство в порядке.

— Где ты это видел? — спросил я.

— На выставке по механизации управленческого труда.

— Подумаешь! — сказал кто-то презрительно.— Что же там механизировать? Входящие бумажки?

— Теперь,— продолжал Птахин,— взгляните на эту карточку. На ней могут быть записаны всяческие данные: о человеке, о технологическом процессе, о станке — словом, о любом объекте учета. Допустим, что в ящике стоит сто карточек об инженерах завода. Вы хотите отобрать из инженеров тех, которые побывали в научных командировках за рубежом и имеют печатные труды. Вы берете вязальную спицу, делаете ею одно движение и поднимаете из ящика карточки всех инженеров, изучавших технику за границей. Таким же движением спицы вы извлекаете из вынутых карточек те, на которых указаны авторы научных трудов. Все это делается вполне механически, без всякого чтения или перебирания документов.

— Автоматика?

— Пока тут не больше автоматики, чем в костяшках старинных бухгалтерских счетов. А ведь как просто! По верхнему краю карточки сделаны вырезы и дырочки. Если, например, данный инженер не имеет печатных трудов, у него на карточке в соответствующем месте вырез, если имеет — в этом же месте карточки дырочка. Когда вы втыкаете спицу в эту дырочку, пронизываете ею всю толщу карточек, поднимаете спицу вверх, она тянет за собой только те карточки, у которых в том же месте есть дырочки, и оставляет в ящике те, у которых вырезы, неспособные задержать спицу, вернее, захватиться за спицу. Вот и весь принцип. А какое облегчение канцелярским служащим!..

— То есть из двух работников учета одного можно уволить,— сказал финансист.— Экономия на зарплате в пятьдесят процентов.

— К сожалению, многие до сих пор думают, что тут только экономия на зарплате,— произнес экономист.

— А разве это не верно?

— Верно, но недостаточно.

— Там же,— продолжал Птахин,— я видел машину, которая сортировала карточки: семьсот карточек в минуту. Другими словами, каждую секунду машина «ощупывала», «прочитывала» — как хотите называйте эту операцию — более десяти карточек и раскладывала их по ящикам в зависимости от полученного задания. Тут вам уже не вязальная спица, тут вихрь, тайфун, цунами!..

— Скольких служащих она может заменить? — спросил финансист.

— Возможно, что сотню,— сказал экономист.— Однако разве только в этом дело?

— Что вы этим хотите сказать?.. Если дело не в экономии, то в чем же?

— Я думаю,—вмешался в разговор конструктор самолетов,— Борис Бернгардович хочет сказать, что некоторые задачи без автоматики, без машин пришлось бы решать слишком долго. Например, для исследования колебаний частей самолета в полете нам нужно пятьсот человеко-часов для вычислений. А машина «Урал» делает это в тридцать минут.

— Кроме того, иногда «долго» значит «напрасно»! — сказал геофизик.— Если для прогноза погоды на завтра вам нужно считать до послезавтра...— Он развел руками и виновато усмехнулся.

— Ну, уж тогда еще лучший пример,—сказал конструктор,—управление огнем, зенитным или ракетным, безразлично. Хотите, я вам прочту, как американские журналы рисуют воздушный бой будущего? — Он порылся в записной книжке.— Вот. «При стрельбе ракетами «Фолькон» самолеты противника обнаруживаются наземным локатором на максимальной дальности, и он следит за ними. Истребители-перехватчики вылетают и наводятся на цели системой управления, связанной с этим локатором. Курс встречи определяется автоматами. На заранее установленном расстоянии вступает в действие система управления истребителя-перехватчика, которая захватывает цели, сама вносит поправки в курс встречи и запускает снаряды класса «воздух-воздух»...» Теперь внимание! — Конструктор поднял руку.— Главный итог выражен в следующей фразе: «Во время всей операции летчик не несет почти никаких функций». Это происходит только потому, что человеческий мозг не может действовать с той скоростью, какая необходима для современного воздушного боя. Здесь могут работать только машины. Вы об этом хотели сказать, Борис Бернгардович?

— По совести, я не силен в вопросах военной техники,— ответил экономист.— Однако я не имел в виду такие процессы управления, которые полностью исключают человеческий мозг.

— Погодите, погодите! Не объясняйте! Ваш ребус становится очень интересным! — вскочила и подбежала к экономисту молоденькая станкостроительница.— Кажется, я знаю, в чем дело. Вопрос о сообразительности человека и машины. Например, когда у вас имеется старый, примитивный станок и простой материал и резец из обычной углеродистой стали, вам нетрудно сообразить, какую подачу вы должны использовать. Но когда речь идет о скоростном резании, о мощных станках, о сверхтвердых сплавах, тут «сообразиловка» уже недостаточна. Тут надо учитывать очень много факторов, чтобы выбрать самый выгодный режим: и мощность станка, и материал заготовки, и глубину резания, и диаметр инструмента, и геометрию резца, и крутящий момент... Тут на глазок и интуитивно только очень талантливый и опытный человек может найти выгодный вариант, да и то не самый лучший. И вот вы закладываете все эти данные в небольшой вычислительный прибор и почти моментально получаете наилучшие условия работы: подача такая-то, число оборотов такое-то. Машина выполняет здесь работу инженера, причем отличного инженера. Она не может быть плохим инженером, если в нее заложены правильная программа и исходные данные.

— Другими словами, инженера сократить — и экономия на зарплате.

Станкостроительница не обратила внимания на финансиста, а Борис Бернгардович сказал:

— Ваш пример ближе к тому, о чем я думаю. Вы имеете в виду такие машины, как, например, «ВПРР-2»... Вообще за последние годы у нас создано много интересных управляющих машин. Конечно, мы должны стремиться освободить людей от механической работы. Государственный банк СССР выполняет в год миллиард сто миллионов операций. Попробуйте проделать их с карандашом в руке! Это то же самое, как если бы мы вздумали строить Юго-Запад Москвы при помощи лопат, тачек и грабарок. Сколько миллионов рабочих стояло бы лагерем вокруг города и сколько сена и овса потребовалось бы лошадям, целые табуны которых паслись бы в полях между Москвой-рекой и Внуковом!

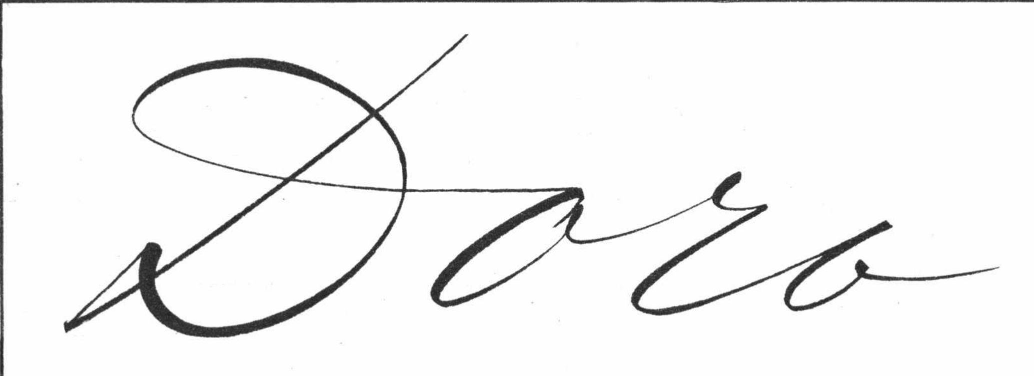
— Это было бы красиво! — сказала станкостроительница.

— История автоматов связана с мечтой о создании искусственного человека,— сказал историк.— В одном из музеев Вены вы можете полюбоваться, например, на юношу в парике и синем камзоле, сидящего за столиком с пером в руке. Эта кукла действительно умела писать. Ее каракули были похожи на первые попытки ребенка, но все-таки это буквы, их можно прочесть! Легенда о глиняном Големе относится сюда же...

— Я думаю, ни Голем, ни юноша в парике сюда не относятся,— сказал конструктор самолетов.— Историки вообще не отделались еще от художественного мышления. Конечно, весьма заманчиво начать историю современной счетно-решающей машины, выдающей письменный ответ на заданный вопрос, с рассказа о кукле XVIII века, которая умела писать. Однако в действительности эта машина гораздо более сродни арифмометру Однера, чем любым человековидным автоматам прошлого. Автомат может написать только то слово, которое в него заложено, машина может произвести необходимые операции над той информацией, которую она получила.

— Пусть историки пишут художественно,— сказал Птахин,— иначе их уж совсем невозможно будет читать... Но теперь, Борис

Продолжение на стр. 28—29.

Повесть

Мария БЕЛАХОВА

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

ОКОНЧАНИЕ. СМ. «ОГОНЕК» №№ 32, 33, 34.

Глава 9

У Березовых было много знакомых и друзей. Антона Ивановича как конструктора знали сотни людей. Ирина Андреевна много лет работала в школе своего района и тоже имела довольно широкий круг знакомых. Березовы часто бывали с Наташей в общественных местах, ходили в гости, принимали гостей у себя. И никогда за все эти годы они не слышали намека на историю Наташи. Наоборот, все, кто видел их с дочкой, не упускали случая заметить, что дочка очень похожа на мать. Меньше, но и на отца похожа. И это было правдой.

Наташа была шатенкой, с карими глазами, как Ирина Андреевна и Антон Иванович. Но сходство людей определяется не только внешними чертами. Глубокое, более меткое сходство придают жесты и манеры людей. Это сходство вырабатывается в результате долгой совместной жизни, общностью мыслей, взглядов, привычек и вкусов. Если есть еще умение и желание подражать тем, кто приятен, кого любишь, то с годами чужие люди приобретают поразительное сходство. Довольно часто к старости муж и жена становятся похожими друг на друга. И совсем не удивительно, что маленькая девочка, которая всегда старалась подражать своим родителям, переняла их манеры, впитала их вкусы — стала на них похожей.

Наташа смеялась и щурилась точно так же, как отец. Ее манера говорить негромко, мягко, открыто и внимательно смотреть в глаза собеседнику, ее неторопливая походка, спорые движения были повторением в своеобразной форме манер и движений Ирины Андреевны.

Конечно, у Наташи много было индивидуальных черт, переданных ей по наследству, свойственных ей самой. Но и родные дети не всегда бывают похожи на родителей. Как говорила Екатерина Павловна, и на дереве лист на лист не приходится.

Когда Наташа была ребенком, Березовы очень боялись, что кто-то скажет Наташе, что она неродная дочь. Дом, где они жили, принадлежал министерству и был заселен работниками авиационной промышленности. Здесь все знали друг друга, истина могла как-то просочиться. Но прошли годы, и, казалось, все было забыто. Из ребенка Наташа превратилась в стройную, милую девушку с длинными косами. Березовы и сами-то очень редко вспоминали, как необычно появилась у них Наташа. А вспомнив, удивлялись — уже не укладывалась в голове мысль, что Наташа могла быть не их дочерью. И вдруг спустя четырнадцать лет кто-то грубо напоминает об этом.

Ирина Андреевна сразу подумала, что эту подлость сделала Динара Васильевна. С той давней поры их ссоры Ирина Андреевна никогда с ней не разговаривала. Но Женя, приезжая на каникулы, всегда заходил к ним. В этом году он начал учиться в академии Жуковского и довольно часто встречался с Наташей. Возможно, Ваниной это не нравится. Но откуда она узнала историю Наташи?

А быть может, проговорилась бабушка? Но когда Ирина Андреевна прямо спросила ее об этом, Екатерина Павловна страшно рассердилась:

— Придумала! Дуру болтливую нашла! Я не глупей тебя и из ума еще не выжила!

Она нахмурилась и замолчала. Потом, взглянув на измученное лицо дочери, сказала:

— Наверное, Авдотья, коломенская верста, Наташе рассказала.

— Какая Авдотья?!

— Ну, Динара, по-вашему. Не хотела я тебе рассказывать, не хотела тревожить тебя и Антошу, но, видно, придется.

...Было это зимой, на Наташины каникулы. Сижу я в садике, вдруг подходит ко мне эта Динара. «Как живете, бабушка?» — спрашивает она меня. «Ничего, — говорю я ей, — живу, хлеб жую». А сама думаю: пронеси тебя нечистая сила! «Видали, — спрашивает, — нашего Женю?» «Конечно, — говорю, — видела». «Вот, — говорит она, — какого человека я воспитала! Не курит, не пьет, учится хорошо. Его, — говорит, — направляли в художественное училище, из него скульптор мог получиться. А он захотел стать авиационным инженером». Я молчу. Думаю,

если сказать тебе по совести, как ты его воспитывала, шуму не оберешься. А она горжетку лисью поправила и говорит: «А Наташа выросла интересной девушкой. Не красавица, а симпатичная». Видала? Думаю, и у осы мед есть. Но молчу. Тогда она спрашивает: «В вуз поступать собирается?» Я говорю: «Ну как же, собирается в педагогический. А не поступит, пойдет работать пионервожатой. Детишек,— говорю,— любит». «А у меня,— говорит Динара,— такое впечатление, что она замуж за Женю собирается». Я рта не раскрыла, как она выпалила: «Я,— говорит,— не против. Оба они сироты, пусть женятся». Я как вскочила! «Какая она тебе сирота, при живых родителях! Ведьма ты! — говорю.— Чуть с бела света не сжила племянника, а теперь хвастаешься — воспитала! Как,— говорю,— Федор с тобой, ведьмой, живет?!» Она мне в ответ: «Вы,— говорит,— человек старый, и я не могу с вами связываться». Повернулась и пошла. Я за ней. «Ты,— говорю,— старее меня! Я за новую жизнь, за хороших людей, а ты старорежимная гадина!»

Ирина Андреевна слушала и ужасалась. Какая наглость и глупость! Ну, конечно, это она сказала Наташе.

— Ты не убивайся раньше времени,— глядя на дочь, сказала Екатерина Павловна. — Народ недаром сложил пословицу: не та мать, что родила, а та, что воспитала. Что ж она, Наташенька-то, глупая, что ли? Думаешь, не понимает? Мы в ней души не чаем, а она нас за чужих будет считать? И не думай об этом.

— Мама! Ты ничего не говори Антону. Не надо его волновать.

— Как знаешь. Но я тебе советую: поговори ты и с Наташей и с Антоном. Не надо больше разводить секретов.

Поговорить с Наташей? Посадить ее рядышком и все рассказать? Почему-то она, мать, не может на это решиться. Она не знает, как отнесется к этому Наташа.

Ирина Андреевна всегда интересовалась рассказами о приемных детях. Подобных рассказов, и устных и печатных, немало. По-разному бывает у людей. Бывает, что усыновленные дети, узнав истину, тяжело переживают и даже отстраняются от родителей, воспитавших их. Но чаще такие открытия проходят без душевных драм и переживаний. Приемные дети начинают еще больше любить и ценить своих родителей. Все зависит, по-видимому, от условий и характеров, от людей окружающих, которые влияют на приемных детей. Биология никакой роли тут не играет. Смешно верить, что у детей существует какая-то биологическая тяга к матери или к отцу. Тоска по родной матери и ненависть к приемным родителям могут возникнуть только в том случае, если те, кто усыновил, не стали близкими и родными. Но у Наташи-то не может возникнуть такого чувства! Больше любить дочь, чем любили Березовы, нельзя.

Все это так, но нельзя забывать хрупкий, ломающийся, трудный возраст Наташи. Опыта нет, ум не созрел, чувства обострены. Зная, что она неродная дочь, ей может казаться обидным многое, самое простое. Мыть посуду? Я не домработница! Делать уроки? Не дают отдохнуть. Не так посмотрели, не таким тоном сказали!

Сложно, очень сложно все в жизни!

* * *

Необыкновенно хорошо и радостно проходили Наташины зимние каникулы. В красном лыжном костюме с белой пуховой шапочкой и таким же шарфиком, тонкая, гибкая, она легко скользила на коньках в Парке культуры и отдыха. Всем классом был проведен двухдневный лыжный поход по Подмосковью. Хотя Наташа уже в десятом классе, не маленькая, но дома стоит елка. Такие же елки почти у всех одноклассников, и почти каждый день надо быть у кого-то в гостях. Пятнадцать совершенно свободных дней, пятнадцать раз подряд можно спать утром столько, сколько захочется, пятнадцать интересных, беззаботных вечеров в театрах с подругами и друзьями!

В эти дни веселых зимних каникул она стала часто встречаться с Женей Ваниным. Жил он в общежитии академии, тоже на Ленинградском шоссе, недалеко от дома Березовых. Женя звонил Наташе и приглашал погулять. Он обязательно вел ее в кафе-мороженое на улице Горького. Женя получал стипендию и угощал Наташу на свои, законные деньги. Потом они шли в кино, где легче было достать билеты, если Женя не покупал заранее.

Одноклассницы не раз видели, как провожал Наташу домой лейтенант и как долго разговаривал с ней около парадного. Маринка сказала Наташе, что все ей завидуют. Женя высокий, красивый и, как видно, очень вежливый, не то что их ребята-десятиклассники.

Женя красивый? Наташа об этом как-то не думала. Она давно его знает, привыкла. Правда, в последнее время их отношения стали иными. Началось это с одного вечера. Они стояли около парадного. Наташа подпрыгивала на месте — у нее замерзли ноги,— а Женя все не хотел расставаться.

Он взял обе ее руки и стал тереть, чтоб согреть. Потом поднес их к губам и стал дышать на них. И вдруг украдкой, как бы невзначай, поцеловал руку. У Наташи заколотилось сердце. Хорошо, что было темно, и Женя не увидал, как она покраснела.

С того вечера она стала замечать, что Женя не просто смотрит на нее как товарищ, друг. Он любуется ею. Однажды он сказал:

— Я в жизни не видал таких глаз, как у тебя. Ведь они разговаривают! Ты вот молчи, а я буду смотреть на тебя и говорить, о чем ты думаешь.

Наташа посмотрела на Женю и, смеясь, спросила:

— Ну, о чем я сейчас подумала?

— Ты подумала о том, что я люблю тебя. И ты не ошиблась.

— Да ну тебя!

Наташа оттолкнула его и побежала.

А ведь правда она об этом подумала! Как Женя это угадал? Противные глаза, все выдают!

Наташе очень радостно, что Женя ее любит. Ну, а она любит Женю? Этого Наташа не понимает сама. В девятом классе ей нравился Володя Марин. Физкультурник, отличник, веселый, хорошо танцует. Он несколько раз провожал ее домой и два раза приглашал в кино.

Девочки спрашивали:

— Вы влюблены?

Ей казалось, что влюблены. Но потом вышло как-то само собой, что они перестали обращать внимание друг на друга.

Ну, а Женя? Как хорошо он сказал ей про глаза! Наташа хочет представить лицо Жени и не может. Всех может вспомнить, а Женю нет. Почему так?

Теперь, когда Наташа вдвоем с Женей, она ждет. Женя должен сказать ей что-то приятное, радостное. Она и боится этого и ждет.

В эти дни она непрерывно напевает одну и ту же песенку:

Я люблю тебя, жизнь,
И надеюсь, что это взаимно!

В эти-то дни с ней однажды на улице столкнулась Динара Васильевна.

— Здравствуй, Наташа! — сказала она.

— Здравствуйте,— ответила Наташа и хотела пройти мимо.

Динара Васильевна взяла ее за руку.

— Дай я посмотрю на тебя, какая ты выросла. Ты меня узнаешь? Я Женина тетя.

— Узнаю,— сказала Наташа и посмотрела на Ванину спокойно, немножко удивленно. Что от нее хотят?

— Я слышала, что Женя с тобой часто встречается. Это правда?

— Правда,— не опуская глаз, ответила Наташа.

— А нас он совсем забыл. Ты скажи ему, нехорошо это. Конечно, я неродная мать ему, но я его воспитала. Нельзя быть таким неблагодарным. Ты же вот любишь Ирину Андреевну и Антона Ивановича, а ведь они тоже неродные тебе.

При этих словах в глазах Наташи появился испуг, вопрос...

— Разве ты не знаешь? Странно! Твой отец сам об этом Федору Петровичу сказал.

Наташа оттолкнула Динару Васильевну и побежала прочь.

Где те слова, которыми можно передать душевное смятение девушки?

Кто же она? Откуда? Почему она стала дочерью Березовых? Да не может этого быть! Женина тетка всегда была злой, скверной. Это она придумала, чтобы сделать неприятность ей, маме, папе, Жене. Надо сейчас пойти к маме и рассказать об этом.

А если это правда? Если всю жизнь ее обманывали? Учат честности, а сами врут!

Значит, она чужая всем. Наташе стало жалко себя. Вот жила девочка, счастливая, веселая. Она гордилась своим отцом. Умный, добрый. Когда он болел, шофер рассказывал, что ему покоя все не давали, спрашивали о здоровье. Шофер сказал тогда: «Таких, как твой отец, не много на свете». А мама? Как ее любят ребята в школе! И бабушка... Оказывается, это все не ее, не Наташино. Она всем чужая. Нет, так жить она не хочет.

Наташа видит себя в гробу. Мертвая, холодная. Много, много цветов. Гроб стоит в крематории, скоро он опустится вниз. Мама упала, рыдает. Папочка стоит бледный-бледный. И Женя закрыл лицо платком. Как жалко всех! Бедные папка и мама! Наташа горько плачет, слезы текут по ее лицу.

Нет, она не будет умирать. Окончит десятилетку и уедет куда-нибудь работать. Будет жить в общежитии. Наташа представляет, как заскучают дома без нее. Начнут собирать посылки, положат туда ее любимые конфеты. Бабушка напечет печенья. Наташа улыбается, представляя, как упаковывает ящик с посылкой Антон Иванович. Обязательно высунет немного язык при этом. Он всегда так делает, когда работает по хозяйству.

«Ерунда, наврала все эта Динара,— решила Наташа.— Не может быть такого!»

Но отрава действовала. Наташа об этом непрерывно вспоминала и однажды сказала матери фразу: «Ты сама на себя взвалила эту тяжесть».

Наташа сказала в надежде, что мать развеет все ее сомнения. Но Ирина Андреевна ничего тогда не сказала, промолчала, и Наташа увидела испуг в ее глазах. Значит, ей сказали правду.

Потом потянулись эти трудные дни. Они не смотрели друг другу в глаза. Наташа старалась меньше бывать дома, сидела часто у Маринки, готовила с ней вместе уроки. С Женей она тоже не хотела встречаться.

Глава 10

После морозных дней вдруг неожиданно наступила оттепель. Еще вчера под ногами скрипел снег, а утром закапало с крыш, дворники легко откалывали ледок с тротуара и счищали уже грязное месиво.

Все вдруг стало выглядеть серо и буднично. На стенах домов пробились мокрые пятна. Деревья потемнели, снег стал грязным.

Ирина Андреевна шла из школы домой по безлюдному в этот час бульвару. Слева и справа мчались в разные стороны машины, разбрасывая грязные брызги. Только на бульваре чисто и спокойно.

Ирина Андреевна шла медленно. Ей хотелось отдохнуть после трудного рабочего дня, подышать свежим воздухом. На душе было тоскливо. Устала, измучилась. Работа в школе выматывает все силы. А сегодня — она не может этого забыть — произошла очень тяжелая история.

Несколько дней она требовала от Игоря Гусакова, чтобы в школу пришла его мать. Игорь скверно учится, плохо ведет себя. Он говорил ей, что мать больна, но Ирина Андреевна не поверила и настаивала на своем, потому что Игорь часто лгал. Сегодня Гусакова пришла в школу. Оказывается, она действительно больна, только недавно вышла из больницы после операции. Надо бы ей, Ирине Андреевне, прийти домой к этой женщине. А она заставила больную ходить.

Какое счастье, что теперь организованы интернаты и можно таких, как Игорь, устроить туда! Отца у Игоря нет, а мать с ним не может справиться. Завтра же Ирина Андреевна займется устройством Игоря.

Она хочет отвлечься, вспомнить что-нибудь хорошее, чтоб развеять давящую тоску. Но ее мысль тут же, как только она перестает думать о Гусаковой, возвращается к Наташе.

Все это время — а прошел уже месяц после ссоры с Наташей — она непрерывно думает об одном и том же. Горькие мысли не покидают ее совсем. Она ведет урок в классе и не забывает о своей боли. Даже во сне, подсознательно ее это мучает.

В последнее время сильно болит сердце. Вот и сейчас. Опять появилась эта боль под левой лопаткой. Как будто сидит там большой гвоздь и прокалывает насквозь от лопатки к сердцу.

Ирина Андреевна продолжала идти. Но вдруг сильно зажгло в груди, и острая, резкая боль в сердце заставила ее остановиться. Она сделала два шага в сторону и прислонилась к дереву.

Боль не утихала, наоборот, она разлилась по всей левой стороне. Больные нити протянулись к шее, к уху, к щеке. Острая боль отдавала под мышку и даже в левую ногу.

Ирине Андреевне вдруг стало страшно. Она не думала о смерти, нет. Ее охватил непонятный, независимый от сознания и воли страх.

Неподалеку была скамейка. Ирина Андреевна тихонько, шаг за шагом, дошла до нее и села. «Хорошо,— думает она. — Теперь отдохну и потом пойду домой. Как жалко, что нет с собой ни валидола, ни нитроглицерина!»

Сердце беспокоит Ирину Андреевну уже давно. Она знает, что у нее стенокардия. Врачи предупреждали, что надо носить в сумочке лекарство. Но где там! Когда начинает болеть сердце, тут только она и вспоминает.

Откинувшись на спинку скамейки, Ирина Андреевна сидела, закрыв глаза. Боль в сердце приутихла, стала тупее. Но заболела голова. Как будто ее стянули тугим металлическим обручем. «Вероятно, перемена погоды так повлияла на меня»,— подумала Ирина Андреевна.

Как бы в подтверждение этой мысли с неба начали падать мягкие, пухлые снежинки, сначала редкие, потом все чаще, чаще, и, наконец, повалились сплошные белые хлопья.

Потемневший за день снег снова забелел. Липкие, пухлые снежинки одели голые от листьев ветки и широкие лапы елей. Снежинки оседали даже на шершавой коре стволов.

Ирина Андреевна боялась не только подняться, но даже пошевелиться. Инстинкт подсказывал, что надо какое-то время пробыть в неподвижности.

А снег все падал и падал.

Черная меховая шапочка и черный воротник шубы стали белыми, а Ирина Андреевна все так же неподвижно сидит на скамейке. Редкие прохожие смотрят на нее — не подойти ли? Либо женщине худо, либо она уснула.

Ирина Андреевна вдруг услышала, что кто-то около нее остановился. Она открыла глаза. Перед ней стоял ее ученик Коля Сомов.

— Ирина Андреевна, почему вы так сидите? — спросил он.

— Мне нездоровится. Коля, у тебя есть карандаш? Запиши телефон и позвони из автомата мужу. Пусть сейчас же приедет за мной. Он тут близко, на Ленинградском. Ты только не пугай его. Спокойно скажи.

Хорошо, что так получилось. Сейчас приедет Антон, увезет ее домой. Денька два полежит — и все в порядке. Не вздумал бы он только вызывать неотложку. Попадет в больницу, а там продержат дней десять.

Нарушая все правила движения, Антон Иванович подъезжает на машине прямо к скамейке. Если Ирина Андреевна вызвала его сюда, значит, ей очень плохо. Не такой это человек, чтобы напрасно беспокоить его.

Ирина Андреевна сидит, откинувшись на спинку скамейки. Бледная, с посиневшими губами.

— Ты можешь встать? — спрашивает он ее, а сам стряхивает снег с шапочки, нагибается и целует щеку.

— Да, да. Могу. Только не в больницу. Мне совсем хорошо.

Теперь, когда Антон Иванович здесь и она понимает, что все будет сделано так, как нужно, из глаз полились неудержимые слезы.

— Ну, что ты, миленькая, ну не волнуйся! — как ребенка утешает Антон Иванович.

Он усаживает ее рядом с шофером, и через пять минут они поднимаются на лифте в свою квартиру. Антон Иванович укладывает ее в кровать. Теперь все хорошо. Ну чего так испугалась бабушка? Села на стул и ни с места. Как будто ноги у нее отнялись. Напрасно она волнуется, все обойдется. Хорошо, что нет Наташи. А то тоже перепугалась бы!

Зачем Антон вызывает неотложную помощь? Не надо! Но когда врач сделал укол, Ирине Андреевне стало действительно хорошо. Спать, спать! Она закрыла глаза и поплыла куда-то от всей этой суматохи, непонятного страха, от горьких, беспокойных мыслей.

* * *

Антон Иванович тихо закрыл дверь комнаты, где заснула жена, и прошел в кухню. Екатерина Павловна, вытирая глаза, спросила:

— Дать обед?

— Нет, не хочу. Бабушка, вы не волнуйтесь. Врач сказал, что, вероятно, сильный приступ стенокардии. Завтра сделают электрокардиограмму, и все будет ясно. Устала она, переутомилась.

Екатерина Павловна, всхлипывая и непрерывно вытирая слезы, сказала:

— Не от одной усталости это. Как говорится, сердце печаль изнуряет. Расстроилась она очень из-за Наташи.

— А что такое? — удивился Антон Иванович.

— Она не велела мне говорить, да теперь уж все равно. Наташа намекнула ей, что вроде она неродная.

— Как неродная? Какой мерзавец мог это сказать?!

— Не шуми ты, потише! Я думаю, что от Ваниных идет. Больше некому. Динара мне прямо сказала, дескать, сирота Наташа.

Антон Иванович весь побагровел.

— Да я ее, гадину!..

— Не кричи, потише! — повторила Екатерина Павловна.— Что ты с ней сделаешь? Из партии исключишь? Таких туда никогда не брали. Из профсоюза выгонишь? Эта паразитка там сроду не состояла. В суд подашь? Сраму не оберешься. Она тебя запачкает так, что не сразу отмоешься. Лучше сами расскажите Наташеньке, и все, бог даст, обойдется.

Антон Иванович сидел убитый. Это он виноват. Болван, расчувствовался когда-то с Федором и рассказал о Наташе. А тот проболтался своей жене. И вот результат.

С Федором у него разговор впереди. Он никогда не простит ему этой подлости и найдет способ привлечь его к моральной ответственности. Но главное сейчас — объясниться с Наташей.

Наташа вбежала в квартиру с испуганными глазами.

— Что с мамочкой? — вскрикнула она.

Внизу лифтерша ей сказала, что мать привезли «чуть живую».

— Ничего, успокойся!

Антон Иванович обнял ее. Наташа зарыдала, прижалась к нему и сквозь рыдания все спрашивала:

— Что, что с ней? Ты скажи, не скрывай.

— Сердечный приступ. Ну, это бывает у людей и проходит.

Но Наташа не может никак успокоиться. Она все продолжала плакать.

ВОКРУГ НАС

«Не расстрелять, не зачернить...»

Тридцать пять лет тому назад в Пятигорске открылся Первый краевой съезд горянок. В президиуме съезда в качестве почетных гостей присутствовали товарищи А. И. Микоян и С. М. Буденный.

Поэт и художник Николай Кузьмич Щуклин, лечившийся в то время в санатории Пятигорска, в подарок съезду создал масляными красками портрет Владимира Ильича Ленина на скальной поверхности отрога горы Машук.

Далось это автору нелегко. Отвесная скала сильно затрудняла работу. Но к 23 июля 1925 года портрет размером 5×3 метра был готов.

Н. К. Щуклин прочел свои стихи, начертанные на скале под изображением Ленина. Они заканчивались так:

Неправда, что умер Ленин.
Ильич никогда не умрет.
Он в городах и селеньях,
В каждом рабочем живет.

В годы Отечественной войны, когда гитлеровцы заняли Пятигорск, они закрасили портрет черной краской. Но прошли дожди, и черный непрочный слой был смыт. Тогда оккупанты решили соскрести со скалы портрет Ленина. Но и эта попытка оказалась тщетной. Масляная краска за десятилетия прочно въелась в пористый камень. Взбешенные фашисты попытались уничтожить портрет из орудия прямой наводкой, но повредили лишь часть изображения. Надумали взорвать скалу целиком, но не успели осуществить этот дикий замысел.

В 1944 году, после освобождения, Пятигорский горсовет разыскал художника Щуклина, и он взялся за реставрацию, которая вскоре была успешно завершена.

Прошло шестнадцать лет. В связи с празднованием 90-летия со дня рождения Владимира Ильича Пятигорский горсовет пригласил Н. К. Щуклина теперь уже для капитального реставрации и обновления портрета.

На этот раз работа длилась более месяца. Ежедневно с утра и до вечера трудился художник вместе со своим помощником участником Отечественной войны А. Т. Лапченко.

Когда все было закончено, у подножия Машука собрались на митинг жители Пятигорска и окрестностей. Было снято покрывало, и советские люди увидели на скале дорогой образ вождя на фоне красного знамени.

Н. К. Щуклин написал на скале новый текст, начинающийся такими строчками:

Портрет Вождя враги пытались
И расстрелять и зачернить.
Они в невежестве не знали,
Что Ленин будет вечно жить,
Что держит Ленинское знамя
Над миром
Партии рука,
Что Ленин жив, что Ленин с нами
Идет в грядущие века.

Н. ДУНАЕВА

Пятигорск.

Портрет В. И. Ленина на скале.

Мемориальная доска.

Новорожденную назвали Тамарой

Тревожные радиограммы летели в Баренцбург с рудника «Пирамида»: «Роженица Роговастова тяжелом состоянии. Срочно требуется хирургическое вмешательство». К радиоключу вызвали хирурга Тамару Гордеевну Добриян.

Нужно срочно выезжать на помощь.

В десять часов утра из Баренцбурга вышел вездеход.

На вершинах утесов висели большие снежные карнизы Они часто низвергались вниз, захватывая с собой огромные валуны, готовые накрыть людей, передвигающихся возле каменной стены. Шофер Л. Калинин держал дверцу кабины открытой, чтобы при малейшем риске можно было выскочить.

Переменчива погода на Шпицбергене. Вездеход шел по долине Адвентдаль, когда свежий ветер своим суровым дыханием напомнил о соседстве Ледовитого океана, и через полчаса снежная вьюга заметалась по ущельям.

До «Пирамиды» оставалось еще около шестидесяти километров, когда вездеход вошел в залив Билен-фиорд. По льду его ехать рискованно. Но это единственный путь. Вперед пустили разведчиков на лыжах. Время от времени они пробуривали лед, измеряли его толщину, по следу лыжников ползла машина.

Вдруг откуда-то сверху раздался гул, похожий на звук летящего самолета.

— Обвал!

Люди попятились назад. И спустя мгновение впереди, метрах в пятидесяти, с грохотом пронеслась лавина снега, льда, камня.

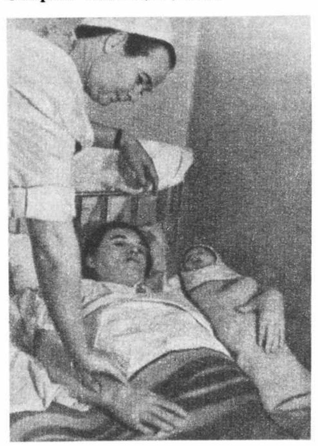
Наконец за очередной грядой показалась машина, вышедшая навстречу из «Пирамиды». Тамару Гордеевну закутали в тулуп, помчали на рудник. И вот врач в операционной...

К полуночи операция закончилась. Первым подтвердил, что все обошлось благополучно, крик новорожденной девочки...

Родители новорожденной Антонина и Алексей Роговастовы назвали дочурку в честь ее спасительницы, доктора Добриян, Тамарой.

Николай ЗАЙЦЕВ

Рудник «Пирамида», остров Шпицберген.

Тамара Гордеевна Добриян у постели А. Роговастовой.

Фото автора.

АФРИКАНКИ В СИБИРИ

«Выходцы из Африки привыкли к климату Омска»,— говорят о своих подопечных-цесарках работники лаборатории птицеводства Сибирского научно-исследовательского института сельского хозяйства.

В Омской области будет создан первый в Сибири совхоз по выращиванию цесарок.

На снимке: трехнедельные цыплята в вольере.

Фото В. Липовского (Фотохроника ТАСС).

Переписка продолжается

Художественному руководителю Малоярославского районного Дома культуры Александру Николаевичу Пожарскому было присвоено звание заслуженного артиста Российской Федерации. Его творческой работе была посвящена заметка в журнале «Огонек» № 39 за 1959 год. В адрес Пожарского пришли сотни поздравительных писем, телеграмм.

Одно из них — из румынского города Сибиу. Писал Геннадий Поп, служащий промышленного предприятия. Он поздравлял Пожарского с высокой наградой, а затем рассказал о том, что очень любит русскую музыку и русские народные инструменты. На своем предприятии Г. Поп создал оркестр русских народных инструментов. Этот музыкальный коллектив завоевал симпатии рабочих, жителей города. Но вот беда, очень трудно найти ноты русских народных песен.

Александр Николаевич не замедлил с ответом; кроме письма, он отправил толстую бандероль, в которой были ноты русских песен.

Так началась переписка. В свою очередь, Поп прислал ноты румынских произведений Пожарскому. И сейчас на концертах малоярославского оркестра русских народных инструментов звучит румынская музыка, а в румынском городе Сибиу — русская.

Переписка двух музыкантов продолжается.

В. БЕСПАЛОВ

Малоярославец.

Оркестр русских народных инструментов в румынском городе Сибиу.

— Наташа! Мне надо с тобой поговорить откровенно,— сказал серьезно и сухо Антон Иванович.

Наташа вдруг вспыхнула и сразу перестала плакать. Она догадалась, о чем будет речь.

— Мне бабушка сказала, что у вас с матерью был разговор, который разволновал ее. Было это?

Наташа сидит с опущенными глазами и не отвечает.

— Наташа! Я тебя спрашиваю.

— Да, был.

— Расскажи, какой.

Наташа опять молчит.

— Дочка! Я не могу так разговаривать. Почему ты не отвечаешь? Или у тебя не хватает мужества сказать мне откровенно?

— Скажу,— тихо проговорила Наташа. Она подняла опущенные глаза, посмотрела прямо на отца и спросила: — Правда, что я не ваша дочь?

— Нет, неправда,— твердо ответил Антон Иванович.— Ты наша любимая, дорогая, одна-единственная дочь. Но родила тебя не Ирина Андреевна. Слушай, я расскажу тебе все. Это лучше сделала бы твоя мать, но приходится мне рассказывать. Выслушай, а потом можешь сама решить, чья ты дочь и кто твои родители.

* * *

Ирина Андреевна долго не могла понять, где она и что с ней. Еще действовало наркотическое средство, которое ввели ей с уколом. Она находилась в странном, полубредовом состоянии. Ей казалось, что она лежит где-то в большом вестибюле с колоннами. Но странно! Вещи стоят ее, давно знакомые. Вот шкаф, вот кровать Антона Ивановича.

Где она, что с ней? Сознание медленно, постепенно восстанавливало события дня. И как только она поняла, что больна и лежит у себя дома, исчез вестибюль и она увидела свою, давно знакомую комнату.

Как некстати эта болезнь! Антон, наверное, волнуется. А Наташа? Где она? При воспоминании о дочери вдруг снова заныло сердце. Опять этот проклятый, мучительный вопрос! Лучше закрыть глаза, лежать неподвижно и ни о чем не думать.

Кто-то тихонько приоткрыл дверь и тут же закрыл ее. Ирина Андреевна поняла: кто-то прислушивается, не зовет ли она. Никого ей не надо! Не может, не в силах она говорить.

Когда через час она снова проснулась, ей сразу захотелось увидеть и мужа, и мать, и Наташу.

— Антоша! — позвала она. И хоть сказала совсем тихо, в сердце отдалось больно.

Тут же вошел Антон Иванович.

— Ну как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— Хорошо,— еле шевеля губами, сказала она.

Антон Иванович посмотрел на бледное лицо жены и бескровные губы. Нечего сказать, хорошо! Тяжело ты заболела, моя любимая, родная!

— Можно войти Наташе? Она давно ждет,— спросил он.

— Ну, конечно!

Наташа давно стояла около двери. Стоило Антону Ивановичу повернуть голову в ее сторону, как она вошла. Увидав изменившееся лицо матери, она сразу заплакала и опустилась на колени около кровати.

— Мамочка! Родная! Золотко мое! Я так испугалась!

— Наташа! — строго сказал Антон Иванович, положив руку на плечо дочери.— Так нельзя. Ты не волнуй маму. Вот смотри, и она плачет.

Слезы катились по щекам Ирины Андреевны и таяли на подушке. У нее совсем не было сил пошевелиться. Антон Иванович взял платок и стал нежно вытирать лицо жены.

— Ну я прошу тебя, не волнуйся! Ничего страшного нет, полежишь несколько дней и выздоровеешь.

Помолчав минутку, он сказал спокойно:

— Мы тут, пока ты спала, поговорили откровенно с Наташей.

Наташа его перебила:

— Папка! Я сама все скажу. Мамочка! Хорошая моя! Я все знаю и люблю тебя крепко-крепко, на всю жизнь. И ты сейчас совсем, совсем не думай об этом. Ты выздоровеешь, я получу аттестат, и мы поедем с тобой вдвоем в Ленинград. Ляжем валетиком, и я буду кушать гренки. Ладно? И ты мне все, все расскажешь сама. О войне расскажешь, о разрушенном Ленинграде, о том, какая я была тогда маленькая. И ты мне покажешь этот дом на канале Грибоедова. Ладно? А я тебе, мамуся, расскажу свой секрет.

На ухо матери Наташа шепнула:

— О Жене.

Случись Ирине Андреевне начать жизнь с того дня, когда она приехала в освобожденный Ленинград, она повторила бы все сначала. Пускай были заботы, хлопоты, огорчения. Они забудутся. Но радость и счастье, которые выпали на ее долю, останутся с ней.

В. ПЕСКОВ Фото автора.

Вы не скажете, что это деревня. Перед вами скорее роща, зеленый остров среди полей. Весь равнинный Вьетнам состоит из рисовых полей и таких островов, которые с первого взгляда не примешь за деревню: ни одного домика на виду. На этих островах живет земледельческий Вьетнам.

Пойдемте по стежке к деревне. Буйвол? Не бойтесь страшных рогов. Это на редкость кроткое и смирное существо. Шестилетний малыш лихо хватает серого великана за рога, воротит в сторону, чтобы гости прошли по стежке.

Справа, слева, впереди вода, и в воде рис. От посадки до уборки этот любитель влаги пьет воду, солнце пьет воду. Чтобы не убывала вода, мерно, как маятник, качаются на веревках плетеные ведра. С уступа на уступ люди с потными спинами льют воду. С утра до вечера падают на землю соленые капли пота. Есть во Вьетнаме поверье, что рис не растет без них.

Старый крестьянин остановился передохнуть.

— Деревня Зап?

Старик радостно кивает: «Зап! Зап!»

Нет, с любого конца вы не войдете в деревню. Вас не пустит бамбук. Сцепившись ветками, плотной стеной стоят упругие стебли, колючие внизу и кружевные над головой. Рассказывают, французские атаки захлебывались перед этой стеной из бамбука. Там, где дорога, зеленый вал расступается, и вы видите деревню.

Ясное дело, вы сразу уставитесь на диковинки, а уж потом заметите таких же, как в наших деревенских дворах, петухов, уток, голубей на крыше и черную свинью у плетня. Вы остановитесь у кокосовой пальмы, поднимете голову и будете гадать, на чем же держится связка волейбольных мячей под лапчатыми листьями. Гостеприимный хозяин незаметно кивнет сынишке, а тот обезьянкой шмыгнет по стволу... Смущаться поздно. Придется достать перочинный ножик и сделать дырку в волейбольном мяче... Пейте, пейте! Сладковатое молоко кокосовых орехов хорошо утоляет жажду.

Банановые кущи — возле каждого дома. И пруды площадью с большую комнату тоже почти в каждом дворе. Сверху вода усеяна шариками каких-то водорослей — отличный корм для свиней. А в воде—домашний «рыбзавод». Если зайдете в дом, хозяин мигнет все тому же мальчишке, и пока вы будете отвечать на вежливые вопросы о здоровье ваших родственников, на сковородке запрыгает «домашняя» рыба.

Посреди деревни Зап — бетонная, треснувшая по центру голова дота. Чан Ты, к которому мы пришли в гости, хорошо помнит, как строили дот, хотя ему было тогда всего тринадцать. Он помнит, как умирал отец, и отчего умирал, тоже хорошо помнит. В доме не было ни чашки риса... Грохот машины на площади вывел отца из забытья. Он приподнял голову и глянул в окошко.

— Строят... В землю прячутся... Гляди, сын, где у них входы и выходы: тебе их выкуривать...

Гроб отцу сделали из старой двери, а схоронили на пустынной горе. По обычаю, надо было схоронить отца на рисовом поле. Но не было своей земли у семьи Чан. Ни клочка...

Чан Ты ведет меня к бамбуковым зарослям, раздвигает колючки и показывает дыру в земле.

— Французы строили дот, а мы вот что строили. Тут вход, а под всей деревней тоннели... Да, жестокая была война. Днем они хозяйничали, ночью—мы, партизаны. Снимали часовых, взрывали машины, уносили оружие. Только под каменной крышей дота спали враги спокойно. Но мы и сюда добрались под землей, заложили взрывчатку... Что же рассказывать, вы ведь знаете о войне!.. Да, у меня орден. И вся деревня награждена орденом первой степени.

* * *

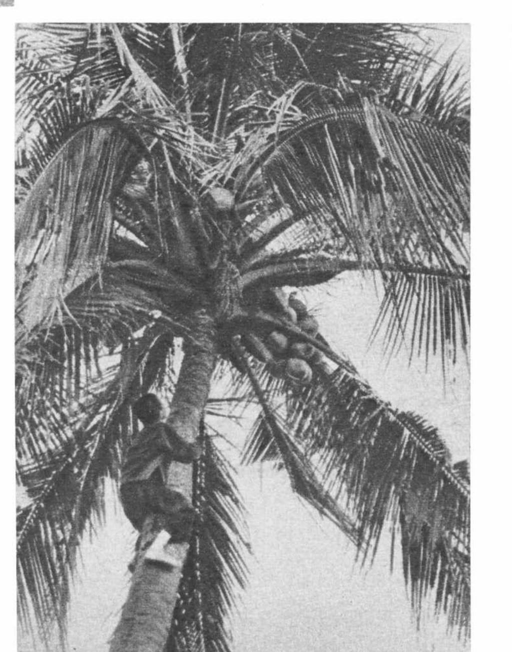
В комнате Чан Ты гамак из веревок. В нем качается трехлетний сынишка. Жена щиплет лучшего петуха в честь московского гостя. Пришли соседи. Тянут дым из круглой курильницы, вежливо расспрашивают... Булькает вода в курильнице, синие кольца уходят

Семья возвращается домой.

КРАСНЫЙ ВЕЛОСИПЕД ЧАН ТЫ

Каждую деревню укрывают от солнца кокосовые пальмы.

Это рыба-банан. Ее ловят в маленьком пруду около дома или прямо на рисовых полях.

под плетеную крышу. Кто-то из ребятишек трогает звонок велосипеда. Дядюшка Тынь строго поднимает палец: «Разве балуются дорогой вещью?»

Давно мечтал Чан Ты об этой покупке. Еще когда партизанил, мирная жизнь представлялась ему девушкой в розовом платье и непременно с велосипедом. Они едут вместе по красной от глины дороге, мимо пальм едут, мимо канала. Спугивают цапель у озера. Они едут к морю. Это ведь совсем рядом. Каждый вечер можно ездить купаться. И в хозяйстве велосипед — очень нужная вещь.

...Делили помещичью пашню. Шагами и метрами мерили каждый клочок.

— Видел бы твой отец! — сказал дядя Тынь.— Своя земля!

Но Чан Ты от земли отказался. Другую дорогу выбрал молодой парень: открыл в деревне лавку. Его не перестали любить односельчане. Правда, на пашню не ходит Чан Ты, но и торговля всегда считалась в селе делом почетным и честным. Да и чем торгует Чан Ты! Циновки, корзины, соль, спички, мотыги. Доходы? Едва ли большие доходы у парня. Разве для желанной покупки отложит лишнее хао. Вся деревня знала, о чем мечтает Чан Ты.

И он купил велосипед. Не новый, правда, зато крепкий. Жене понравилась покупка: живее пошла торговля. Теперь не надо с коромыслом ходить на базары, мерить ногами длинные километры.

Однажды Чан Ты ехал с базара. Он накупил подарков и свернул на тропинку, чтобы повидать наконец старого друга Тханя, с которым вместе когда-то мечтали о мирной жизни. Обнялись. Пожевали бетель по старой привычке.

— Купил-таки! — сказал Тхань и потрогал спицы шершавой ладонью.

На меже пасся буйвол, рядом лежала выбеленная землею соха...

— Скажи, Чан Ты,— спросил Тхань,— что будет, если все молодые и сильные парни бросят землю и станут торговать?

Долго ли сидели молча, Чан Ты не помнит. Не пошевельнулся Чан Ты, когда буйвол поддел рогом велосипед, мешавший щипать траву... Потом опять долго говорили.

Чан Ты не поехал домой в тот вечер. Он вернулся в город. А через день он шел к дому пешком и вел на веревке большого упрямого буйвола...

* * *

Их поля были рядом. Дядюшка Лат часто бросал свою соху и садился на межу. Эх, если бы вы видели дядюшку Лата в те дни, вы бы подумали, что ему достался бесплатный билет на веселое представление!

— Что делает парень?! — Дядюшка Лат хватался за бока, искал глазами, с кем бы посмеяться.

— Что делает парень! — шептались в деревне.— Быть без риса семье Чан Ты! Кто же бросает семена в горячую воду!.. А как сажает! Если не знает, пусть стариков спросит!.. Глядите! Гнилую траву носит на поле и соль какую-то сыплет!

Смеялись и шептались в деревне. Более сдержанные приходили глянуть на поле потихоньку, когда отлучался хозяин. А отлучался Чан Ты очень часто.

— Смеются? — говорил ему агроном.— Хорошо, чем больше смеются, тем лучше. Всходы как?

Три десятка парней мусолят карандаши — пишут, пишут... Капли пота падают в мятые тетрадки. Чан Ты особенно трудно: всего год учился. Зато не стесняется спрашивать Чан Ты. Агроном сажает его рядом и долго рассказывает.

— Когда убирать будешь, позови всех. Дядюшку Лата тоже. При всех взвесь его урожай и свой рис. Ваш урожай — это школа для каждой деревни.

Тридцать парней прятали в карманы тетрадки и расходились.

— И что же показал урожай? — Я отыскиваю за столом лукавые глаза дядюшки Лата. Он улыбается, кивает в сторону Чан Ты, потом что-то долго и горячо говорит переводчику.

— Хорошая голова у Чан Ты, хорошее у Чан Ты сердце,— говорит дядюшка Лат.— Всю деревню научил работать по-новому. Сколько риса собрали? Я пятьдесят килограммов с шао, он — сто двадцать. Отучил меня, старого, смеяться!

Если долго рассказывать, вы узнали бы, как ходил Чан Ты по домам, побывал почти на каждом поле, как терпеливо рассказывал все, что записано было в тетрадке. Одному бы не справиться, потому что все захотели узнать. Сельские парни решили помочь Чан Ты. Целой бригадой ходили.

Осенью новая забота явилась в село. Приятная забота. Новые мешки понадобились. В два раза больше мешков запросил урожай.

Но я не все рассказал о Чан Ты. Главного не сказал. Не сказал, как чуть не сделался Чан Ты врагом всей деревне, даже жена сказала, что он с ума спятил. И как потом... Вы узнаете, наконец, почему стоит у Чан Ты красный велосипед.

* * *

Жене он первой сказал об этом. Она заявила, что к брату уйдет, если Чан Ты решится... Дядюшка Лат, снимавший теперь шляпу при встречах с Чан Ты, сказал, что очень уважает его, но какой же дурак отдаст землю, если столько за нее пролито крови. Дядюшка Тьен и дядюшка Тхунг сказали то же самое.

— Только бы жить: своя земля! Помнишь, как мечтал о ней отец?.. — сказал самый мудрый в деревне, дядюшка Нги.

Новости в селе расходятся быстро. Вчера еще каждый выходил навстречу, чтобы пожать руку Чан Ты. Сегодня в сторону глядят, потому что знают, заведет Чан Ты разговор неприятный. Только парни из союза молодежи сходились у дома Чан Ты, спорили, горячились... Решили собрать людей на площади, где висит барабан.

Первым говорил секретарь партячейки. Потом к барабану подошел Чан Ты и начал спрашивать. Он спросил: что такое засуха? Хватает ли воды на полях? Плохо ли жить в кирпичном доме?

Склонив темные головы, крестьяне не глядели на барабан. Чан Ты сам стал отвечать. Он сказал, что ни дядюшка Нги, ни дядюшка Лат, ни он сам не могут построить большой канал, чтобы сразу прикончить засуху. А если вместе взяться, будет канал! Кто сможет построить кирпичный завод? А вместе — летом будет. Чан Ты сказал еще о железных буйволах, о насосах, которые заменят руки, о новых колодцах...

Никто в тот день не захотел подойти к барабану. Разошлись молча. И только в домах разгорелись страсти: повторяли незнакомое, пугающее слово «кооператив».

Месяц не утихали споры в бамбуковых хижинах. А когда остыли и поразмыслили, крестьяне собрались к барабану. На этот раз говорили много и долго... Вечером старик Хуан Ван Чи первым привел на площадь своего буйвола. За ним еще сорок дворов вступили в кооператив.

Все это было совсем недавно, полтора года назад. Теперь уже в нем триста дворов. Это как раз половина села.

В кооперативе в первый год плату получали не только за труд, но и за землю. Больше земли внес — больше и получай, за буйвола тоже была прибавка. За год крепко сдружившиеся люди отказались от привилегий за землю. Плата только за труд.

Вечером бригадир говорит, сколько очков записано каждому. Председателю тоже записывают... Да, я совсем забыл. Три месяца назад выбирали нового председателя. «Нет среди нас более подходящего человека, чем Чан Ты,— сказал старик Нги на собрании.— Молод Чан Ты? Да, он ровно в три раза моложе меня. Но он оказался в три раза мудрее».

Чан Ты со всеми наравне пашет землю, поливает рис, ловит рыбу. И ему в конце дня бригадир пишет очки. Много председательских дел у Чан Ты. Поэтому в конце месяца ему добавляется столько очков, чтобы он поравнялся с самым трудолюбивым... Семнадцать месяцев кооперативу. Канал, вырытый общими силами, напоил землю: густой и высокий рис растет на общем поле. Проложена новая дорога к селу, первый доход получен от рыбы, первые пятьсот двадцать донгов дали шелковичные черви. Дымит кирпичный заводик. Сложены очаги из первых кирпичей. А дядюшка Тхунг с сыном успели построить кирпичный дом. Семья Фан тоже строит. И сам председатель привез кирпич.

— Еще два урожая — и мало кто захочет работать в одиночку,— сказал Чан Ты.

Он вышел за околицу, чтобы проводить гостя. Теперь на солнце я могу разглядеть его веселое смуглое лицо, его черные глаза с искрами.

— Ты в партии, Чан Ты?

— Нет еще... Я член союза молодежи... Это как у вас комсомольцы...

Чан Ты идет легкой походкой. Чтобы сделать приятное гостю, насвистывает нашу «Катюшу». Правой рукой он держит велосипед.

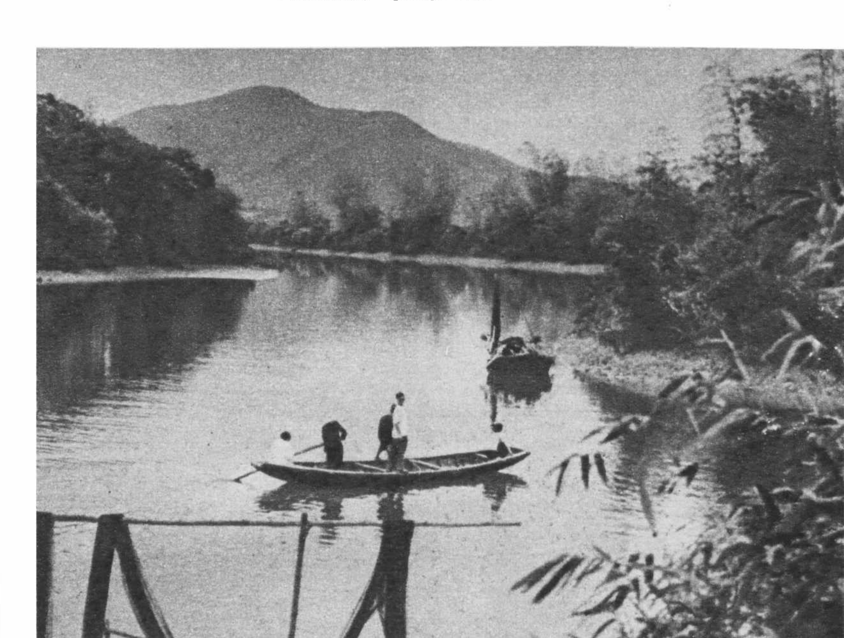
— Да, это моя слабость. К морю, правда, ездить некогда, но когда выбрали председателем, сразу купил. Очень много дел, много ездить надо.

Так орошаются во Вьетнаме рисовые поля.

Нужно много строить. Крестьяне сообща распиливают бревна для новых домов.

Речка за деревней — второе поле. Тут собирают урожай рыбы, крабов, ракушек.

Алексей **ИОНОВ**

Фото Я. РЮМКИНА.

Дрогнули недра, по лаве прокатился неистовый грохот, вихрь сорвал с шахтеров каски. Еще некоторое время слышался глухой и грозный гул, лаву заволокло угольной пылью.

— Беда, ребята! — с тревогой сказал видавший виды старый забойщик.— Не иначе, завалилась лава.

Шахтер не ошибся: на соседнем участке «Толстый запад» действительно случилось несчастье: на протяжении всей линии забоя, сверху донизу, внезапно рухнули толщи горной породы, и все девять рабочих-лесогонов, что раскладывали в это время по лаве крепежный лес, были замурованы. Что сталось с ними, точно не знал никто.

Сигнал бедствия передали из шахты на поверхность, и через несколько минут примчался взвод горноспасателей. Главный инженер и командир взвода, склонившись над планом шахты, решали, как быстрее пробиться к пострадавшим.

Чтобы достичь лавы, надо спуститься на сотни метров в глубь земли, пройти два с половиной километра по горным выработкам. Командир отделения горноспасателей Алексей Солодовников пошел вперед, бойцы прокладывали вслед за ним шахтофон — гибкий кабель, применяемый при спасательных операциях для связи.

Движение пород на участке еще не прекратилось: слышались глухие удары, подземная исполинская сила крушила древесную крепь. Недра, казалось, гневались на людей, в трещинах породы что-то всхлипывало и сипело. Прислушиваясь к этим тревожным звукам, спасатели настораживались, стараясь понять, что происходит там, в глубине лавы, за рухнувшими массивами горной породы.

Кто-то из молодых шахтеров, ухватившись руками за каменные глыбы и подсвечивая аккумуляторной лампой, заглянул в узкое, черневшее в хрящеватой породе отверстие, надеясь, вероятно, проникнуть через него в лаву. Но его удержал боец.

— Не лезь туда, малый, пусть лава успокоится.

Боец хорошо знал коварные повадки шахтной кровли, хотя сам он готов был ринуться в эту дыру по первому приказу командира.

— Овчаренко! Синицкий! Беседа! — окликнул кто-то лесогонов по фамилиям. Но недра молчали.

Как же вызволить друзей, попавших в беду? Решили было спешно прорубить по пласту угля узкий ходок, достигнуть хотя бы ближайшего, первого уступа и там посмотреть, обрушилась ли каменная кровля по самый пласт, или же остался хотя бы небольшой просвет, где рабочие могли укрыться.

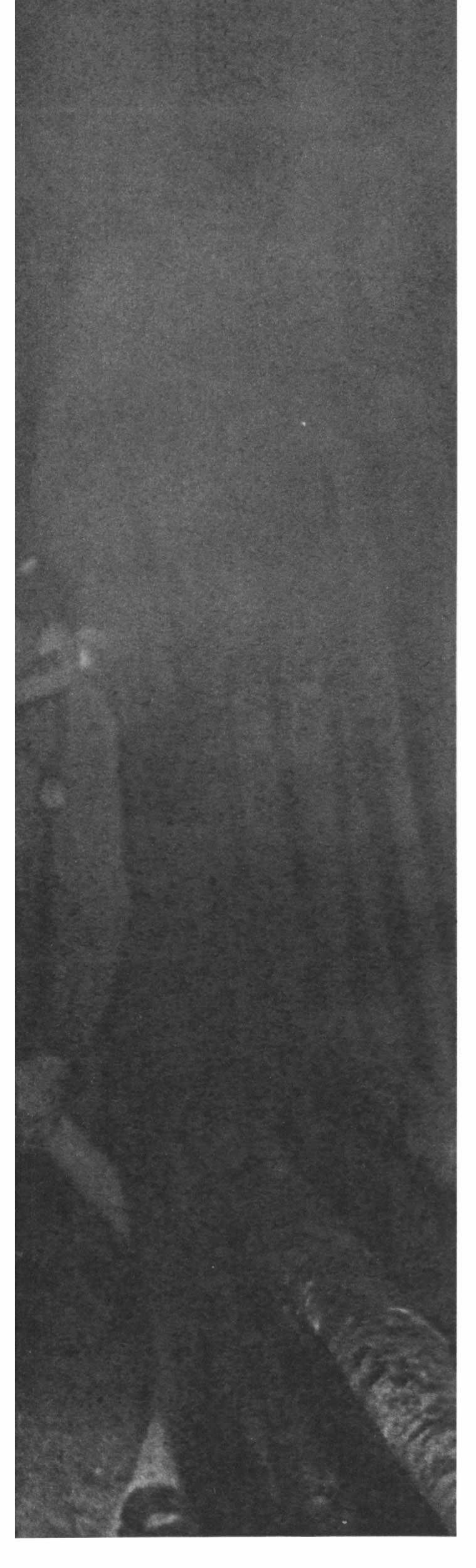
Но тут же этот вариант был отвергнут: когда породы в лаве не отстоялись, в ней рискованно вести какие-либо взрывные работы, выемка же камня вручную потребует слишком много времени.

— Ге-э! Ге-э-э! — снова и снова принимались кричать спасатели. Прислушивались чутко, до звона в ушах. Нет, все бесполезно!

Время шло, а дорога была каждая минута.

Наконец кровля как будто угомонилась, зловещее шипение в породах притихло.

ИЗ КАМЕННОГО П

В шахте, под землей, идет битва горноспасателей с огнем.

— Ну что, товарищи,— озабоченно сказал командир,— будем действовать.— И добавил как бы про себя: — Есть охотник разведать завал?

Устав горноспасательных частей позволяет командиру послать бойца на самое рискованное задание, но на деле ему обычно не приходится повелевать: даже в самый опасный момент найдутся смельчаки, готовые бестрепетно постоять, как говаривали в старину, за други своя.

Разведать опасное место на этот раз вызвался респираторщик Александр Марченко, работающий горноспасателем уже добрых двенадцать лет, а до того прошедший суровую школу войны.

Лампа на каске спасателя ярким лучом осветила нависшие над лазом серые громады глинистого сланца. Спустившись, как в тесную колодку, метра на два в завал, Марченко услышал доносившийся откуда-то издалека слабый стон. Не показалось ли это ему? Он прислушался, потом крикнул:

— Эй! Кто тут?

Как долго длилось молчание!

— Воробье-о-ов...— еле внятно ответили наконец недра.

— А кто еще с тобой? — обрадованно закричал боец.

— Тут, ниже меня, Князев...

— Свет мой видишь?

— Не-эт,— простонал шахтер.

— А как слышишь меня?

— Хорошо. А вы кто?

— Горноспасатели.

— Да-к, братцы, спасайте же скорее!

Нелегко было и Марченко. Породы каждую секунду могли снова прийти в движение и расплющить бойца.

Марченко опустили ведро, и он стал осторожно, на ощупь, по горсточке обирать вокруг себя породу. Товарищи поднимали наполненное камнями ведро, высыпали и опускали обратно.

— Воробьев! Воробьев! — помолчав с минуту, снова окликал спасатель.— Ты, брат, не спи, скоро мы тебя освободим.

— Братцы! Братцы! — доносился приглушенный голос.— Дышать тяжело...

— Ничего, ничего, потерпи, брат,— ободрял Марченко.— Теперь уж скоро. Ниже тебя никого не слышно?

— Был один, кричал, но что-то затих.

Это новое сообщение из каменного плена взбудоражило спасателей: они-то знали, что значит это зловещее «затих».

На шахте имени Артема, где случилась катастрофа, у горноспасателей есть постоянный надежный помощник — забойщик Константин Попеляев. Всякий раз, когда при спасательных работах требуется проявить сметку, хладнокровие, знание «нрава» рухнувших пород, помощь этого прекрасного мастера оказывается просто необходимой. Узнав о беде, он и теперь прибежал на участок «Толстый запад» и время от времени сменял Александра Марченко, лихорадочно продолжая разбирать завал. Помогал ему Иван Лымарь. Работали они в самом невероятном положении: один брал другого за ноги и спускал в отверстие меж камнями. А тот, опущенный вниз головой, точно крот, прорывал в сыпучей породе углубление. В таком положении можно работать лишь несколько минут. Потом его вытаскивали на штрек, и он тотчас опускал в завал своего товарища.

Вскоре забойщик попросил отбойный молоток и стал рубить уголь, искусно срезая выступ пласта, чтобы скорее пробиться к кутку — небольшому пространству, где, вероятно, и нашел убежище застигнутый обвалом Николай Воробьев.

С поверхности шахты то и дело звонили на участок и нетерпеливо спрашивали: «Ну что там? Что?» Во дворе у нарядной стояла в ночном сумраке толпа — жены, дети, матери и отцы тех, кого застигла под землей беда. И как же зашумели и радостно заволновались люди, когда из шахты сообщили, что Воробьев уже видит сквозь каменный завал лучики света и что вот-вот его вызволят из каменного плена! Прошло еще несколько долгих, томительных минут. Наконец обессилевшего и грязного шахтера подняли на штрек. И тут же склонился над ним врач-горноспасатель Василий Николаевич Баюн. Потом шахтера положили на носилки, сделали ему укол, дали кислородную маску и понесли нагора́.

Тем временем спасатели и забойщики, неистово наваливаясь на отбойные молотки, врубались в пласт со стороны откаточного штрека. Нужно было пробиться к нижним уступам и найти тех, кто в момент катастрофы мог находиться в этом месте. Проходку, как выражаются шахтеры, вели вприсечку, то есть по-над самым пластом угля, по кромке. Звук под землей передается по породам на большие расстояния. Если в лаве остался еще кто-то в живых, он, услышав дробь отбойного молотка, сразу догадается: спасатели идут,— и уже легче человеку на душе.

— Лава,— рассказывал позже один из спасенных, молодой рабочий Василий Беседа,— рухнула в один момент. Загремело кругом, как гроза, кровля легла так быстро, что воздухом расшвыряло крепежный лес. Признаться, было страшновато. Мы забрались в кутки, поближе к пласту, сделали перекличку. Собралось пять человек, кроме меня,— лесогоны Константин Слесарчук, Владимир Овчаренко, молодые рабочие Миша Чернявский и Эдуард Щусь. Никто из хлопцев не поддался панике. В лаве продолжало греметь. Посмотрели, не осталось ли лазейки. Нет, обрезало кровлю по самый пласт. Решили экономить энергию — потушили лампы. Только когда гремело совсем близко, включали аккумулятор. Сидим тесно, плечом к плечу. Чтобы отогнать всякие мысли, давай рассказывать анекдоты, а потом — какая у кого была жизнь. А как услышали— работает молоток, не знаю, что и делалось с нами! Молоток стучит —и сердце стучит, он замолчит — и сердца вроде как не слышно.

Горноспасателя Ивана Степановича Лымаря хорошо знают шахтеры: «Отважный он человек, много раз выручал из беды нашего брата...»

Но спасатели, разумеется, ничего этого не знали. Выключая время от времени молоток, они кричали зычно: «Гей! Ге-э-эй!» Старшине взвода Павлу Котикову вдруг почудились отдаленные человеческие голоса. Перекрыли в магистрали воздух, шипение его прекратилось, и вдруг словно сами недра обрели дар речи: за каменными толщами чей-то голос четко повторял:

— Нас двое: Олейник и Синицкий. Нас двое...

Силы спасателей удесятерились: голос из недр был спокоен, стало быть, пленники живы и невредимы.

Виктора Олейника и Владимира Синицкого вывели из подземного заточения после того, как они пробыли там пятнадцать-шестнадцать часов.

Итак, трое из девяти были спасены. Ни на минуту не прекращая работы, горноспасатели все ближе и ближе подвигались к лесогону Константину Князеву. Командир отделения Анатолий Добров, словно археолог, боящийся повредить извлекаемую из земли находку, бережно выбирал куски породы, то и дело ободряя горняка:

— Сейчас я тебя, брат, вызволю. Вот еще немного... Как чувствуешь-то себя?

Шахтер то отвечал, то замолкал, видимо, терял сознание.

Лесогона засыпало породой. Его рука, нога и шея были зажаты между крепежными сосновыми стойками. Чтобы освободить шахтера, стойки эти с трудом и огромным тщанием пришлось выпиливать короткой ножовкой,— операция весьма кропотливая, почти хирургическая.

Наступило утро нового дня. В журнале спасательных работ, где учитывается каждый шаг бойцов, появилась новая запись:

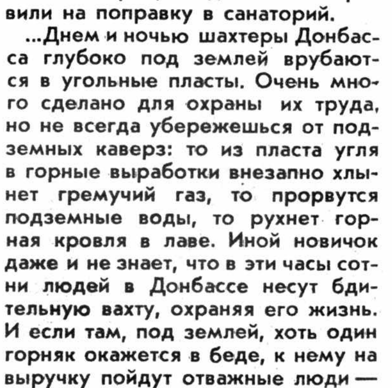
«В 5. 20 люди из кутка 7-го уступа перелезли в куток 6-го уступа. Переговариваются с забойщиками».

До Князева оставалось еще метра два сплошного завала. Разбирать его приходилось с величайшей осторожностью: кто знает, не висит ли над ним многотонный груз превращенной в щебень породы? Тронь ее — и все рухнет, задавит человека насмерть. К счастью, движение пород не возобновлялось.

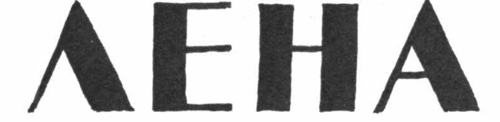
Лишь в первом часу ночи Князева вытащили из каменного хаоса на штрек, к людям, к свету. По шахтофону эту весть тут же передали на поверхность. Толпа, стоявшая всю ночь под сумрачным, неласковым небом, облегченно вздохнула. А вскоре стало известно, что вырваны из каменного плена и пятеро других горняков во главе с бригадиром Василием Беседой.

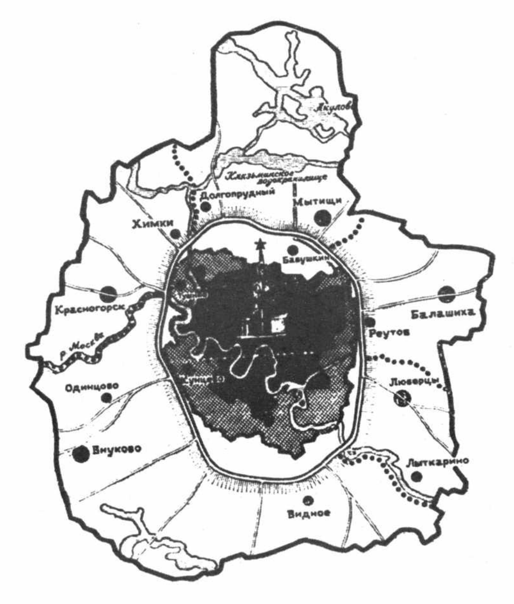
Едва превозмогая смертельную усталость, в мокрых, грязных от угля шахтерках, фибровых касках, с панцирями-респираторами за плечами, горноспасатели тихонько брели в полутьме к рудничному двору. Молча провожали их горняки, родные, друзья спасенных. Да и что скажешь в такую минуту? Кажется, будто любое самое душевное слово перед лицом истинного подвига покажется лишним, никчемным.

Через несколько дней семеро спасенных горняков получили в шахтном комитете профсоюза путевки и выехали на отдых в Кисловодск, Славянск, Сочи. Воробьев и Князев оставались еще некоторое время в больнице. Но настал срок, когда и их отправили на поправку в санаторий.

...Днем и ночью шахтеры Донбасса глубоко под землей врубаются в угольные пласты. Очень много сделано для охраны их труда, но не всегда убережешься от подземных каверз: то из пласта угля в горные выработки внезапно хлынет гремучий газ, то прорвутся подземные воды, то рухнет горная кровля в лаве. Иной новичок даже и не знает, что в эти часы сотни людей в Донбассе несут бдительную вахту, охраняя его жизнь. И если там, под землей, хоть один горняк окажется в беде, к нему на выручку пойдут отважные люди — горноспасатели.

БОЛЬШАЯ

Восьмисотлетняя Москва,— пожалуй, самая молодая из столиц мира: так быстро растет она, молодеет и хорошеет. Да, да, растет в буквальном смысле этого слова!

Последним Указом Президиума Верховного Совета РСФСР городские границы отнесены на много километров, территория города увеличивается до 87,5 тысячи гектаров — почти в два с половиной раза.

Вокруг столицы образован лесопарковый защитный пояс общей площадью примерно 180 тысяч гектаров.

Ниже мы печатаем репортаж нашего корреспондента с новых границ Москвы.

Я. МИЛЕЦКИЙ

Где же она, городская черта!

Давайте проедем по столичному Ленинградскому проспекту, минуем станцию метро «Сокол», где, казалось, совсем недавно был конец Москвы, доедем до развилки, откуда одна широкая асфальтовая лента ведет в Химки, а другая — в сторону Тушино, остановимся и посмотрим вокруг: Москва как Москва. Многоэтажные дома, широченные витрины магазинов, непрерывный поток автомобилей, автобусов, троллейбусов....

И вдруг большой щит с надписью «Тушино». Где же она пролегла здесь, городская черта? Ведь и впереди раскинулся все тот же город, нарядный, красивый. Да, конечно же, это все та же Москва, вышедшая из прежних «берегов», принявшая в объятия младших братьев своих.

А братья эти не так уж малы: каждый впору былому губернскому городу.

Про город Тушино сказано в недавно вышедших справочниках: «От Москвы — 15 километров». Разумеется, теперь это ошибка.

Тушино выросло за последние десятилетия, стало крупным промышленным центром. А что было раньше? Деревушка, имевшая свою историю, но все-таки деревушка. Еще в начале XVII века, во время польско-шведской интервенции, в этих местах, при впадении Сходни в Москву-реку, был расположен лагерь Лжедимитрия II, прозванного «тушинским вором». Это, пожалуй, и вся самая древняя история. А теперь...

Вот они, шлюзы канала имени Москвы, вот они, ангары и посадочные площадки Центрального аэроклуба имени В. П. Чкалова.

Там, где водятся лоси...

Город Бабушкин расположен совсем в другом конце Большой Москвы. Некогда этот дачный поселок назывался Лосиноостровская, и возник он только в 1898 году. Водилось здесь много лосей. Да и сейчас встреча с сохатым тут не редкость.

— Я живу недалеко от леса,— рассказывает районный архитектор города Николай Константинович Габелко,— и лоси порой навещают нас. До чего же хорош наш лес! Вековые сосны, мощные дубы, заросли орешника, рябины и бузины! Но не только этим знаменит нынешний Бабушкин...

В 1911 году в Лосиноостровской было 738 небольших домов дачного типа, из них 105 принадлежали помещику Рихтеру. Было всего два предприятия, если так можно назвать маленькую телеграфную мастерскую, на том самом месте, где сейчас возвышаются корпуса большого завода имени Дзержинского, и фабричонку рыболовных снастей,— на ее месте теперь никотиновый завод. Вот и все. Две небольшие школы и одна аптека с врачом при ней определяли культурный облик поселка.

В 1925 году поселок был переименован в город. А сейчас в нем свыше 112 тысяч жителей, девятнадцать школ, много кинотеатров, среди них один трехзальный, музыкальная школа, уже отпраздновавшая свое сорокалетие, крупные предприятия, целые кварталы многоэтажных жилых домов.

Родина отважных соколов

Бабушкин — город, давший стране прославленных летчиков. Недаром и назван он по имени известного полярного летчика Героя Советского Союза Михаила Сергеевича Бабушкина, который провел здесь детские и юношеские годы. Отсюда же ушла на фронт в годы Отечественной войны Евгения Руднева. Бесстрашный штурман гвардейского авиационного полка, она сделала 645 боевых вылетов и героически погибла в бою с врагом. Ей посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Мы узнаем, что в Бабушкине живет семья Михаила Сергеевича, и решаем навестить ее. Едем по широким улицам и, как всюду в столице, видим множество строящихся зданий. Высокие башенные краны, ставшие чуть ли не эмблемой Москвы, и здесь высоко поднимают в небо свои железные хоботы.

Вот район Медведковских улиц. Первая, вторая, третья Медведковская...

— Почему они так названы? — спрашиваем нашего спутника.

— Вероятно, от села Медведково, что рядом с городом,— отвечает он.— Это — знаменитое село, и оно теперь войдет в городскую черту. Медведково в прошлом — родовая вотчина великого русского полководца Дмитрия Михайловича Пожарского. Там и сейчас еще сохранилась старинная церковь тех времен.

На одной из Медведковских улиц и стоит дом Бабушкиных. Бревенчатый, с небольшим цветущим садом. В нем мы и застали Марию Семеновну Бабушкину, нестарую еще женщину, вдову покойного летчика.

— Михаил Сергеевич,— говорит она,— очень любил цветы... Это он все своими руками посадил. Вот я и ухаживаю за садом, который был так дорог ему.

Мария Семеновна рассказывает о своей семье:

— Сын Миша был летчиком-истребителем. 25 октября 1941 года он сгорел над Москвой...— Голос женщины задрожал.— Его посмертно наградили орденом Ленина. Олег летал на штурмовике. Погиб в Крыму...

Сыновья с честью поддержали летную славу отца.

Разговор наш переключается на городские темы.

— Очень вырос наш город,— говорит Мария Семеновна, провожая нас на улицу.— Не узнать его! Прежде, бывало, шли мы домой вечером по колено в грязи.

Мария Семеновна вернулась в сад, и мы видели, как она склонилась над цветочной клумбой.

Знаете ли вы Кунцево!

Если Бабушкин славен летчиками, то другой город, ставший частью Москвы, Кунцево, известен тем, что его посещали многие великие русские писатели, деятели литературы, науки и искусства. Несколько лет назад Кунцево праздновало свое пятисотлетие.

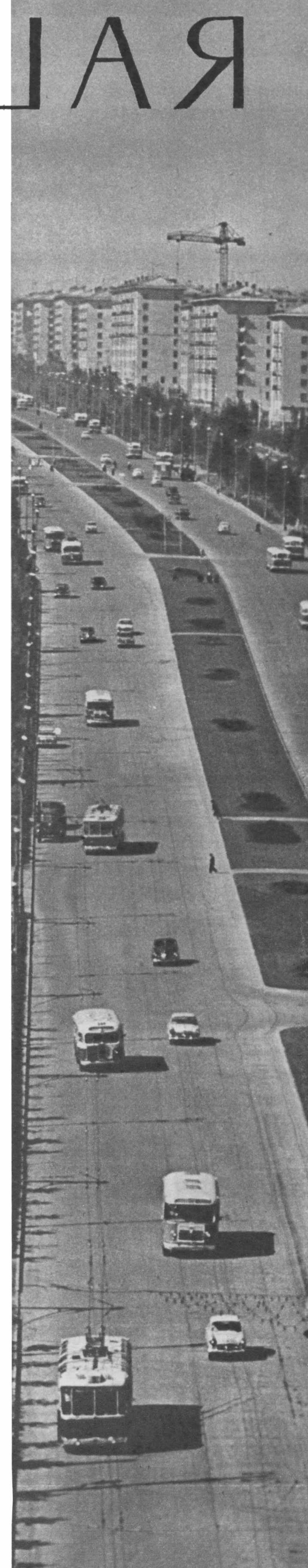
Вот что рассказал нам председатель горисполкома И. Ф. Зотов:

— О прошлом города вы узнаете позднее: ваш провожатый — большой знаток истории. А я вам расскажу о настоящем Кунцева. Его население, по последней переписи, составило 128 тысяч человек. Заметьте, что в 1952 году было только 80 тысяч. Промышленность очень разнообразна — от всемирно известной ткацко-отделочной фабрики, выпускающей лучшие шерстяные костюмные ткани, до недавно пущенного домостроительного комбината; из его стеновых блоков монтируются дома столичного района Мазилово. За последние шесть лет жилая площадь в городе удвоилась. Чтобы представить, как велик наш город, скажу, что когда сюда будет проведено метро, на территории Кунцева построят три станции.

А вот и наш гид по Кунцеву — Виктор Иванович Ефимов.

— Прежде всего,— сказал Виктор Иванович,— мы посмотрим дом, в котором выступал Владимир Ильич Ленин.

В августе 1918 года В. И. Ленин с Н. К. Крупской и М. И. Ульяновой приезжал в поселок Кунцево для беседы с рабочими местных предприятий. Машина останови-

МОЯ МОСКВА!..

Москва. Ленинский проспект.
Фото Н. Грановского (ТАСС)

лась возле здания волостного исполкома. Весть о приезде Ильича быстро облетела поселок, и рабочие поспешили сюда.

Вот этот дом. Он сохранился в том виде, каким был тогда. В нем и сейчас райисполком. На здании мемориальная доска:

«Владимир Ильич Ленин выступал в этом доме в 1918—1920 гг. на собраниях и конференциях рабочих и крестьян Кунцевской волости».

Чтобы посмотреть Кунцево с высоты, нам пришлось взобраться на крышу восьмиэтажного дома. Этот дом — самостоятельный избирательный участок: в нем 2 тысячи избирателей. Отсюда видны и широкие магистрали, застроенные большими, светлыми домами, и корпуса промышленных предприятий, и огромные зеленые массивы, окружающие Кунцево. Чудесная панорама! Невольно вспоминаются строки поэта И. И. Козлова:

Бывало, я в лесу уединенном,
Где Кунцево на холме
возвышенном
Задумчивой пленяет красотой,
Брожу один вечернею зарей...

В Кунцеве нередко бывал Н. М. Карамзин. В юности жил здесь Н. П. Огарев. У него часто гостил А. И. Герцен. Бывал в Кунцеве у своей сестры Ф. М. Достоевский. К жившему здесь литератору В. П. Боткину часто приезжали И. С. Тургенев, Д. В. Григорович, Л. Н. Толстой. Тургенев описал природу Кунцева в романе «Накануне». Толстой упоминает его в «Детстве, отрочестве и юности».

П. И. Чайковский, будучи в Кунцеве, записал песню «Соловушка», использованную им впоследствии в ряде музыкальных произведений. В Кунцеве жил создатель знаменитой картинной галереи П. М. Третьяков. Мастер русского пейзажа А. К. Саврасов написал картину «Вид Кунцева под Москвой».

Жил здесь В. В. Маяковский, часто бывал С. А. Есенин.

— А помните «Смерть пионерки» Эдуарда Багрицкого? — спрашивает наш гид.— Пионерка Валя жила с поэтом в одном доме. Хотите посмотреть этот дом?

И вот мы в бывшем Овражьем переулке, который теперь в честь пионерки Вали переименован в Пионерскую улицу. Бревенчатый дом, окруженный зеленью. Мемориальная доска на стене: «Здесь жил и создавал свои произведения поэт Эдуард Багрицкий с 1926 по 1932 год».

Из дома вышла пожилая женщина. Это мать пионерки Вали — Елизавета Лаврентьевна Дыко. Она рассказывает о жизни поэта, о своей дочери, которая дружила с сыном Багрицкого Всеволодом, погибшим на фронте.

Улица... МКАД

...Мы едем дальше по улицам Кунцева. Вдруг дорога выводит нас на пустырь.

— Что, разве город кончился?

— Нет,— отвечает Виктор Иванович,— это район новой застройки. Здесь уже отведены участки для ста больших жилых зданий.

Несколько минут езды — и опять кварталы благоустроенных домов. Останавливаемся возле ярких витрин универмага № 1 Кунцевского промторга. Право же, магазин ничем не уступает столичному! Еще бы ему уступать: это же и есть столица!

Проезжаем мимо огромной строительной площадки.

— Тоже жилые дома? — спрашиваем Виктора Ивановича.

— Конечно! Это Мазилово уже вплотную подошло к Кунцеву.

А вот и окраинные дома. В них живут рабочие Кунцевского хромового завода. По прежним подсчетам, это было в семнадцати километрах от Москвы.

— Тут последняя столичная улица,— говорит Виктор Иванович, когда мы остановились у высокой насыпи, где прокладывалась широкая асфальтированная магистраль.— Это Московская кольцевая автомобильная дорога. Сокращенно она называется МКАД. Правда, неожиданное название для столичной улицы? Возможно, ее переименуют, когда закончат...

Что же будет представлять собой «последняя улица» Москвы, которая кольцом опояшет огромный город? С этим вопросом мы обратились к начальнику Московского управления строительства Главдорстроя Министерства транспортного строительства СССР А. М. Сицкому.

— Московская кольцевая автомобильная дорога,— ответил он,— протянется на 109 километров. Если считать ее улицей столицы, то это будет, несомненно, самая длинная улица. Но, чтобы проехать по ней, не потребуется много времени. Пожалуй, минут за сорок пять можно будет обогнуть все кольцо. Дело в том, что автомобили могут развивать здесь большую скорость. Им не угрожают ни встречный транспорт, ни перекрестки. Дорога состоит из двух цементно-бетонных лент, каждая шириной в шесть метров. Между ними проходит разделительная полоса в четыре метра.

На дороге сооружаются шесть автозаправочных станций, четыре станции обслуживания автомобилей и две гостиницы для проезжающих.

В этом году закончится строительство восточного полукольца дороги протяженностью в 48 километров. Оно соединит все радиальные шоссе — от Ярославского до Подольского.

А. М. Сицкий подошел к стене, где висела карта дороги, и показал отрезок ее, который скоро вступит в строй.

— Небольшой участок дороги, полностью готовый, вы можете увидеть уже сейчас,— сказал он.— Здесь, на перекрестке Новорязанского шоссе...

Вот он, этот участок «последней московской улицы», улицы без перекрестков и светофоров. Мчись, обгоняя ветер...

Разговор за чаем

Начало на стр. 17.

Бернгардович, будьте любезны объясниться: какую пользу от управляющих машин вы имеете в виду, кроме экономии на зарплате?

Экономист посмотрел на Птахина.

— Вы были в Лондоне? — спросил он.

— Да... был... недавно... А что?

— Где вы питались?

— Конечно, в «селф-сервис», у Лайонса,— все еще недоумевая, отвечал Птахин.

— Расскажите, как это выглядит.

— Есть рассказать! — воскликнул Птахин, хлопнув в ладоши. Он схватил вазочку для цветов и, держа ее перед собой как микрофон, начал:

— Леди и джентльмены, в настоящий момент мы входим в пищевой центр, расположенный в сердце Лондона,— «Дж. Лайонс энд компани». Это—подлинное ка́пище еды. Внизу гастрономический магазин. На лестнице во второй этаж мы видим очередь. Здесь продают «эггс энд бэкон» — яйца с ветчиной, самую дешевую еду после «догс» — сосисок, которые можно купить даже на улицах. Гигант в ливрее подходит к нам. Ого, у него очень грозное лицо! Он увидел у меня в руках микрофон. Слушайте, слушайте, что говорит этот страж порядка!

С большим искусством Птахин вылаивает приказание швейцара.

— Он выгоняет нас отсюда. Здесь слишком священное место для радиорепортеров! «Приход Христа недалек!» — взвизгивает Птахин, явно спасаясь от стража.— Эта надпись,— продолжает он,— повешена кем-то на дверях ресторана третьего этажа. Ресторан, поскольку в нем дорогие цены, пуст. Как видно, только приход Христа может спасти его от разорения.

Теперь, леди и джентльмены, мы находимся на верхнем этаже. Это знаменитый «селф-сервис» — самообслуживание. Тут мы можем позавтракать и пообедать по доступной цене, тут всегда людно.

Птахин остановился.

— Кажется,— сказал он,— я хочу есть.

Аплодисментами мы выразили ему нашу благодарность.

— Ваша радиослава принадлежит вам по праву,— сказал экономист.— Позвольте узнать: вы бывали также и в окраинных отделениях этой фирмы?

— Конечно! — ответил Птахин, уже не заботясь о дикции, поскольку рот его был полон колбасой.— Но там еда не первой свежести...

— Вы не задумывались над тем, каким образом ведется управление всей этой сетью более чем в триста ресторанов, кафе и магазинов на громадной территории Лондона? Я могу вам объяснить. Главное действующее лицо там— мистер Лео. Его способности сделали его знаменитым даже за пределами Англии. Так, например, он подсчитывает все платежи для десяти тысяч служащих в течение четырех часов, тогда как раньше тридцать семь конторских мисс работали над этим в течение недели.

— Тридцать семь уволено! — отметил финансист.

— Далее. Каждое утро двенадцать секретарш передают мистеру Лео перфорированные карты с требованиями от всей торговой сети, и он составляет график и выписывает заказы. Эту работу раньше выполняли пятьдесят конторских служащих в течение полного рабочего дня. Лео оканчивает ее в пятьдесят минут.

— Еще полсотни мисс уволены! — отметил финансист.

— Погодите,— сказал Борис Бернгардович.— Самое главное только начинается. Покончив с обычными делами, мистер Лео принимается за работу, которую не могли бы выполнить ни тридцать семь, ни пятьдесят уволенных мисс. Он анализирует дневную выручку прошлого дня и выясняет, какие виды блюд — закусок, тортов и салатов — пользуются большим спросом и какие меньшим и в каких именно районах. Узнав, что завтра ожидается жаркий день, он справляется в своей нечеловеческой памяти, какое увеличение спроса на мороженое и холодные напитки имело место в подобную погоду за последние пять лет. Он тут же дает распоряжение об увеличении прохладительных блюд. Узнав, что такая-то улица будет закрыта для движения в часы ленча, он сокращает подачу товаров в соответствующие магазины. Он отмечает, какие новые блюда и новые мероприятия и где именно проявили себя в хорошем или плохом смысле. Выяснив, что в центральном ресторане, о котором только что столь блестяще рассказал наш хозяин, остались непроданными такие-то пирожки и такие-то бифштексы, он молниеносно соображает, есть ли выгода перебросить их в магазины на окраины, и, если есть, рекомендует сделать это. Как видите, эта машина делает то, что не могут делать сотни уволенных служащих.

— То есть машина высшей сообразительности?! — всплеснула руками станкостроительница.—Почти гениальный организатор!

— Прямо Наполеон какой-то! — сказал финансист, пожимая плечами.

— Нет, не Наполеон,— вмешался в разговор поэт, который в это время рылся в книгах птахинской библиотеки.— Это только машина. Позвольте прочесть вам интересное высказывание по этому поводу одного довольно знаменитого автора.

Он взял книгу и подошел к столу.

— «Что мы должны думать о машине из дерева и металла, которая может не только вычислять астрономические и навигационные таблицы, но и сделать точность своих действий математически достоверной благодаря способности исправлять свои возможные ошибки?»

— Кого вы цитируете? — послышались голоса.

— Эдгара По, написавшего эти строки более ста лет тому назад. Тогда уже Бэббедж изобрел свою вычислительную машину. Эдгар По утверждает, что ничего нового машина создать не может, однако переработать данный ей материал она в состоянии с замечательной точностью и для любой цели.

— Но такой Лео стоит больших денег! — сказал финансист.

— Полтораста тысяч фунтов стерлингов.

— Более полутора миллионов рублей! Ужасная сумма! Таких кредитов на механизацию конторского труда мы отпускать не можем.

— Кто это мы? — грозно спросил геофизик.

— Я лично,— тихо ответил финансист.

— Ну и сидите лично с вашей сотней счетоводов, которые будут вам давать баланс минувшего года в середине текущего! Конечно, этого довольно, чтобы отчитаться, но чтобы управлять, нужно иметь баланс не годовой, а ежечасный.

— Рубль надо беречь! — назидательно сказал финансист.— Это не детские игрушки, не велосипед какой-нибудь.

— Вот тут и есть ваша основная ошибка, — сказал экономист. — Рубль именно похож на велосипед: чем быстрее он движется, тем более он устойчив. Рубль надо тратить. Конечно, с умом, но быстро.

— Простите,— сказала станкостроительница,— но мне кажется, что такая управляющая машина похожа на вестибулярный аппарат в ухе человека: он безошибочно подает сигналы мускулатуре, и человек сохраняет равновесие. Так и тут: единый центр все время ощущает все отдельные процессы в громадном предприятии и каждую минуту находит лучшее решение для того, чтобы общий процесс шел наиболее целесообразно.

Тут Птахин, дохлебнув последний глоток чая, выскочил из комнаты. Через минуту он вернулся, толкая перед собой высокого бледного человека в тенниске и спортивных брюках. Человек, как видно, был поднят с постели и жмурился от света.

— Товарищи радиослушатели! — возгласил Птахин.— Мой сосед Сережа, Сергей Константинович, инженер!

Птахин нажал на плечи гостя, и тот, остроугольно сложившись, сел в кресло.

— У нашего микрофона,— продолжал Птахин,— автор проекта автоматического управления заводами...

Поморгав, инженер сказал:

— Один из авторов. И проект еще не готов. Только эскизы. Рассказать?

Он похлопал по несуществующим карманам, потом поискал глазами вокруг. Птахин положил перед ним бумагу и карандаш.

— Мы делим весь завод на участки. Каждый участок имеет пульт контроля. На пульте — счетчики.

Голая жилистая рука набрасывала четкие и точные линии.

— Этот ряд счетчиков показывает, какие детали и в каком количестве запущены в производство. Этот ряд говорит, сколько выпущено.

— За какое время?

— На данную секунду.

— Кто сообщает об этом?

— Автоматы-датчики. Они расположены у каждого станка или у каждого узла автоматической линии. Наверху расположена так называемая мнемосхема. Она показывает, как работают все станки участка. Возле изображения каждого станка могут загораться лампы: красная обозначает поломку оборудования, желтая — кончаются материалы, синяя — скоро понадобится инструмент.

— Кто подает эти сигналы?

— На этот раз уже люди, или, вернее, пока еще люди. Этот первичный пульт дает картину всего производства на своем участке.

— Знаете ли,— сказал поэт, — я видел памятник цехам. Кажется, это было в Праге. Там были изображены рабочие, каждый со своим орудием производства: кузнецы — с молотами, столяры — с пилами... А сейчас, какую бы профессию вы ни взялись изобразить, всюду одно орудие: пульт!

— Но к пульту мы присоединяем еще одну деталь: за спиной наблюдателя установлена камера телевидения. Она передает изображение участкового пульта на пульт начальника цеха. Там видно состояние производства на всех участках. Наконец, основные данные со всех пультов приходят к центральному пульту завода.

— Получается что-то вроде нервной системы, охватывающей весь заводской организм? — спросил Птахин.

— И ее задача— все время поддерживать равновесие, то есть оптимальный режим производства.

— Вестибулярный аппарат!

Инженер оживился.

— В этом все и дело. Держать завод возле заданной нормы. Теперь я скажу вам о главном. Я умышленно умолчал о том, что на всех пультах рядом с цифрами, которые показывают выпускаемую продукцию, все время выскакивают цифры плана. Например, пульт показывает, что станок такой-то выпускает в настоящий момент двадцатую по счету деталь. И одновременно рядом выскакивает цифра «22». Это значит, что на данную секунду нужно было выпустить не двадцать, а двадцать две детали. Значит, отставание! Значит, надо выяснять причину и нагонять.

— Это производит впечатление,— сказал поэт,—что весь завод живет переходами от одной секунды к другой, в непрестанном и строгом ритме. Так происходит в музыке и в поэзии, когда сквозь самое сложное звучание мы чувствуем, как движется счет — удары сердца симфонии или стиха.

— Поэты не могут без музыки и без сердца!

— Почему только поэты? Недавно в Политехническом музее я слышал лекцию Норберта Винера, одного из основателей кибернетики, и он рассказал замечательную вещь. Оказывается, в человеческом мозгу существует таинственная система, которая работает с постоянной частотой колебаний. Эта система, как думает Винер, играет роль часов в нашем мышлении. Я не знаю, почему,— продолжал поэт,— но эта мысль, что весь поток наших раздумий, все наши волнения, вся сложность нашей душевной жизни подчинены качанию маятника времени,—эта мысль почему-то меня волнует чрезвычайно. Тут есть какой-то прорыв в тайну стиха, в тайну жизни, в тайну мира.

Конструктор рассмеялся:

— Для любителей волноваться все может быть поводом к волнению, тем более, если это связано с их профессией. Поскольку мозг не линейная система...

— К черту линейность! Да здравствует поэзия! — рассердился Птахин.— Сережа, продолжай!

— Мы не претендуем на поэзию, — сказал инженер. — Мы создаем реальность, а уж отражать ее — дело поэтов.

— Скажите,— спросил поэт робко,— запланировав нервы, вы запланировали мозг вашего завода?

— Обязательно! — сказал инженер.

Было видно, что поэт заинтересовал его больше всех других собеседников. Он даже как будто отчитывался перед ним, стараясь представить ему все в особенно ясном и привлекательном виде.

— Сейчас мы разрабатываем вопрос о том, какие именно сведения должны регулярно поступать в центральную вычислительную машину. На Первом подшипниковом заводе, например, уже пользуются услугами вычислительных машин для того, чтобы анализировать все неправильности производства. Они пытаются отыскать закономерности появления ошибок. Это сложная математическая задача, но ее можно решить при помощи механизмов. А какое громадное повышение качества даст ее решение! Кроме того, центральный мозг завода может изучать сравнительную загруженность оборудования, легко показывать так называемые диспропорции в мощностях на тех или иных участках. Он может анализировать экономические показатели производства и предлагать возможности более выгодного ведения хозяйства.

— Этого я не понимаю,— сказал Птахин.— Темно, как у Гегеля. Дайте примеры.

— Ну, например, у вас есть пресс большой мощности. Он штампует несколько крупных деталей. Вам нужно найти самую выгодную последовательность в производстве этих деталей, самое выгодное количество их в каждой серии... Машина, «не задумываясь», дает вам ответ. Вообще правильная загрузка всего оборудования может быть решена только математически. Сейчас мне кажется, что наше обычное, «человеческое» управление большим заводом — это какая-то стадия детства, кустарщина. Такое управление очень зависит от личных свойств и даже от характеров отдельных людей, от их настроения, от состояния их здоровья, от их усталости, наконец. И сколько пропадает материалов, энергии, времени, инструмента!

— Уж больно дорого — полтора миллиона рублей! — задумчиво сказал финансист.

Тут уж все расхохотались. Птахин крикнул, показывая на финансиста:

— Ничего не забыл, но и ничему не научился! Здесь ведь промышленная революция совершается, а вы со своей арифметикой!

— Арифметика — мать математики,— сказал финансист добродушно. Вероятно, он был неплохой в глубине души человек.

— Я вспоминаю,— сказал поэт,— что отец мне рассказывал об одном директоре завода, крупном инженере, который мечтал о главном мозге предприятия еще во времена второй пятилетки. Он говорил: «Я построил бы заводоуправление в виде башни, откуда можно было бы видеть все производство. Нижние этажи этой башни управляли бы сегодняшним днем. Следующие этажи обобщали бы их опыт. А этажи над ними из этих обобщений делали бы выводы на завтрашний день. На самом же верху сидели бы люди, думающие на десять лет вперед». Красивая мечта, но тогда не было еще электроники...

— А теперь она есть,— сказал инженер,— и можно обойтись без башни. Но мысль эта очень правильная. И нынче думать вперед будет значительно легче. Во-первых, при помощи машин мы освободили себе время для думания, а во-вторых, ведь машины вооружают нас. Только замыслишь какой-нибудь вариант — заложил в машину, и через минуту уже видишь, каков он в работе.

— Мне кажется,— сказал экономист,— мудрый Винер неправ, когда говорит, что промышленная революция XVIII века обесценила человеческую руку, а кибернетика — промышленная революция XX века — обесценивает мозг. Это верно только в одном смысле: в капиталистическом обществе физическая сила как товар была обесценена машинами, а сейчас труд счетовода или экономиста как товар продать тоже нелегко, например, в Соединенных Штатах: кто же его купит, если есть механические вычислители? Но рука человека... и особенно мысль человека... Да ведь именно после этих двух «революций» мы и увидели их гигантскую ценность!

— Как это верно! — воскликнул поэт.— Сотни тысяч лет человечество шло путем руки. А сейчас этот путь вливается в путь мысли — широкий, необозримый, бесконечный путь к звездам.

— Поэты не могут без звезд,— вздохнул конструктор самолетов.

— Уж вы молчите! — сказал Птахин.— Вы же сами делаете вещи, которые летают к звездам!

Экономист продолжил мысль поэта:

— Из всех сооружений прошлого самые грандиозные — пирамиды. О них можно сказать: вот минимум проекта и максимум мускульной силы. Если бы можно было измерять единой мерой силу рук и силу мозга, мы сказали бы: на миллион рукосил — одна мозгосила. А сейчас? Возьмите спутник: на миллион усилий мозга — одно усилие руки.

— К звездам летит почти сама мысль,— сказал поэт.

Инженер, все время порывавшийся сказать что-то, наконец снова вступил в разговор. Обращаясь к поэту, он произнес убеждающим, даже ласковым голосом:

— Когда наша машина будет готова, приходите к нам. Если бы вы могли почувствовать, что значит получить от нее ответ на свой вопрос! Я говорю не о технической задаче, я говорю о чувстве. Это необыкновенное чувство — увидеть вдруг свою мысль разросшейся, как огромное дерево, неожиданно рассмотреть в ней новые возможности, новые направления... Все это в какой-то степени похоже на то, как впервые были увидены бациллы под микроскопом или горы на Луне...

— Нет, — сказал поэт, — это больше. Я уверен, что это больше, но как выразить это, я еще не знаю.

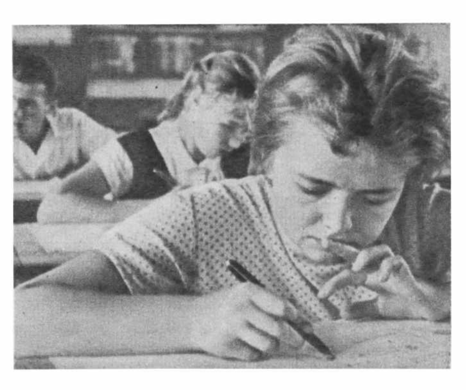
Виталия Цветкова (справа) консультирует перед экзаменами его старший брат Вячеслав — студент 5-го курса. Не беда, что под руками нет мела и доски. Чертить можно и палочкой на песке...

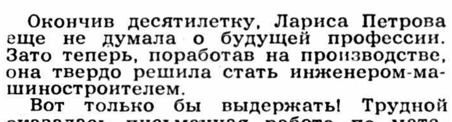
ДНИ БОЛЬШИХ НАДЕЖД

Фото **М. ОЗЕРСКОГО.**

Навсегда останутся в памяти эти августовские дни — знаменательный рубеж в жизни стольких юношей и девушек. Сегодня еще они — недавние школьники, молодые рабочие, солдаты. А завтра многие станут студентами.

Вот снимки, сделанные в Высшем техническом училище имени Баумана. Более трех с половиной тысяч юношей и девушек съехались сюда со всех концов страны держать конкурсные экзамены.

Окончив десятилетку, Лариса Петрова еще не думала о будущей профессии. Зато теперь, поработав на производстве, она твердо решила стать инженером-машиностроителем.

Вот только бы выдержать! Трудной оказалась письменная работа по математике...

Будет инженером и Эдуард Каспаров, лейтенант запаса, пять лет отслуживший в Советской Армии. Сейчас он сдаст экзамен по физике преподавателю П. А. Тарасенкову.

У заветных дверей... Эта девушка только что сдала экзамен. Она рада, охотно делится впечатлениями с товарищами, которые еще ждут своей очереди...

Что солнце делает ночью?

Из детских писем

Возьмите меня на ракету. Ведь человек для науки больше, чем собака. Я готов хоть на какие последствия, лишь бы узнать: можно летать или нет? Как организм человека переносит невесомость? Тут чего бояться: ведь контейнер опускается на землю, и ничего не случится! Я хоть чего перенесу! А еще возьмите моего кота Васю. Вы кошек еще не запускали, а он спокойный и маленький, и места ему надо меньше, чем собаке или кролику. Он может поместиться у подбородка, а для науки лучше, больше узнаете.

Саша К.

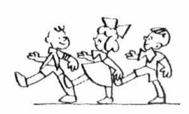
Прошу узнать, где мне учиться, чтобы по окончании курса работать над обуздыванием рек.

Саша В.

Расскажите, как уничтожить наших озорников. Они в классе хуже соринки в глазу.

Катя Б.

Из всех членов совета отряда только один звеньевой хорошо себя ведет. Но он сидит на задней парте. Чтобы взять с него пример, надо обернуться и тем нарушить дисциплину. Как быть?

Эдик К.

У нас по плану намечен сбор отряда: «Мать на жизненном пути человека». И я не знаю, как и что сделать, чтобы сбор прошел интересно.

Галя К.

С цветами мне не повезло: их поклевали куры. Я очень волновался и даже плакал с досады, а потом выщипал курице хвост в отмщение за мои цветы. Но ничего не помогло. Цветы так и не выросли.

Вова П.

Пишу стихи уже несколько лет, но все стихотворения за последние три года я нечаянно унес в школу и сдал с макулатурой, а когда опомнился, было уже поздно. Что делать?

Костя Б.

И еще в этом году мы обязались вырастить в среднем 3 курицы на пионера.

Сеня В.

Мне хотелось через вас сердечно поблагодарить участников гражданской войны за победу над кадетами.

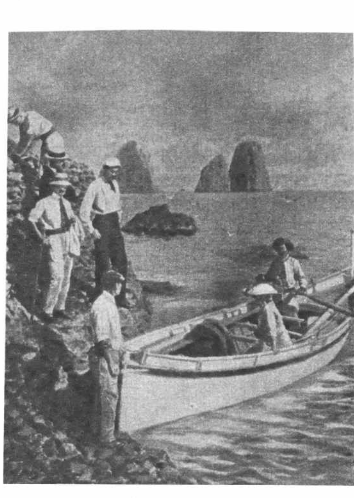
Вася Ш.

Я часто встречала в книгах животное, название которого русалка. Но я не знаю, что это за зверь и что он из себя представляет. У нас в Сибири водятся волки, лисицы, рыси, зайцы и еж, а такого зверька не знают ни я, ни наши ребята. Напишите, где русалки водятся, чем питаются, где живут, какой у них вид,— ну, все, что только знаете об этом зверьке.

Люба С.

Собрала Е. МОГИЛЯНСКАЯ.
Рисунки В. СИГАЧЕВА.

Страница из журнала «Грэфик» за 1910 год.

ВРЕМЕНА И ЛЮДИ

«Мой адрес: КАПРИ, ВИЛЛА

В. ВЛАДИМИРОВ

В английском журнале «Грэфик» за 1910 год помещена картинка, несколько необычная для этого журнала. На ней изображены скалистый берег Капри и группа итальянцев и русских, в том числе А. М. Горький. Подпись под картинкой сообщает, что Горький «променял скифские морозы на итальянское солнце», так как в России его хотели арестовать «за призыв к мятежу». Откуда в английском журнале такая картинка? Она, безусловно, перерисована с фотографии. Где же фотография? Кто снимал Горького? Кто его спутники?

Работники Музея А. М. Горького нашли ответы на эти вопросы. Картинка перерисована с редкой фотографии, сделанной в 1910 году итальянским журналистом Карло Абениакаром. Горький был в ту пору в изгнании. Адрес «Капри, вилла Спинола» знали многие.

На картинке из журнала мы видим Горького в окружении близких ему людей. Жена Горького М. Ф. Андреева, неизменные спутники Горького в прогулках по морю братья Спадаро, на заднем плане (склонившись) — один из старейших ныне кинематографистов, Ю. А. Желябужский, в светлом костюме — А. Н. Тихонов (Серебров), молодой в ту пору журналист, которому впоследствии довелось быть постоянным литературным сотрудником Горького. За спиной Тихонова стоит итальянский драматург Роберто Бракко.

В этот день они снялись еще вдвоем — Горький и Бракко, автор пьесы «Маленький святой», в которой рассказывается о сельском священнике и его тайной страстной любви к девушке — любви, запрещенной католической церковью. Пьеса о чудесной силе любви увлекла Горького. По словам журналиста Абениакара, Горький, прослушав ее, встал, обнял Бракко и со слезами сказал ему: «Ваш «Маленький святой» — большое произведение искусства. Эта драма будет иметь огромный успех в России». Стараниями Горького пьеса была напечатана в России, но сцены не увидела из-за атеистического характера.

Бракко горячо любил Горького. Карло Абениакар в своей статье «Горький и Бракко на Капри», опубликованной в декабре 1910 года, приводит следующие слова Бракко о Горьком: «Во всем, что делает и говорит этот человек, я не нахожу и тени той искусственности, которая встречается даже в хороших и простых людях, знающих, что они очень известны. Простота Максима Горького — это детская простота. Кажется невозможным, что он столько пережил! Кроткое спокойствие всегда сквозит в его глазах и суровых морщинах лица...»

Дальнейшая жизнь Бракко в фашистской Италии сложилась печально. В 1928 году Горький писал: «Вчера пришли к Роберто Бракко, схватили его, заперли в ванную комнату, выкинули на двор все книги, рукописи и там сожгли». Умер Бракко в 1943 году, накануне капитуляции Италии.

В том же журнале «Грэфик» помещена и фотография Ф. И. Шаляпина. Снимок сделан в Монте-Карло фотографом Анриетти. Подпись под фото сообщает: «Рыцарь печального образа — Шаляпин в роли Дон Кихота». Шаляпин с большим волнением готовил роль Дон Кихота. Еще в 1909 году он писал Горькому: «Два дня только были прекрасными. Это было здесь, в Париже — один раз у Масснэ, а другой раз у Анри Кэн. Один из них (первый) играл мне музыку новой оперы, а другой читал мне либретто, им сделанное, и оба раза я плакал, как корова. Это был Дон Кихот, рыцарь печального образа. Да, именно печального образа и такой честный, такой святой... Либретто сделано чудесно, музыка (кажется) отличная, и если бог умудрит меня и на этот раз, то я думаю хорошо сыграть «тебя» и немножко «себя», мой дорогой Максимыч...»

Дружба Горького и Шаляпина известна. «Когда я смотрю на тебя,— писал Горький своему другу,— я молюсь благодарно какому-то русскому богу: спасибо, боже, хорошо ты показал в лице Федора, на что способна битая, мученая, горестная наша земля! Спасибо,— знаю, есть в ней сила! И какая красавица — сила!» И далее: «...в русском искусстве Шаляпин — эпоха, как Пушкин».

Горький не раз звал Шаляпина на Капри, предлагая ему написать его автобиографию «под диктовку». И наконец Шаляпин приехал. Автобиография не была написана, но друзья досыта наговорились обо всем и, наверное, больше все-

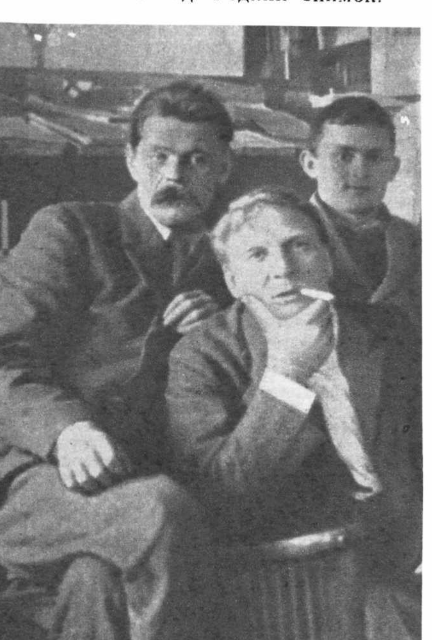
Горький спускается к лодке. Капри. 1910 год. Снимок публикуется впервые.

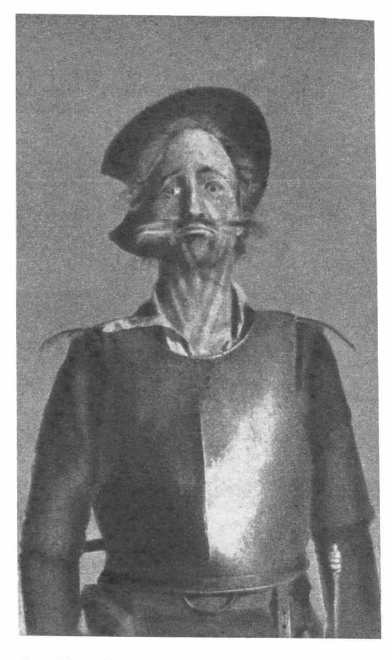
«...СПИНОЛА. ГОРЬКОМУ»

А. М. Горький и Роберто Бракко на Капри. 1910 год.

А. М. Горький, Ф. И. Шаляпин и сын Горького Максим на Капри. 1913 год. Редкий снимок.

Ф. И. Шаляпин после премьеры оперы «Дон Кихот» в Монте-Карло 19 февраля 1910 года.

го о далекой, родной России. Приезжал Шаляпин на Капри и в 1913 году. Снимок, который мы воспроизводим, знакомит читателя с Шаляпиным, Горьким и сыном Горького Максимом в это время.

Горький относился к Шаляпину с нежностью, как относятся к человеку, который дорог, «несмотря ни на что». В 1928 году, возвращаясь на родину, он сказал ему: «А теперь тебе, Федор, надо ехать в Россию». Сам Федор Иванович говорил, что «это был голос любви и ко мне и к России».

Вот о чем напоминают пожелтевшие фотоснимки старых журналов и Музея А. М. Горького, сохранившие облик дорогого нам писателя. Словно живой, глядит на нас Горький 1910 года, болеющий душой за свой народ и за его искусство.

Конг Ле выступает на митинге во Вьентьяне.

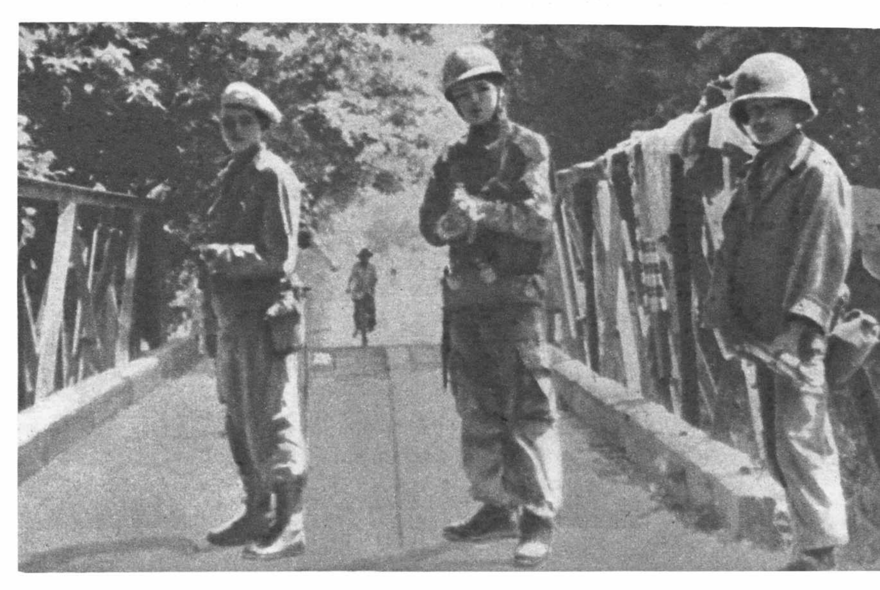
ЛАОС ПРОДОЛЖАЕТ БОРЬБУ

9 августа этого года наступил крах еще одного проамериканского режима: в этот день было свергнуто реакционное правительство Лаоса. В результате переворота к власти пришел Революционный комитет во главе с капитаном Конг Ле.

Находящиеся в Луан-Прабане правители Лаоса вынуждены были капитулировать и заявить королю о своей отставке.

Принц Суванна Фума по согласованию с Комитетом государственного переворота (так был переименован Революционный комитет) сформировал новое правительство.

В программе нового правительства говорится, что оно не допустит иностранного вмешательства во внутренние дела страны, будет неуклонно проводить политику нейтралитета.

Воинские подразделения охраняют подступы к столице.

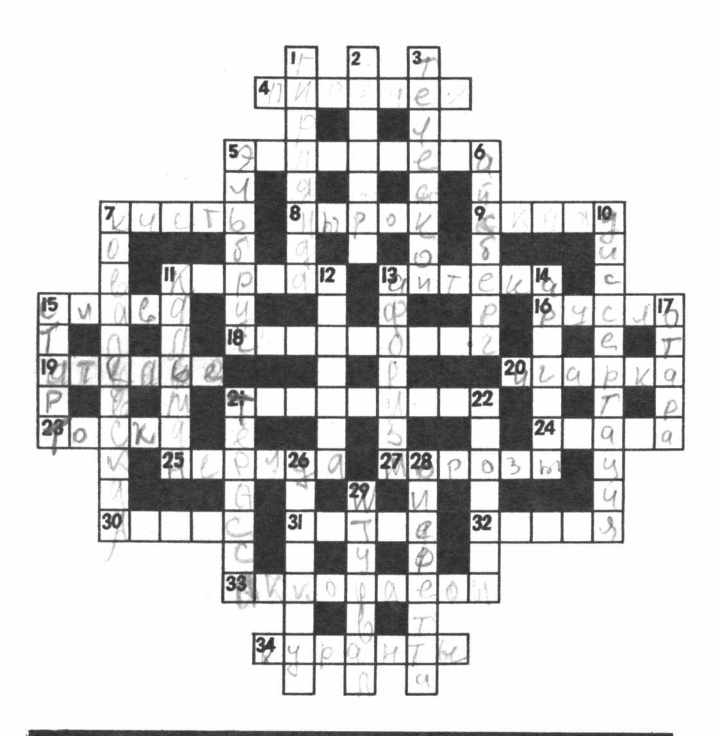
Фото Ассошиэйтед Пресс.

ПЕРЕД СТАРТОМ

Эти девушки будут бороться в Риме за звание чемпиона Олимпийских игр по прыжкам в воду. Слева направо: Лиз Феррис (Англия), Эрлина Косолапова (СССР), Лаура Контер (Италия).

Фото Ассошиэйтед Пресс.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Горная цепь в Европе. 5. Круг годичного перемещения Солнца. 7. Гроздь плодов. 8. Водоплавающая птица. 9. Хранилище. 11. Промысловое судно. 13. Фармацевтическое учреждение. 15. Пьеса В. Гусева. 16. Ложе реки. 18. Специальность ученого. 19. Мастерская художника. 20. Порт на Енисее. 21. Радиотехническое устройство. 23. Опера Д. Пуччини. 24. Потухший вулкан на Камчатке. 25. Чилийский поэт. 27. Атмосферное явление. 30. Вьющееся травянистое растение. 31. Русский мореплаватель XIX века. 32. Город в Италии. 33. Музыкальный инструмент. 34. Башенные часы.

По вертикали:

1. Украшение из цветов и зелени. 2. Живопись особыми красками. 3. Оптический прибор. 5. Вершина Кавказа. 6. Плавучая ледяная гора. 7. Первая в мире женщина-профессор. 10. Научная работа. 11. Венгерский композитор. 12. Классификация предметов, явлений. 13. Краткое изречение. 14. Река в Бразилии. 15. Начало спортивного состязания. 17. Стадо овец. 21. Пристройка к зданию. 22. Немецкий физик, открывший лучи «икс». 26. Автор картины «Свобода на баррикадах». 28. Комическое музыкальное произведение. 29. Рулевое колесо комбайна.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 34

По горизонтали:

3. Патон. 6. Коллекция. 7. Транспарант. 13. Рондо. 15. Артек. 17. Барокко. 20. Цунами. 21. Аносов. 22. Крузенштерн. 23. Качели. 24. Иволга. 25. Оттенок. 28. Пихта. 29. Почта. 30. Нумизматика. 35. Амальгама. 36. Штрек.

По вертикали:

1. Лаплас. 2. «Москва». 4. Ложа. 5. Дина. 7. Таджикистан. 8. Нива. 9. Раек. 10. Турчанинова. 11. Собакевич. 12. «Ведомости». 14. Пойнтер. 16. Буран. 17. Бруно. 18. Очерк. 19. Конго. 26. «Тени». 27. Опыт. 31. «Муму». 32. Золото. 33. Ангрен. 34. Ижма.

На последней странице обложки:
Дикий виноград.
Фото В. Гиппенрейтера.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

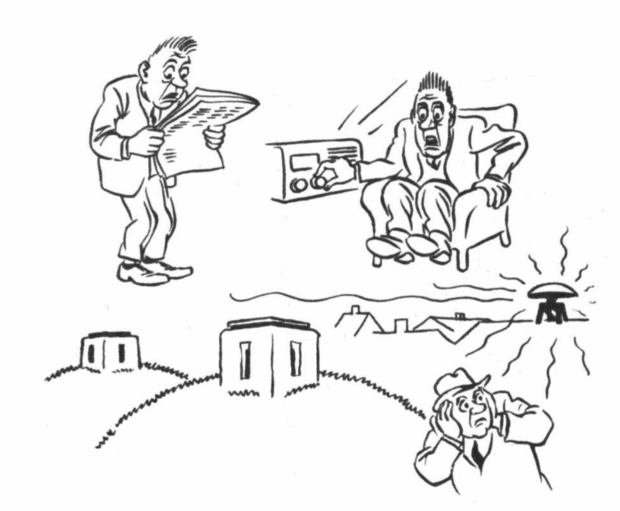
Оформление Л. Шумана.

Рукописи не возвращаются.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 06422. Подписано к печати 24/VIII 1960 г.
Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л.
Тираж 1 700 000. Изд. № 1388. Заказ 2302.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

1. «Стройте бомбоубежище!» — кричала в уши датчанам «холодная война».

4. ...а другой рукой богатый американский дядюшка всучивал матушке Дании «щедрый подарок».

5. Потом дядя Сэм галантно предложил ей атомный зонтик.

9. США пригласили датчан поплясать на краю военной пропасти.

10. А в это время появилась новая звезда — советский спутник.

В мрачные годы «холодной войны» датчане попали под ураганный огонь военного психоза. Газеты, радио, телевидение зловеще нашептывали: «Готовьтесь!» Пронзительный вой сирен учений противовоздушной обороны превращал Копенгаген в Нью-Йорк и Чикаго. Вместо того, чтобы убрать с датской земли уродливые следы войны — доты и бомбоубежища, власти потихоньку советовали строить новые. В эти времена Дания выдвинулась на первое место в мире... по проценту самоубийств.

Кто же был пугалом, перед которым заставляли дрожать от страха мирных людей Дании? Оказывается... Советский Союз! Датчане знали и помнили, что фашистскую петлю снял с их шеи советский солдат. Но западная пропаганда не давала датчанину вздохнуть, ежечасно, ежеминутно выдавая черное за белое. За «аргументами» она в карман не лезла:

«Солдаты гитлеровской армии носили сапоги с высокими голенищами? Берегитесь: солдаты Советской Армии носят такие же! Зато солдаты боннского рейха сменили ненавистные сапоги на ботинки американского образца на резиновой подошве. Значит, они защитники свободы и благополучия Дании!» И скоро датчане увидели этих «защитников» у себя дома, на устрашающих маневрах НАТО...

В Дании, пожалуй, нет семьи, у которой бы не было родственников, выехавших искать счастье в «обетованной стране» доллара. У автора этих строк в США живут три дяди и одна тетка и столько же родственников у моей жены. После войны, когда США предложили Дании «помощь» по плану Маршалла, многие датчане умилились этой родственной щедрости богатого американского дядюшки. Но поток дорогого заокеанского угля и консервов сменился тысячами тонн устарелого военного снаряжения. Потом потребовали присоединения Дании к НАТО. Радио и газеты довели до оглушительного воя крики о нападении, ко-

Херлуф БИДСТРУП

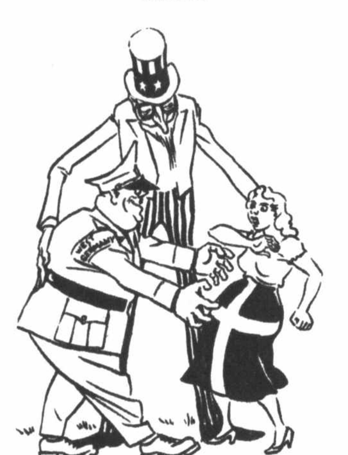
Датчане и дядя Сэм

2. Дядя Сэм усердно малевал «картины советской угрозы» в модном абстракционистском духе...

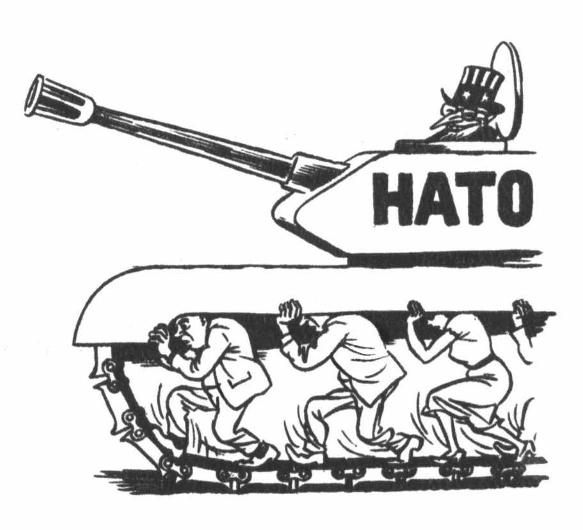
3. ...одной рукой помогая недобитым гитлеровцам встать на ноги...

6. «Обнимите старого друга»,— ласково уговаривал он Данию.

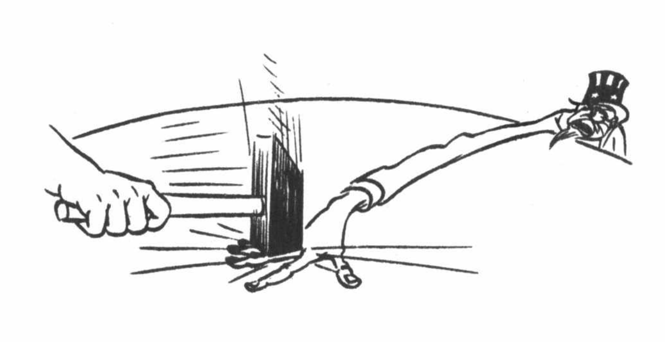
7. Заокеанским «покровителям» понравилось вкусное мороженое — Гренландия.

8. Вот так США и Дания «вместе» двигают вперед военную машину НАТО.

11. Весть о победах СССР в космосе сильно стукнула дядю Сэма по затылку.

12. Советский молот опустился на пальцы дяди Сэма, протянутые куда не полагается.

13. И датчане увидели живописный облик сильно потрепанного генерала «холодной войны».

торое готовит на Данию Советский Союз. Датчане стали понимать, что под атомным зонтиком, галантно предложенным дядей Сэмом, безопасность матушки Дании будет весьма и весьма сомнительной.

Дания никогда не воевала ни со старой Россией, ни с молодым Советским Союзом. В 1945 году, когда советские солдаты освободили датский остров Борнхольм, газеты писали, что маленького, чудесного, стратегически важного островка Дании больше не видеть, как своих ушей. Но советские солдаты ушли с маленького островка домой, в Советский Союз. Не то получилось с большой Гренландией. Американцы за войну прижились на ней и даже не думали ее покидать. Что значили для них «какие-то эскимосы»? Что значило возмущение датчан? Американцы строили на датском острове базы, аэродромы, радарные станции. Пожелай я поехать на Гренландию, мне пришлось бы просить разрешения у какого-нибудь американского высшего офицера...

Печальные эти факты поселили скептицизм в душе датчан. А тут еще их славную матушку Данию заставили исполнять с американским кавалером рок-н-ролл на самом краю пропасти, или «на грани войны», как говаривал недоброй памяти Фостер Даллес.

Первый советский спутник засиял в далеком небе так же ярко, как Сталинград в жестокую пору войны. Дяде Сэму, который до этого выступал в роли непобедимого Тарзана капиталистических джунглей, пришлось довольствоваться амплуа незадачливого клоуна, которого огрели дубиной по шляпе. Советские космические корабли, удачное попадание в Луну — все это обрушилось на головы воинственных американских генералов жестким холодным душем.

Понемногу начал таять лед «холодной войны». Датчане по достоинству оценили план всеобщего разоружения, предложенный Никитой Хрущевым.

Но вот кувырком полетел на землю американский шпионский самолет, блестяще сбитый в глубине территории Советского Союза. Президент Эйзенхауэр предстал перед датчанами как величайший в мире лжец. Они поняли, чего стоят его благочестивые призывы подарить человечеству «открытое небо». Но те же датские газеты, которые громче всех вопили против совещания в верхах, теперь горько плакали и причитали по поводу того, что совещание в верхах не состоялось из-за... Советского Союза!

Датчане насторожились, когда еще один американский самолет нарушил воздушное пространство ГДР и вынужден был там приземлиться. И еще раз они смогли убедиться в приверженности американских политиков к вранью. Плохая погода, плохая видимость над Данией и Балтийским морем, уверял государственный департамент. Каждый датчанин помнит, что в тот день была необыкновенно хорошая погода, небо было высоким, ясным и безоблачным...

Потом «пропал» американский бомбардировщик «РБ-47». Тут уж каждому датчанину стало ясно, что дядя Сэм снова сунул свой нос в пределы Советского Союза. Датчанин начинает понимать, что он будет одной из первых жертв, если дядя Сэм потеряет равновесие во время своего опасного танца «на грани войны». А это теперь особенно вероятно: ноги заокеанского генерала стали неустойчивы из-за многочисленных тумаков, полученных за последнее время, особенно во время путешествия по Восточной Азии.

И два слова в заключение о президенте Эйзенхауэре. Датчане не лишены некоторого сочувствия. Они считают, что ему лучше наслаждаться «открытым небом» на своей гольфовой площадке. И если он там промахнется по мячу, то не беда даже, что он свалит вину за промах на метеорологические условия. Датчане охотно сделают вид, что верят ему.

Перевод с датского.

Цена номера 3 руб.